

Ю. В. Оспенников

**ИСТОЧНИКИ
РУССКОГО ПРАВА
X–XVI вв.**

Учебное пособие

Самара
«Научно-технический центр»
2020

УДК 340
ББК 63.3(2)41-44
О-72

Рецензенты:

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права, Институт права Тольяттинского государственного университета;

Гайденок Павел Иванович, доктор исторических наук, доцент, председатель редакционного совета журнала «Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях».

Оспенников, Ю. В.

О-72 Источники русского права X–XVI вв. : учебное пособие / Ю. В. Оспенников. Самара : Научно-технический центр, 2020. – 189 с.

ISBN 978-5-98229-437-1

Издание даёт краткое и наглядное представление об основных видах источников русского права периода X–XVI вв., включая в себя тексты памятников, которые не встречаются в повсеместно растространённых хрестоматиях и пособиях.

Учебное пособие предназначено для студентов юридических и исторических вузов, для всех интересующихся историей России.

УДК 340
ББК 63.3(2)41-44

ISBN 978-5-98229-437-1

© Оспенников Ю. В., 2020

Оглавление

Введение	5
Глава I. Подсистема светского права	7
§1. Обычное право и систематизации правовых норм	8
§2. Международные договоры	47
§3. Договорные грамоты вечевых городов с князьями	60
§4. Уставные грамоты	68
§5. Уставные таможенные грамоты	87
§6. Губные грамоты	104
§7. Жалованные грамоты	116
§8. Другие виды грамот	128
8.1. Опасные грамоты	128
8.2. Присяжные грамоты	129
8.3. Подорожные грамоты	131
8.4. Правые грамоты	132

Глава II. Подсистема церковного права	137
§1. Тексты Священного Писания	138
§2. Решения соборов	144
§3. Настольные и отречённые грамоты	166
§4. Канонические ответы	176
§5. Княжеские церковные уставы	181
§6. Правосудье Митрополичье	185

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве учебников по истории государства и права России системе источников права, их характеристике и эволюции уделяется недостаточное внимание. Более того, в процессе освоения учебного материала нередко возникает ситуация, когда студент может перечислить некоторые виды источников русского права X–XVI вв., однако не имеет представления о конкретных примерах, на которых раскрываются особенности каждого вида источников.

Главная задача данного пособия – дать студентам краткое системное представление об источниках русского права периода X–XVI вв., о затухающих и только начинающихся тенденциях в их эволюции, ознакомить с некоторыми примерами, позволяющими отчётливее понимать, что собой представляли отдельные группы источников русского права рассматриваемого периода.

Приводимые в издании тексты в минимальной степени адаптированы для современного читателя, что позволяет сохранить их неповторимый колорит и логику изложения. Большинство выражений и слов интуитивно понятны читателю, владеющему современным русским языком, для перевода непонятных слов рекомендуется обратиться к словарям древнерусского языка.

Для удобства широкого круга читателей, не знакомых с навыками источниковедческой работы, приводимые тексты источников разбиты на смысловые блоки. Разбивка осуществляется в соответствии с уже принятым в исследовательской литературе делением текста на статьи, при этом даётся ссылка на автора, в работах которого было предложено такое деление.

Глава I
ПОДСИСТЕМА СВЕТСКОГО ПРАВА

§1. Обычное право и систематизации правовых норм

На первое место среди источников светского права по своей значимости должно быть поставлено обычное право – совокупность правовых установлений, создающихся независимо от предписаний законодательной власти и выражающихся в народных обычаях и обрядах¹. В средневековой русской терминологии это явление определялось термином «пошлина» – принятый порядок регулирования общественной жизни. Важной особенностью обычного права является его партикулярность, что обусловило параллельное существование в удельный период нескольких самобытных правовых традиций, «пошлин», в разных русских землях. В этом смысле, говоря о развитии русского права в средние века, можно вести речь как об общих тенденциях на территории русских земель, так и о своеобразии в эволюции псковской, новгородской, московской, тверской и других правовых традиций.

Особенностью обычного права является его устный характер – эти правовые установления передаются из поколения в поколения, при этом не существует специальной программы обучения или методики передачи накопленных знаний: за счёт публичности всех этапов судебного процесса обеспечивается участие нового поколения в процедурах регулирования различных сфер обществен-

¹ Филиппов А. Н. Учебник по истории русского права. Юрьев, 1907. С. 32.

ной жизни. Таким образом, обычное право является элементом повседневной жизни, и совокупность существующих правовых установлений усваивается новым поколением в процессе естественной социализации.

Сфера действия обычного права, несмотря на её постепенное ограничение за счёт усиления значения других источников права, сохранялась вплоть до XX века. Особенно сильны были обычноеправовые способы регулирования в сфере семейно-брачных отношений и частных обязательственных отношений.

Обычное древнерусское право являлось основой для всех остальных источников права, оказывая на них существенное воздействие. Первоначально законодательная деятельность князей состояла не в том, чтобы творить новое право, а в том, чтобы сформулировать и подробнее развить установления обычного права. Однако княжеская воля и княжеская нормотворческая деятельность объективно конкурировали с обычноеправовым порядком регулирования общественных отношений. По мере усиления государственных начал, княжеская воля приобретала всё большее значение. Начиная с XVI в. можно говорить об очевидном преобладании государственного регулирования над обычноеправовым, однако обычное право как источник права сохраняется и в последующее время до XX века включительно.

Законодательные источники права и обычное право изначально – и в течение нескольких первых веков развития русского права – очень близки друг другу и малоотличимы. Закон в период X–XV веков обычно представляет собой санкционированный верховной властью обычай, а крупнейшие памятники права являются записями обычного права. Текст каждой из таких записей – Русская Правда, Псковская и Новгородская Судные грамоты – формировался в течение длительного времени, представляя собой сложный сплав отсылок к живому обычноеправовому порядку регулирования, зафиксированных норм, заимствованных из правовой традиции (т. е. подвергшихся процессу формализации и уже не представляющих собой элемент обычноеправовой традиции, утративших свой «живой» характер), правовых установлений, внесённых органами протогосударственной власти – вечевыми собраниями и князьями.

В свете вышесказанного можно говорить о длительном процессе эволюции целого комплекса обычноеправовых норм, которые не только продолжают существовать в рамках подсистемы обычного права, но и проникают в письменные источники права, связанные своим происхождением со светской и церковной властями. И через это проникновение обычноеправовая традиция оказывала влияние на другие источники права, и через воздействие конкретных принципов, характерных для неё.

Первым этапом эволюции этого комплекса норм можно считать попытки их письменной фиксации, записи, сопровождавшиеся внесением определённых изменений. Этот этап растянулся на период XI–XV вв., яркими примерами записей обычного права являются Русская Правда, Псковская и Новгородская Судные грамоты.

Русская Правда, по мнению большинства исследователей, продолжает в некоторой части действовать и в период XV в. Он занимает особое положение среди других законодательных памятников, представляя собой запись и архаичных правовых обычаев, распространённых в догосударственный период, и правовых институтов, внесённых в древнерусское право в период XI–XII вв. Формирование текста Русской Правды подразделяется на три этапа: 1) в начале XI века при Ярославе Мудром была осуществлена первая запись обычного права, ставшая основой Русской Правды; 2) в середине XI века сыновья Ярослава Мудрого – Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи – дополнили Правду и изменили некоторые её положения; 3) в начале XII века, после киевского восстания 1113 года, Владимир II Мономах, внук Ярослава Мудрого, завершил формирование основного текста Русской Правды, дополнив её своим Уставом.

Историография Русской Правды заслуживает отдельного исследования, здесь же необходимо кратко определить основные этапы изучения этого уникального памятника права. Первые исследования Русской Правды находились под сильным влиянием норманнской теории. Норманисты отмечали сходство норм Русской Правды с германскими и скандинавскими законами и объясняли это сходство иноземным влиянием, иногда заходя настолько далеко, что сам текст Русской Правды считался завезённым в славянские земли

чужеземцами¹. Стремление найти в тексте Русской Правды заимствования надолго осталось методологической основой многих исследований, что, несомненно, препятствовало объективному исследованию её положений. Вместо самобытного уникального текста, отражавшего конкретно-историческое своеобразие древнерусской жизни, исследователь видел перед собой пёструю мешанину заимствований: «Русская Правда в том виде, как она дошла до нас, есть смешение законов скандинавских и германских, древних славянских обычаев, даже греческих и церковных законов»².

Однако уже в XIX в. появился и другой подход, представители которого изучали Русскую Правду как собрание правовых норм, выработанных в древнерусском обществе и подвергшихся записи. Этот подход замечательно просто выражен словами И. Д. Беляева: «Русская Правда из всех памятников 1-й половины 2-го периода отличается чисто русским характером, выработанным русской жизнью; она свидетельствует о тех юридических верованиях, коими жило русское общество того времени, хотя и в ней есть несколько статей не русского происхождения (из Судного Закона), но они переделаны на русский лад ...здесь же все чужеземное откинуто и все заимствованное переделано по-русски»³.

Результаты, полученные дореволюционной историко-правовой наукой, в середине XIX – начале XX вв. были обобщены в работах Н. В. Калачова, Н. Л. Дювернуа, М. Ф. Владимирского-Буданова, В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасова, А. Н. Филиппова и др.⁴

¹ Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкина. М., 1836. С. 392 и др.

² Полевой Н. А. История русского народа. Т. 2. М., 1830. С. 189–190.

³ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 175.

⁴ Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. I. СПб., 1880; Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е третье. Киев-СПб., 1900; Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. I. СПб., 1909; Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М., 1908; Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1907 и др.

После 1917 г. начала формироваться традиция изучения Русской Правды с позиций формационного подхода, которая позволила существенно углубить понимание процесса становления и дальнейшей эволюции многих правовых институтов.

В советский период большой вклад в изучение Русской Правды внесли С. В. Юшков, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин, С. А. Покровский, М. М. Исаев, З. М. Черниловский, М. Б. Свердлов и многие другие выдающиеся историки и историки права. Важной вехой в изучении Русской Правды является публикация её редакций и подведение итогов советской историографии в многотомном издании «Российское законодательство X–XX веков»¹.

В современной историко-юридической науке продолжается изучение Русской Правды на основе новых методологических подходов и расширения источниковой основы².

Отдельные нормы Русской Правды продолжали действовать и в период XII–XV вв. Сравнение норм источников права XII–XV вв. во всех трёх регионах – юго-западном, северо-западном, северо-восточном – с положениями Русской Правды позволяет установить преемственность правовой традиции этого региона с правом Киевской Руси, а также выявить специфику права отдельных русских земель.

¹ Российское законодательство X–XX веков / под ред. О. И. Чистякова. Т. I. М., 1984.

² *Хачатуров Р. Л.* Русская Правда. Тольятти, 2002; *Свердлов М. Б.* Правда Русская как источник для изучения стратификации древнерусского сельского населения конца XI – первой трети XII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 40–49; *Георгиевский Э. В.* К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1. С. 74–81; *Рогова О. В.* Толкование статей Русской Правды о закупах // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 141–142; *Усенко О. Г.* О методологии изучения «Русской Правды» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 1. С. 80–94; *Чебаненко С. Б.* О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» // Университетский историк : альманах. Вып. 3. СПб., 2005. С. 5–14; *Рубаник В. Е.* Восточнославянская традиция правового регулирования отношений собственности // Памятники российского права : в 35 т. Т. I. М., 2013. С. 139–163 и др.

Псковская Судная грамота является крупнейшим памятником русского права периода XII–XV вв. Хотя в основе правовой системы всех русских земель этого периода лежали установления обычного права и положения Русской Правды, в Псковской Судной грамоте отразились новые правовые институты, свидетельствующие о качественном изменении системы древнерусского права, что и определило ее особое место в истории российского законодательства. Некоторые ее нормы получили широкое распространение значительно позже ее принятия в самых разных районах Руси, в связи с чем недопустимо рассматривать Грамоту только как сборник местного, псковского права.

Создание Псковской Судной грамоты, так же как и Русской Правды, носило длительный, растянутый во времени характер – текст Грамоты дополнялся на вечевых собраниях XIV–XV вв. Псковская Судная грамота, подобно Русской Правде, является прежде всего записью обычного права – псковской «пошлины». Другими источниками Грамоты явились Русская Правда и договорные грамоты с князьями.

Первое издание Псковской Судной грамоты было предпринято Н. М. Карамзиным, который опубликовал часть Грамоты, известную по Синодальному списку (со ст. 109 по 120 по современной разбивке текста на статьи)¹. Позднее полный текст Грамоты был издан Н. Н. Мурзакевичем². Именно им была подвергнута критике указанная в преамбуле дата создания Грамоты, высказаны предположения относительно её источников. Только в 1914 году было осуществлено полное фототипическое издание обоих списков, в которых сохранилась Псковская Судная грамота – Воронцовского и Синодального³. Составление первого списка относят к рубежу XVI–XVII вв., составление Синодального списка – к середине XVI в.⁴ Развитие источни-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. СПб., 1817. С. 578–579.

² Псковская Судная Грамота, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847.

³ Псковская Судная грамота. СПб., 1914.

⁴ Правда Русская. Т. 1. М.-Л., 1940. С. 368–369; Тихомиров М. Н. Летописные памятники Синодального собрания // Исторические записки. Т. 13. М., 1942. С. 272–275; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 326.

коведения в советский период предопределило новый качественный этап в изучении источников права русского средневековья, в том числе Псковской Судной грамоты. В это время было предпринято несколько фундаментальных изданий Грамоты¹.

Общепринятым остаётся искусственное деление Грамоты на статьи, объединяющие несколько логически и грамматически связанных друг с другом предложений, хотя предпринимались попытки, опираясь на палеографические особенности текста, выявить структуру Грамоты, соответствовавшую логике законодателя. Например, одну из первых таких попыток предпринял Б. Б. Кафенгауз², Ю. Г. Алексеев восстановил структуру Грамоты, ориентируясь на прописные буквы, выделенные в тексте Воронцовского списка³.

Уже в издании Н. Н. Мурзакевича была поставлена под сомнение указанная в преамбуле дата создания Псковской Судной грамоты. Исследователи сразу же обратили внимание, что указанный Грамотой 6905 год (соответственно, 1397 год по современному летоисчислению) вступает в противоречие с другими упомянутыми ею обстоятельствами: согласно преамбуле, Грамота была благословлена духовенством «всех 5 съборов»⁴, в то время как пятый събор был учреждён в Пскове только в 1462 г.

Вслед за изданием Н. Н. Мурзакевича появилось исследование Н. В. Калачова, который предложил новый подход к датировке

¹ Псковская Судная грамота / новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и И. Я. Яковлева // Исторические записки. Т. VI. М., 1940; Псковская Судная грамота / перевод и комментарий проф. И. И. Полосина // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. LXV. М., 1952; Псковская Судная грамота / перевод, историко-правовой обзор и текстологический комментарий А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. II. М., 1953; Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984.

² Кафенгауз Б. Б. К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты // Исторические записки. Т. 18. М., 1948.

³ Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской Судной грамоты // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л., 1978.

⁴ Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 331.

времени составления Грамоты¹. Он предположил, что переписчик ошибся не в указании даты, а, напротив, внёс коррективы в число соборов, приведя их в соответствие с известными ему реалиями более позднего Пскова. Соответственно, принятие Грамоты могло быть не одномоментным актом, а результатом длительного процесса, растянутого во времени – возможно, с конца XIV в. (1397 года) до конца второй трети XV в. (не ранее 1462 г.). Именно такой подход был поддержан последующими исследователями.

П. Н. Мрочек-Дроздовский относил создание Грамоты к 1467 г., связывая это событие с расширением власти московского князя и стремлением псковского вече определить границы полномочий великокняжеского наместника кн. Фёдора Юрьевича Шуйского². Однако он полагал, что в состав утверждённого в 1467 г. текста вошли источники, относящиеся к более раннему времени.

М. Ф. Владимирский-Буданов предлагал такое понимание процесса складывания текста Псковской Судной грамоты: «Псковский кодекс составлялся не в один раз: первоначальная его редакция может и должна быть отнесена к 1397 г.: в 1395 году отменена была, до тех пор действовавшая во Пскове грамота Дионисия; надо было заменить ее новым законоположением; в 1397 г. Псков, по договору с Новгородом, достиг полной независимости, а это должно было отразиться и на его внутреннем законодательстве, например о правах суда Новгородского владыки (см. ст. 2). Затем во 2-й половине XV в. Псковская грамота была дополнена на новом вече, без уничтожения и первой ее части; тогда и заглавие ее дополнено указанием на Константинову грамоту и на 5-й собор. Думаем, что в конце XV в. грамота была дополнена и в 3-й раз»³. Владимирский-Буданов в данном случае ссылается на ещё одно обстоятельство, использовавшееся противниками датировки Грамоты концом XV в. – в преамбуле в ка-

¹ Калачов Н. Псковская Судная Грамота // Москвитянин. М., 1848. Ч. 1. № 2. С. 165–178.

² Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов. М., 1901. С. 1.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е третье. Киев-СПб., 1900. С. 104.

честве источника Грамоты упоминается «Константинова грамота». Среди исследователей не возникало возражений при соотнесении этой грамоты с князем Константином Дмитриевичем, княжившем в Пскове в 1407 и в 1414 гг. Здесь же упоминается и ещё одна грамота, выданная Пскову архиепископом Дионисием в 1382 году. Из более поздней грамоты митрополита Киприана известно, что Дионисий пытался заменить своей грамотой действовавшую в Пскове в конце XIV века грамоту великого князя Александра («...Владыка Суждальский Денисей списаль грамоту, коли былъ во Пъскове, а приписаль къ грамоте Князи Великого Александрове, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да выписаль и проклятье, кто иметь не по тому ходити»), однако псковичи обратились к митрополиту с просьбой избавить их от нововведений и вернуть прежнюю правовую основу, чтобы жить «по своей пошине», на что и получили разрешение главы Церкви («дети мои, ходите по своей пошине, и по старине суды судите; а кого виноватого пожалуете ли, волни есте, показните ли противу какое вины, волни же есте; дейте по старине, чисто и безъ греха...»)¹.

Называя Псковскую Судную грамоту «Псковской Правдой», П. Н. Мрочек-Дроздовский подчёркивал её общность с Русской Правды в том смысле, что оба памятника права являются записями обычного права, о чём в Грамоте непосредственно сказано в преамбуле. Основными источниками Псковской Судной грамоты П. Н. Мрочек-Дроздовский полагал «старину-пошину» (местные сложившиеся правовые обычаи), княжеские грамоты и приписки к ним².

М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что общее между Псковской Судной грамотой и Русской Правдой проистекает из общности источников обоих памятников права. Этими источниками, по его мнению, являлись княжеские уставы и обычное право, однако особенность Грамоты заключалась в том, что княжеские уставы, послу-

¹ Грамота митрополита Киприана псковичам 1395 г. // Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 10. С. 19.

² Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов... С. 1–2.

жившие её источниками, уже являлись попытками кодификации значительной массы правовых норм, в связи с чем и саму Грамоту Владимирский-Буданов нередко называет кодексом.

М. Ф. Владимирский-Буданов, хотя и ставил на первое место среди источников Грамоты княжеские уставы, признавал первостепенное значение обычного права, абсолютно преобладавшего в псковском праве XV в.: «Псковский закон черпает все свое содержание из обычая; он отличается от обычая только внешней принудительностью (выразившейся в наложении законодателями на самих себя церковной клятвы) и в письменной форме...»¹.

Распространённым является взгляд на Псковскую Судную грамоту как на результат механической компиляции. Действительно, многие средневековые источники права формировались посредством механического соединения текстов, имевших различное происхождение (наглядным примером могут являться кормчие книги). Например, Н. В. Калачов полагал, что текст Псковской Судной грамоты создавался посредством приписок новых материалов к уже существующей основе.

По мнению П. Н. Мрочек-Дроздовского указанные в преамбуле Грамоты источники последовательно излагаются в тексте, образуя её структуру: сначала излагается обе княжеские грамоты, вслед за которыми следуют приписки, прибавленные вечевым собранием 1467 г.

Под приписками П. Н. Мрочек-Дроздовский понимал материалы судебной практики. Мрочек-Дроздовский специально разъяснял, что княжеские грамоты, послужившие источниками Псковской Судной грамоты, нельзя рассматривать в качестве результатов княжеского правотворчества: «Если князь являлся законодателем в этой сфере своей деятельности [судебной – Ю. О.], то писал *правду*, понятие которой находилось в такой неразрывной связи с судом, что оба эти слова были синонимами в древнерусском языке ... в грамотах этого рода были сосредоточены обычаи народные, по отношению

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права... С. 105.

к которым князь, как судья, мог являться главным образом только выразителем, а не творцом»¹.

Относительно идентификации княжеских грамот, послуживших источниками Псковской Судной грамоты, П. Н. Мрочек-Дроздовский следовал за устоявшимися представлениями, отмечая, что «Александровой» грамотой может считаться как грамота Александра Невского (XIII в.), так и грамота Александра Михайловича Тверского (вт. пол. XIV в.), а составителем «Константиновой» грамоты является Константин Дмитриевич, правивший в Пскове в начале XIV в. (1407 г.)².

Другие исследователи, поддерживавшие вычленение в составе Грамоты трёх самостоятельных частей, обращали внимание на отсутствие согласования между этими структурными элементами. Например, М. Ф. Владимирский-Буданов указывал на то, что более ранние статьи, в последующем изменённые или отменённые, всё равно были сохранены в составе Грамоты. Владимирский-Буданов предложил считать границами первой части статьи с 1 по 76, второй – с 77 по 108, третьей – от 109 до конца³. При этом он отмечал, что каждая часть начинается с «учредительных законов» (о составе суда).

Соответственно, первая часть включает в себя «Александрову грамоту» с присоединёнными к ней тех «пошлин», псковских обычаев, которые были записаны вечем после утверждения княжеского устава; вторую часть составляет «Константинова грамота» с такими же приписками; третью часть составили те приписки, которые были сделаны вечем в момент утверждения окончательного текста Грамоты, дошедшего до нашего времени⁴.

Уже в середине XIX в. сложились основные гипотезы относительно определения авторства княжеских грамот, указанных в качестве источника Псковской Судной грамоты. «Александрова грамота»

¹ Мрочек-Дроздовский П. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестник. 1884. № 5–6. Май-июнь. С. 80.

² Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов... С. 2.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. ... С. 105.

⁴ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1907. С. 131–132.

приписывалась либо в. к. Александру Ярославичу Невскому (правил в Пскове около 1242 г.)¹, либо Александру Михайловичу Тверскому (княжил в Пскове в 1327–1337 гг.)². Гораздо реже высказывалось предположение, что этим Александром мог быть кн. Александр Федорович Ростовский (около 1427 г.)³.

В качестве составителя «Константиновой грамоты» назывался князь Константин Дмитриевич, брат в.к. московского Василия Дмитриевича, правивший в Пскове в 1407 и в 1414 гг. Относительно этой грамоты существует достоверное известие, что в 1416 г. митрополит Фотий снял с псковичей крестное целование по этой грамоте и разрешил им вернуться к прежним порядкам управления и суда, «к старине»⁴. При этом все исследователи полагают, что некоторые положения этой грамоты, будучи полезными и востребованными, могли войти в редакцию 1467 г.

Своеобразие такого крупного источника русского права как Псковская Судная грамота вызвало в историко-правовой науке различные подходы к её трактовке. Первое подробное исследование Псковской Судной грамоты относится к 1850 г. Её автор подчёркивал переходное значение Грамоты, указывая и на преемственность с Русской Правдой, и на влияние, оказанное Грамотой на московские судебники, которые заимствовали из псковского права не просто отдельные статьи, но в целом систему правовых норм.

К 1855 г. относится появление сразу двух обстоятельных исследований Псковской Судной грамоты – Ф. И. Устрялова и И. Е. Энгельмана.

Ф. И. Устрялов оценивал Грамоту как важный памятник русского права вообще, а не только псковского права: «После Русской Правды, до издания Судебника Иоанна III, мы вовсе не имеем такого законодательного памятника, который представил бы нам общую картину

¹ Н. В. Калачов, И. Е. Энгельман, В. И. Сергеевич.

² Н. Н. Мурзакевич, Ф. И. Устрялов, А. Никитский.

³ К. М-ий. Псковская Судная грамота, 1397 (?) года // Северное обозрение. Т. III. СПб., 1850. С. 441–472; 599–634.

⁴ Послание митрополита Фотия псковичам 23 сентября 1416 г. // Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 23. С. 48–50.

юридической жизни древней Руси»¹. Исходя из такого представления о Грамоте Устрялов стремился в каждом разделе показать преемственность норм Псковской Судной грамоты с установлениями Русской Правды и их воздействие на формирование законодательства Московской Руси.

Ф. Устрялов полагал, что правильной датой составления Псковской Судной грамоты следует считать 1467 г., признав ошибку переписчика при написании даты. В отличие от некоторых других исследователей он считал, что Грамота была составлена не для охранения псковской «пошлины» от московского влияния, а, напротив, под руководством московского наместника кн. Ф. Ю. Шуйского, присланного как раз в 1467 г.

Источники Псковской Судной грамоты Устрялов делил на частные (имевшие местное значение) и общие (имевшие общерусское значение), относя к первым 1) влияние Новгорода, сказавшееся в псковском государственном управлении; 2) договорные грамоты, определявшие отношения княжеской власти и вече (прежде всего, новгородские); 3) псковские обычаи. К общим источникам Устрялов относил Русскую Правду, влияние германских законов и византийского права².

Как и большинство последующих исследователей, Ф. И. Устрялов наибольшее внимание уделил нормам гражданского права и гражданского процесса, что определяется самим содержанием Грамоты. В системе наказаний по Псковской Судной грамоте Ф. И. Устрялов видел сильное влияние германских законов (например, считал заимствованной смертную казнь за поджог)³. Очень подробно в исследовании Устрялова были разобраны доказательства по Псковской Судной грамоте. Рассматривая систему доказательств, Ф. И. Устрялов на первое место ставил собственное признание, за которым следовали свидетели, письменные акты, присяга и поле⁴.

¹ Устрялов Ф. Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. СПб., 1855. С. 7.

² Там же. С. 8–9.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 106–117.

И. Е. Энгельман подчёркивал, что создание Псковской Судной грамоты являлось растянутым во времени процессом: «Псковская судная грамота, в теперешнем ее виде, не есть законоположение одновременное, но, как всякий сборник законов в древние времена, составлялась мало по малу, в течение более или менее продолжительного времени»¹. Годом окончательного составления Грамоты Энгельман признавал 1467 г., приводя в подтверждение этой даты новый аргумент, связанный с тем, что до этого года существовало «запрещение князю иметь наместников на 5-и, из 12-и, пригородов Пскова»². Таким образом, весь процесс постепенного создания Грамоты Энгельман ограничивал правлением Александра Невского и 1467 г.

Непосредственными источниками Псковской Судной грамоты И. Е. Энгельман называет грамоты вел. кн. Александра Ярославича Невского и кн. Константина Дмитриевича, а также «псковские пошрины», то есть обычное псковское право³. В соответствии с этим представлением, Энгельман вычленил в составе Псковской Судной грамоты две части: 1) первоначальную, включавшую в себя грамоту вел. кн. Александра Невского и приписки к этой грамоте из числа псковских пошрин; 2) дополнительную, состоявшую из грамоты кн. Константина Дмитриевича и приписок к ней⁴.

Содержание Грамоты Энгельман делил на две части: одна из них включала «законы гражданские определительные», вторая – «охранительные». В соответствии с этой структурой было выстроено и исследование И. Е. Энгельмана, которое представляет собой попытку выявить систему псковского права в соответствии с Грамотой.

П. Н. Мрочек-Дроздовский, говоря о тенденциях развития права в Псковской Судной грамоте, отмечал 1) ограничение компетенции княжеской судебной власти (изъятие из-под власти князя наиболее

¹ Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855. С. 8–9.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 3–4.

⁴ Там же. С. 8.

тяжким преступлений, подлежащих смертной казни); 2) расширение круга деяний, подлежащих высшей мере наказания¹.

В системе судов П. Н. Мрочек-Дроздовский выделял светский и церковный суд, различая светский суд на следующие разновидности: 1) суд князя (подлежали все преступления имущественные и личные, за которые назначались «казенные пени»); 2) суд посадника (подлежали все гражданские тяжбы, а также все важнейшие преступления); 3) суд братчин (подлежали дела, возникшие на пиру, за исключением дел, которые были подсудны княжеской судебнопенной власти)². Церковный суд, по мнению Мрочек-Дроздовского, регулировался нормами Устава князя Владимира Святославича.

Пытаясь выявить характерные черты псковского суда, Мрочек-Дроздовский свёл весь текст судебной присяги к двум основным качествам – суд должен был быть правым и нелицеприятным³. Под «правым» судом он понимал суд, основанный на точном исполнении законов, под «нелицеприятным» – суд беспристрастный, независимый от личных отношений судьи к сторонам. Мрочек-Дроздовский отмечал, что требования, предъявляемые к суду (правый и беспристрастный), в дальнейшем перешли в московские судебники, в которых повторялись практически теми же словами⁴.

Исследование Н. Дювернуа посвящено преимущественно основаниям, организации и эволюции судебной власти в Древней Руси, от периода создания Русской Правды до конца XV в., а также эволюции гражданского права в указанный период. Псковская Судная грамота заинтересовала исследователя не сама по себе, а как яркая иллюстрация очередного этапа эволюции законодательства о древнерусском суде.

Н. Дювернуа, сравнивая источники псковского и московского права, делал вывод о принципиальных различиях обеих правовых

¹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов... С. 3.

² Там же. С. 2–4.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 5.

традиций: «...юридические отношения, которых касается памятник [Псковская Судная грамота – Ю. О.], все основаны на нравственных началах свободы и равенства, и освящены не только внешней санкцией вечевой автономии, но вековечной стариной и силой церковного благословения. При этих условиях образования права, сила закона во Пскове была совершенно иная, чем в Москве. В закон верили, как нигде и никогда после не верили в него ...»¹. Высокую оценку Н. Дювернуа давал также языку и юридической технике Псковской Судной грамоты: «Язык Псковской грамоты прекрасен и выразителен, насколько можно в это время. Если мы сравним эти ее положения с указанным выше постановлением Мстиславова договора или Саксонского Зеркала, то увидим, какой сильный шаг вперед делает юридическая практика в эту эпоху»².

Н. Дювернуа полагал, что процесс составления Псковской Судной грамоты в значительной степени повторял процесс формирования текста Русской Правды: установления обычного права приписывались к грамотам, к законодательным актам, «и таким образом понемногу накапливалось богатство юридической догматики»³. По мнению Н. Дювернуа в Псковской Судной грамоте в значительно меньшей степени проявилось влияние уставных грамот, послуживших источниками и ей, и московским Судебникам. Сами уставные грамоты в данном случае отличаются договорным характером⁴. Относительно авторства княжеских грамот, послуживших источниками Грамоты, Дювернуа полностью следует за точкой зрения И. Е. Энгельмана.

При рассмотрении гражданско-правовых норм Н. Дювернуа, в отличие от предшественников, активно использует частноправовые акты: купчие, духовные, закладные и др. грамоты. Они оказываются необходимы для того, чтобы вскрыть особенности гражданско-правовых отношений, всю полноту и богатство которых невозможно представить на основе одних только законодательных актов.

¹ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 308.

² Там же. С. 249.

³ Там же. С. 290.

⁴ Там же. С. 280.

А. Никитским была предпринята попытка подробно рассмотреть историю становления независимого Псковского княжества, его эволюции и последующего подпадения под власть Москвы. В центре внимания находились вопросы государственно-политической и церковной истории, вопросы системы псковского права и его эволюции практически не рассматривались. Проблема создания Псковской Судной грамоты рассматривалась Никитским сквозь призму ориентации его исследования на политическую историю Пскова.

Никитский связывал принятие Псковской Судной грамотой с эволюцией внешнеполитической ориентации Псковского княжества. По его мнению, в XIII в. Псков являлся пригородом Новгорода и не мог претендовать на собственную «правду». В начале XIV в., окончательно порвав с Новгородом, псковичи вступили в союз с литовскими князьями, из рук которых они приняли и кн. Александра Михайловича Тверского. Именно в этот период, в течение первой половины XIV в. псковичи должны были озаботиться о составлении «особой местной Правды»¹.

В обобщающих курсах истории русского права, изданных в конце XIX – начале XX вв. Псковской Судной грамоте неизменно уделялось место как важному переходному этапу от древнерусского права Киевской Руси к праву Московского государства². Среди них наибольший интерес представляет учебник А. Н. Филиппова, который так же, как и Владимирский-Буданов, рассматривал Псковскую Судную грамоту как результат кодификации, проводившейся псковским вече. Относительно даты составления Грамоты он целиком присоединился к мнению Энгельмана, обосновывая 1467 год в качестве года создания Псковской Судной грамоты (признавая при этом, что процесс её создания уходит вглубь по меньшей мере до начала XV в.)³. Рассматривая различные подходы к определению составителей «Алек-

¹ *Никитский А.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 108

² *Михайлов М. М.* История русского права. СПб., 1881; *Самоквасов Д. Я.* Курс истории русского права. М., 1908; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. I. СПб., 1909 и др.

³ *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права... С. 126–129.

сандровой» и «Константиновой» грамот, Филиппов справедливо замечал, что этот вопрос не является принципиальным и имеет значение лишь для установления начального момента длительного процесса составления Псковской Судной грамоты.

Источниками Грамоты А. Н. Филиппов признавал «народное обычное право», постановления веча, княжеские уставы, приписки к ним и судебные решения, ставшие прецедентами¹. Филиппов полагал, что, будучи основанной на народном обычном праве, Псковская Судная грамота отражала интересы всего населения Пскова и в этом отношении выгодно отличалась от московских судебных актов.

Объясняя особенности содержания Псковской Судной грамоты, в котором очевидно нормы гражданского права преобладают над нормами уголовно-правового характера, Филиппов указывал на цель создания Грамоты: «Основная цель, с которой была предпринята кодификация «псковских пошлин», состояла в закреплении *de jure* тех черт гражданской самобытности «господина Пскова», которые создавались веками. ... это закрепление всего более обеспечивалось собранием воедино норм права процессуального и права гражданского, в которых своеобразии народной жизни вольного города ... отразилось, в действительности, – всего явственнее»².

По мнению Филиппова, система светских судов в Пскове включала в себя княжеский суд (предполагавший совместный суд князя с посадником), суд старост и суд братчин³. Под братчинами Филиппов понимал общественные собрания, первоначально собиравшиеся для мирских пиршеств, а позднее эволюционировавшие в союзы, подобные западноевропейским гильдиям.

Перечень принципов, на которых основывалось псковское судопроизводство, А. Н. Филиппов трактовал расширительно, выделяя в качестве отдельных правил терминологические конструкции 3–4 статей Грамоты. Относительно процесса Филиппов подчёркивал, что в Грамоте не только отражены известные по Русской Правде

¹ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права... С. 130.

² Там же. С. 133.

³ Там же.

стадии судебного процесса (заклич, свод и др.), но и прослеживается эволюция юридических понятий (институт послухов и др.) и форм процесса¹.

Отмечая, что Псковская Судная грамота уделяла уголовному праву минимальное внимание, Филиппов выделял новые составы преступных деяний (перевет, нарушение порядка на суде, «тайные посулы» князю и посаднику), а также новые наказания (смертная казнь и дыба)².

Уже в 20-е годы XX века происходит становление новой методологической основы, которая в последующее время определяла направление историко-правовых исследований. Исторический материализм, основанный на принципе экономического детерминизма, утверждался в работах М. Н. Покровского, Д. М. Петрушевского, С. М. Дубровского³. В результате в 30-е годы был выработан общий для историков права взгляд на средневековую Русь как на типичное феодальное общество⁴, хотя некоторые исследователи рассматривали Киевскую Русь как рабовладельческое государство⁵. В это же время появляются первые учебные издания, обобщавшие и закреплявшие новую концепцию эволюции и сущности древнерусского права⁶.

В XX веке в центре внимания исследователей находились прежде всего проблемы источниковедения и социально-экономической истории, в то время как история права находилась в упадке.

¹ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права... С. 134–135.

² Там же. С. 136.

³ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. 6-е изд. Л., 1924; см. подробнее: Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. Т. 76. 1965. С. 62–119; Черепнин Л. В. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма // Вопросы истории. 1962. № 1. С. 34–66.

⁴ Наиболее подробно феодальная природа Киевской Руси и древнерусского права была обоснована в трудах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова – см., например: Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л., 1936; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939.

⁵ Смирнов И. И. О генезисе феодализма // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3–4.

⁶ История СССР / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. Т. I. М., 1939; Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940.

Наибольшее внимание привлекали проблемы поземельных отношений в Пскове и их отражение в Псковской Судной грамоте¹.

Значительная часть работ была посвящена источниковедческим проблемам изучения Псковской Судной грамоты и других источников, раскрывающих историю псковского права². В это время М. К. Рожковой была предложена новая датировка статей 109–120, которые она считала наиболее древней частью Грамоты и относила их к началу XIV в. Одно из наиболее обстоятельных и скрупулёзных источниковедческих исследований Псковской Судной грамоты принадлежит Л. В. Черепнину³.

Собственно историко-юридическое исследование Псковской Судной грамоты становилось предметом очень немногих работ. Система преступлений и наказаний рассматривалась М. М. Исаевым⁴, комплексный обзор памятника и постатейный комментарий был выполнен сначала Л. В. Черепниным и А. И. Яковлевым⁵, затем И. И. Полосиным⁶, а позднее А. А. Зиминим⁷. Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев

¹ *Аргунов П. А.* Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньерьяльных отношений на Руси // Ученые записки Саратов. гос. ун-та. 1925. Т. IV. Вып. 4; *Кафенгауз Б. Б.* Псковские «изорники» // Ученые записки Московского государственного педагогического института. Т. 4. Серия историческая. Вып. II. М., 1939; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. М., 1952; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. Т. 103. М., 1979 и др.

² *Рожкова М. К.* К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты. Л.-М., 1927; *Кафенгауз Б. Б.* К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты // Исторические записки. Т. 18. М., 1948 и др.

³ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.-Л., 1948.

⁴ *Исаев М. М.* Уголовное право Новгорода и Пскова XIII–XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. М., 1948.

⁵ Псковская Судная грамота / новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и И. Я. Яковлева // Исторические записки. Т. VI. М., 1940.

⁶ Псковская Судная грамота : перевод и комментарий проф. И. И. Полосина // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. LXV. М., 1952.

⁷ Псковская Судная грамота / перевод, историко-правовой обзор и текстологический комментарий А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. II. М., 1953.

предложили отказаться от господствующего в историко-правовой науке представления о механическом соединении частей Грамоты, выдвинув предположение, что переписчик провёл систематизацию норм, заключавшихся в источниках Грамоты¹. Объёмное и основательное исследование было посвящено Б. Б. Кафенгаузом социальному и государственно-политическому устройству Псковской республики².

К сожалению, все отмеченные работы касались отдельных аспектов Псковской Судной грамоты или предполагали её краткий обзор и постатейный комментарий. Единственное комплексное историко-правовое исследование, носящее преимущественно систематизирующее значение, было предпринято И. Д. Мартысевичем³. Им была сделана попытка систематизировать нормы Псковской Судной грамоты по отраслям права и рассмотреть их в этой системе, используя опыт предшествующей историографии и комплекса других источников по истории псковского права. Некоторые предложенные И. Д. Мартысевичем трактовки статей Псковской Судной грамоты были поддержаны в историко-правовой науке.

Во второй половине XX в. намечается тенденция изучения текста Псковской Судной грамоты в комплексе с уже известными и новыми открытыми публичными и частными актами. В дополнение к опубликованному в составе «Грамот Великого Новгорода и Пскова» грамотам в 1966 г. Л. М. Марасиновой были введены в научный оборот 35 псковских грамот, обнаруженных ею в архивах⁴. Исследовательницей был проведён полный источниковедческий и исторический анализ актов, данные которых были соотнесены с данными других источников по истории Пскова. К сожалению, работа не была направлена на раскрытие юридических аспектов и представляет интерес прежде всего как качественное источниковедческое исследование.

¹ Псковская Судная грамота / новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и И. Я. Яковлева // Исторические записки. Т. VI. М., 1940. С. 256–257.

² Кафенгауз Б. Б. Древний Псков : очерки по истории феодальной республики. М., 1969.

³ Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота : историко-юридическое исследование. М., 1951.

⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

Ю. Г. Алексеев предпринял попытку подробного рассмотрения древнейших новгородских частных грамот в связи с постановлениями Псковской Судной грамоты о земельных актах¹. Также в тесной связи с законодательными памятниками были рассмотрены им псковские купчие². Впрочем, следует отметить, что работы Ю. Г. Алексеева выполнены в русле социально-экономического подхода к рассмотрению грамот, собственно юридическому анализу уделено минимальное внимание. Автор пришел к выводу, что грамота «как основной и решающий вид записи сделки на движимое имущество» распространилась в XIV веке, вытесняя древнейший способ записи – «доску». Смена способов фиксации прав на землю связывается исследователем не только с учащением сделок, но и с изменением их характера: земля уходит из мира общины, вместо удостоверения в виде свидетельства «соседей» приходит удостоверение письменным актом – грамотой³.

Ему же принадлежит объёмное исследование о Псковской Судной грамоте, выполненное на основе системного сопоставления норм Грамоты с другими источниками средневекового русского права⁴. Это исследование носит междисциплинарный характер – преимущественное внимание в нём уделяется вопросам социально-экономической истории, проблемам источниковедения, значительная часть работы посвящена историко-юридической проблематике.

Ю. Г. Алексеевым было предложено новое деление текста Грамоты на статьи, при этом он также выделял в её составе три части: 1) характеризуется господством систематизированного текста, то есть сведённого в тематические разделы (ст. 1–50); 2) характеризуется сочетанием систематизированного и несистематизированного текста (ст. 51–98); 3) характеризуется полным господством несистематизированных статей (ст. 99–120).

¹ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты) // Вспомогательные исторические дисциплины. VI. Л., 1974. С. 125–141.

² Алексеев Ю. Г. Псковские купчие XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. VII. Л., 1976. С. 126–147.

³ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси... С. 141.

⁴ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

Перспективным направлением исследований Псковской Судной грамоты является сопоставление её норм с комплексом других источников информации о средневековом русском праве: летописями, публично-правовыми и частноправовыми грамотами, археологическими материалами и берестяными грамотами¹. Среди современных работ по тексту Псковской Судной грамоты преобладают исследования уголовно-правовых установлений².

Другой крупный памятник русского права, Новгородская Судная грамота, также представляющая собой запись обычного права, пользовался значительно меньшим вниманием исследователей.

Для общественно-политической мысли второй половины XVIII – начала XIX в. было характерно критическое отношение к республиканским порядкам Новгорода, в том числе к новгородскому судоустройству (И. Г. Лизакевич, Екатерина II, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и др.). Республиканское устройство отождествлялось с всевластьем бояр, с беспорядком в управлении и правосудии. В противоположность монархической историографической традиции в это же время складывалась республиканская, превозносившая вечевое устройство в качестве естественного и первоначального состояния всех славянских племён (А. Н. Радищев, Я. Б. Княжнин). Оба подхода нашли проявление в научном изучении истории Новгорода и источников новгородского права. Ни одно крупное исследование по истории русского права не могло обойти стороной вопрос о своеобразии новгородской государственно-политической и правовой традиции, однако Новгородская Судная грамота очень редко становилась предметом самостоятельного изучения.

¹ *Момотов В. В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003; *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2007.

² *Савченко Д. А.* Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской Судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 5–16; *Васильев А. М., Лоба В. Е.* Преступления против государственной власти по Псковской Судной грамоте // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 2 (39). С. 54–59; *Лоба В. Е.* Имущественные преступления в Псковской Судной грамоте // Право и образование. 2012. № 8. С. 159–165 и др.

Впервые Новгородская Судная грамота была издана Н. М. Карамзиным и с тех пор несколько раз переиздавалась¹. Первая разбивка текста на статьи была осуществлена Ф. Пановым, однако в дальнейшем получило закрепление и используется до сих пор деление на статьи, предложенное М. Ф. Владимирским-Будановым.

В дореволюционной историко-правовой науке проблему датировки создания Новгородской Судной грамоты удалось решить только приблизительно – исследователи соглашались, что она была составлена около середины XV в.² В тексте самой Грамоты указывалось, что она была представлена на утверждение великому князю московскому Ивану III Васильевичу и сыну его великому князю Ивану Ивановичу: «Доложа господы великих князей великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословению нареченнаго на архиепископство Великого Новагорода и Пъскова священноинока Феофила»³. Большинство исследователей сходились на том, что Грамота была составлена до правления Ивана III и была позднее переписана на его имя.

Первое обстоятельное историко-правовое исследование Новгородской Судной грамоты было предпринято А. Куницыным, который настолько большое значение придавал новгородской традиции права, что считал необходимым начинать изучение истории российского судоустройства с древнего судоустройства Новгорода⁴.

Определяя систему судов, А. Куницын, как и большинство других историков права, исходил из известных по римскому праву теоретических конструкций. Систему новгородских судов он разделял на суды «общенародные» (*fora communia*) и «особенные» (*fora privilegiata*).

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. СПб., 1817; Новгородская Судная грамота // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 92. С. 69–72; Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Л., 1935 и др.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е третье. Киев-СПб., 1900. С. 106.

³ Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. I. М., 1984. С. 304.

⁴ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. III.

К первым он относил вече, суд князя, суд посадника и «суд одрин»; ко вторым – суд тысяцкого, сместной суд, порубежный суд, церковный суд, таможенный и проезжий суды¹. Наряду с подробным исследованием указанных видов судов, А. Куницын рассматривает этапы судопроизводства и его особенности, виды доказательств, исполнение приговоров.

Работа А. Куницына относится к числу немногих исследований, в которых поднимается проблема определения самосуда и его места в системе способов защиты прав по новгородскому праву. Прежде всего, Куницын подчёркивал частноправовой характер самосуда, отграничивая его таким образом от публично-правовых способов защиты. В соответствии с преобладавшей в XIX в. норманнской теорией А. Куницын придерживался мнения об иностранном происхождении самосуда². Развитие института мести, известного по Русской Правде, Куницын усматривал в институте выдачи головою, под которым исследователь понимал обращение преступника в рабство с целью возмещения причинённого ущерба: «...обидчик, переданный правительством во власть лица, им оскорбленного, должен был у него оставаться в рабском повиновении до искупа, или до заработка штрафной суммы, определенной законами за учиненное им преступление»³. Именно в этом смысле Куницын толковал положение Псковской Судной грамоты о выдаче «в рубли» человека, ударившего своего истца на суде перед господою. Однако здесь уже сложно усмотреть собственно самосуд, то есть частноправовой способ разрешения конфликта, поскольку наказание налагается в соответствии с решением судебной власти.

Работа Ф. Панова является первым исследованием, посвящённым непосредственно Новгородской Судной грамоте. Ф. Панов подчёркивал, что Грамоту нельзя рассматривать как ограничение судебных полномочий Новгорода в пользу великого князя. На её

¹ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России... С. 11.

² Там же. С. 1–2.

³ Там же. С. 3.

создание оказали влияние внутренние причины жизни Новгорода – стремление ограничить самоуправство частных лиц, ограничить действие права сильного¹. Эти постановления, отмечает Ф. Панов, могли существовать и до заключения мирного договора с Иваном III, но записаны они были именно по случаю заключения мира с целью служить руководством великокняжеским наместнику и тиунам.

В. О. Ключевский не обращался к специальному рассмотрению текста Новгородской Судной грамоты, однако в его «Курсе русской истории» значительное место уделено разбору общественного и государственно-политического устройства, организации суда в Новгородской земле. Свообразие судебной власти В. О. Ключевский выводил из особенностей социально-экономических процессов, протекавших в Новгородской земле в удельный период². В этом отношении концепция В. О. Ключевского послужила основой для многих последующих исследований, особенно марксистской направленности.

М. Ф. Владимирский-Буданов аргументированно выделял в качестве источников обычное право, вечевые постановления и договорные грамоты с князьями³. Схожего мнения относительно источников Новгородской Судной грамоты придерживался П. Н. Мрочек-Дроздовский⁴.

Н. Л. Дювернуа, восторженно характеризовавший Псковскую Судную грамоту и с формальной, и с содержательной стороны, Новгородской грамоте уделил значительно меньше внимания. Относительно источников исследователь обратил внимание на соотношение Новгородской Судной грамоты и уставных княжеских грамот, отметив, что важнейшими источникам Грамоты являлись договорные грамоты с князьями⁵.

¹ Панов Ф. Исследование о Новгородской Судной грамоте 1471 года, в отношении к судопроизводству, преимущественно гражданскому // Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета. СПб., 1857. С. 256.

² Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Соч. : в 9 т. Т. 2. М., 1987.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права... С. 106.

⁴ Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов... С. 50.

⁵ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России... С. 281.

Гораздо больший интерес вызывают рассуждения Н. Дювернуа по поводу различия обеих грамот. Он отмечал, что Новгородская Судная грамота носит прежде всего учредительный характер, она определяет строй суда и отношение к нему сторон¹. Если Псковская грамота является «пошлинной», представляя собой руководство для судей, которые именно в ней находят нормы права для применения, то Новгородская Судная грамота является «крестной» – и судьи, и тяжущиеся целуют крест на ней, признавая тем самым право судей выносить решение, «указывать суд» в каждом конкретном деле. Как на важные отличия Дювернуа указывал также на наличие в Новгородской Судной грамоте особой судебной стадии – доклада, и на возможность брать приставов на докладчиков для пресечения волокиты, в чём Дювернуа усматривал провокацию к применению судебных полномочий вече. Подводя итог сравнению Псковской и Новгородской Судных грамот, Дювернуа заключал, что в Новгороде право не достигло той зрелости, как во Пскове: «Отсюда необходимость дать сторонам возможно больше влияния на состав суда, отсюда эти приставы на суде, связанные с каждой из сторон, отсюда необходимость докладов перед всенародными представителями и провокации к вече»².

В своём сочинении, посвящённом истории русского права, М. М. Михайлов очень часто обращается к эволюции государственно-политической системы и права Новгорода, уделяя новгородскому праву значительное место. Среди других обобщающих работ исследование М. М. Михайлова отличается поверхностным характером, отсутствием критики источников и исследовательской литературы, толкованием терминов без учёта их конкретно-исторического содержания (например, говоря о потоке, Михайлов предлагает упрощённое понимание: «это есть то, что впоследствии приобрело наименование ссылки»)³.

М. М. Михайлов полагал, что уже при первых киевских князьях из рода Рюрика Новгород обладал особым статусом, отличавшим его от других русских городов в сфере административно-судебного устройст-

¹ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России... С. 309.

² Там же. С. 311.

³ Михайлов М. М. История русского права. СПб., 1871. С. 107.

ва¹. В дальнейшем уникальные особенности Новгорода только укреплялись: «Новгород, своими договорными грамотами с князьями и договорами с немецкими городами, представляет особое местное развитие законодательства под влиянием особых исторических причин»².

В новгородском политическом устройстве Михайлов подчёркивал преобладающее значение аристократического элемента: «В Новгороде каждый конец, каждая улица составляли отдельно свою общину и при этом в общественном устройстве больше голоса принадлежало тем людям, которые именовались большими или лучшими»³.

В работе М. М. Михайлова обращено внимание на то, что судебные функции присущи разного уровня общинным организациям, в том числе корпоративным общностям⁴, однако это наблюдение не нашло отражения в выявленной им системе судебных органов.

А. Н. Филиппов оценивал Новгородскую Судную грамоту как сборник исключительно процессуального характера, содержащий в себе правила о судоустройстве и судопроизводстве.

Исследователь подчёркивал, что существующие предположения относительно даты составления Новгородской Судной грамоты (1440 г., либо 1456 г.) не имеют убедительной аргументации. При этом Филиппов обращал внимание, что обстоятельства её создания отличались от обстоятельств создания Псковской Судной грамоты – она появилась в результате внутренней социально-политической борьбы между меньшими и большими людьми, между разными группами бояр. Для подтверждения своей позиции Филиппов ссылался на летописи и послания митрополиты Ионы, свидетельствующие об упадке правосудия в первой половине XV в.: «в Новгороде в это время не было ни правды, ни правого суда; клятвопреступничество, грабежи, поборы делали жизнь населения невыносимой...»⁵.

Светский суд по Грамоте, по мнению Филиппова, включал в себя 1) суд князя и посадника (ведал дела о поземельных тяжбах на основании новгородской «старины»), то есть на основании норм новгород-

¹ Михайлов М. М. История русского права... С. 42.

² Там же С. 133.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Филиппов А. Н. Учебник истории русского права... С. 138–139.

ского обычного права), 2) суд тысяцкого (торговый суд) и 3) суд докладчиков (суд выборных от новгородских концов, по одному боярину и по одному житъему человеку от каждого конца)¹. Особое внимание А. Н. Филиппов обращал на так называемых «судных людей» – выборных заседателей на суде, но не мог определить их значение, отмечая, что они могли быть пособниками тяжущихся сторон или пособниками судей в толковании обычного права («старины»).

К дореволюционному периоду относится первое общее исследование русской истории с позиций марксизма. В 1909–1914 гг. М. Н. Покровским, учеником В. О. Ключевского, была подготовлена «Русская история с древнейших времён», которая уже в советское время неоднократно переиздавалась (до 1934 г. вышло 8 изданий). Работа М. Н. Покровского представляла собой попытку системного применения марксистской теории ко всем этапам русской истории. В кратком обзоре истории Новгорода Покровский опирается преимущественно на летописные свидетельства, договорные грамоты и на текст Новгородской Судной грамоты, стремясь найти в ней проявления классовой борьбы и классовой сущности Новгородской республики. Своеобразие концепции «торгового капитализма» М. Н. Покровского заключалось в том, что он усматривал в средневековом Новгороде устойчивый класс «буржуа», которые вместе с феодалами делили власть в республике. Представительные властные органы Новгорода, осуществлявшие судебные полномочия, формировались, по мнению М. Н. Покровского, именно из этих классов – феодалов и буржуазии². В отстаивании тезиса о том, что Новгородская Судная грамота всецело стоит на страже интересов феодалов и купцов М. Н. Покровский игнорирует данные других источников информации, допуская необоснованные утверждения. Трактую положения Грамоты, Покровский сознательно выбирает не то понимание, которое лучше обосновано, а то, которое в большей степени соответствует авторской концепции (предположение, что большинство населения Новгорода составляли зависимые люди, включая упоминаемых в Грамоте «кончанских» и «улицких» людей и т. п.).

¹ *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права... С. 139–140.

² *Покровский М. Н.* Русская история : в 3 т. Т. 1. СПб., 2002. С. 116.

Несмотря на популярность работ М. Н. Покровского, концепция «торгового капитализма» не была поддержана в советской науке. Уже в 1938 году А. В. Арциховским были подвергнуты критике взгляды М. Н. Покровского, и была предпринята попытка дать иную концепцию истории Новгорода. Своеобразие государственно-политического устройства Новгорода исследователь объяснял взаимодействием боярства и торгово-ремесленного населения города: «Не могуществом крупных торговцев надо объяснять политическое своеобразие Новгорода, а взаимодействием двух сил. Одна из них – это землевладельческое и военное могущество местных бояр-крепостников, одолевших князей и корпоративно управляющих государством. Другая – развитие ремесленно-торгового демократического города, отвоевавшего себе у князей и бояр серьезные политические права»¹.

В работах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина было доказано, что в основе политического господства новгородского боярства находилась крупная земельная собственность. Изучением социально-экономических и политических отношений в Новгороде в связи с крупным феодальным землевладением занимались С. А. Тараканова-Белкина, Л. В. Данилова, А. П. Шурыгина, В. Н. Бернадский, В. Л. Янин, Н. Л. Подвигина и др.² Вопросы торговых отношений Новгорода с Западной Европой были подробно исследованы в работах А. Л. Хорошкевич³.

Больших успехов в сравнении с дореволюционной наукой достигло советское источниковедение. Наряду с более глубокой внутренней

¹ *Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Исторические записки. 1938. № 2. С. 131.

² *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV веков. М.–Л., 1955; *Шурыгина А. П.* Новгородская боярская колонизация в XIV–XV веках // Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 78. Л., 1948; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.–Л., 1961; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981; *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976.

³ *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.

и внешней критикой источников, в советское время были осуществлены несколько переизданий Новгородской Судной грамоты¹, были систематизированы и опубликованы сохранившиеся новгородские грамоты², большое значение имело открытие и начало изучения берестяных грамот, основу собрания которых составили грамоты, извлечённые Новгородской археологической экспедицией (в период 1933–1978 гг. её работой руководил А. В. Арциховский, с 1978 г. – В. Л. Янин)³. Источниковедческие аспекты новгородского права

¹ Новгородская Судная грамота // Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953; Новгородская Судная грамота // Российское законодательство Х–ХХ вв. Т. 1. М., 1984.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949; *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958; *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964; *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969.

³ *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. № 1–10; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.) М., 1954. № 11–83; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. № 84–136; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. № 137–194; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. № 195–318; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963. № 319–405; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М., 1978. № 406–539; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. № 540–614; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. № 615–710; *Они же.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // Вопросы языкознания. 1994. № 3. № 710, 713, 715, 717, 718, 722–725, 727, 731, 734–736, 739, 745, 748–750, 752; *Они же.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1995 гг. // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. С. 120–153; *Они же.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1995 г. // Вопросы языкознания. 1996. № 3. № 754–759; *Они же.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1996 г. // Вопросы языкознания. 1997. № 2. № 758, 760–766, 768–775; *Они же.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. № 776–781, 783, 788, 789, 793–795, 797–800, 803–806, 808 и многочисленные др. публикации.

нашли глубокое раскрытие в работах М. Н. Тихомирова, С. Н. Валка, М. В. Щепкиной, В. А. Арциховского, Л. В. Черепнина и др.¹

В советское время Новгородская Судная грамота пользовалась ещё меньшим вниманием историков права.

Как и другие источники древнерусского права, этот памятник рассматривался в качестве памятника классового законодательства, в котором находила своё выражение политическая воля правящих групп населения: «это была Грамота бояр и житых людей, возведенная в закон воля высших классов новгородского общества»².

В соответствии с классовой теорией законодательство отражает интересы господствующего класса, соответствующим образом выстраиваются политические отношения. С точки зрения советских исследователей Новгородская Судная грамота сосредотачивала судебные полномочия в руках узких правящих групп, выделяя на первый план те дела, которые представляли особое значение для бояр и житых людей, тогда как основному населению Новгорода – молодшим и чёрным людям предоставлялось только право быть судимыми.

Б. М. Кочакову принадлежит первая попытка рассмотреть Новгородскую Судную грамоту с позиций новой методологии советской историко-юридической науки. При этом в большинстве своих положений он следовал за дореволюционными исследованиями (в частности, подтверждал мнение Н. Л. Дювернуа относительно ограниченного характера Новгородской Судной грамоты, изначально направленной исключительно на регулирование судопроизводства, выделял такие же составные части Грамоты, как и П. Н. Мрочек-Дроздовский, и т. п.)³.

¹ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952; Валк С. Н. Древнейшие новгородские акты XIV–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Новгород, 1937. С. 48–52; Он же. Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. 1956. № 1. С. 232–235; Он же. Две неизданные новгородские грамоты XV века // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 333–339 и др.

² Кочаков Б. М. Новгородская Судная грамота // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. 1940. Т. V. Вып. 1. С. 22.

³ Там же. С. 9–22.

Возникновение первой редакции Новгородской Судной грамоты, обусловленное восстанием против судебных несправедливостей, он относил к 1446 г., в период до 1471 г. к ней были приписаны дополнительные статьи (25–42), а в 1471 г. была предпринята окончательная редакция Грамоты.

М. М. Исаевым был внесен значительный вклад в разработку системы преступлений и наказаний, свойственных древнерусскому праву в период Киевской Руси и феодальной раздробленности¹.

Л. В. Черепнин указывал, что в буржуазной науке Новгородская Судная грамота рассматривалась как компромисс между интересами богатой верхушки и неимущих слоёв городского населения, на самом же деле её на неё следует смотреть как на инструмент обеспечения приоритета интересов богатой верхушки над интересами большинства горожан.

Л. В. Черепнин подверг критике представления Н. Л. Дювернуа и других исследователей относительно неразвитости новгородского права в сравнении с псковским, которая, якобы, нашла выражение в ограниченном составе Новгородской Судной грамоты. Он объяснял ограниченность содержания Новгородской Судной грамоты стремлением Ивана III сделать запись новгородских правил осуществления суда в период 1475–1476 гг. с целью показать, что он соблюдает «старину»². Именно узко практической направленностью московских выписок объясняется то, что в сохранившийся список Грамоты не попали правовые нормы, не относящиеся к судопроизводству, хотя первоначальный текст Грамоты должен был быть значительно более полным: «Есть все основания думать, что при переписке в 1475–1476 гг. из нее [Новгородской Судной грамоты – Ю. О.] были изъяты целые разделы, подобные тем, которые мы находим в Псковской Судной грамоте (например, статьи о торговом праве, о наследственном праве, об изорниках или смердах и пр.). ...

¹ Исаев М. М. Уголовное право Киевской Руси // Ученые труды ВИЮН. Вып. 8. М., 1946; Он же. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII–XV вв. // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук. М., 1948.

² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М. –Л., 1948. С. 373.

даже процессуальные нормы, содержащиеся в недошедшем полном оригинале Новгородской Судной грамоты, не все нашли место в снятой с него в 1475–1476 гг. и известной нам копии»¹.

Таким образом, главную проблему в исследовании Новгородской Судной грамоты Л. В. Черепнин видел в недостаточной изученности времени и обстоятельств появления единственного списка Грамоты и именно на этой проблеме он сосредоточил своё внимание. Подвергнув обстоятельной критике существующие предположения относительно времени создания Грамоты, Л. В. Черепнин указал, что историю Грамоты следует начинать с конца XIV в. Составление законодательного акта, которым определялся бы порядок судоустройства и судопроизводства, Л. В. Черепнин связывал с судебной реформой 1385 г., направленной на ограничение судебных полномочий московского великого князя и митрополита².

Исходя из убеждения, что Новгородская Судная грамота в сохранившемся виде представляет собой не полный, а выборочный список памятника, Л. В. Черепнин утверждал, что статьи в ней расположены не в хронологическом порядке. К редакции 1385 г. он относил статьи 1–5, 8, 13–19, 22–24, 30–32, 35, 39–41 в современной нумерации. Оценивая первоначальный текст Грамоты 1385 г. Черепнин утверждает, что это было «не столько *практическое руководство для судей* (сборник действующего права), сколько *конституционный акт о судоустройстве* ... Грамота 1385 г. декларировала идею самостоятельности новгородского суда, судебной независимости Новгорода от Москвы в церковной и гражданской сферах»³. Основываясь на неустойчивой терминологии и выявленных противоречиях, Л. В. Черепнин полагал, что первоначальная грамота 1385 г. испытала ещё две редакции, прежде чем получила окончательный вид в записи 1471 г. В 1422 г., после народных волнений 1418–1421 гг., были добавлены вторая часть ст. 5, а также ст. 6–7, 10–12, 20–21 и 42. Редакция 1422 г. была направлена против самой возможности коллективных

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков... С. 374.

² Там же. С. 379.

³ Там же. С. 387.

выступлений народных масс (концов, улиц, сотен и др.), обходила молчанием вечевой суд, сосредотачивала разбор общественно значимых дел в боярском по своему составу суде, формировала коллегию докладчиков, также состоявшую из бояр и житых людей¹. Следующую редакцию Л. В. Черепнин относит к 1446–1447 гг., от которых сохранились летописные жалобы на беспорядки и отсутствие «правого суда» в Новгороде. В этой редакции были изменены нормы о решении поземельных споров, о составе коллегии докладчиков, было добавлено право апелляции истца к вечу и др.²

Исследование В. Н. Бернадского о Новгородской земле XV в. основывается прежде всего на материалах писцовых книг, актов и летописей. В нём даётся подробный анализ экономического уклада Новгорода и прилегающих земель, социальных и политических процессов, которые привели к вхождению Новгородской земли в состав единого Русского государства. Особенности роста новгородской экономики «вширь» (на север и северо-восток) обусловили сохранение дофеодальных и ранне-феодальных форм эксплуатации³, что, в свою очередь, нашло выражение в большей архаичности политической и правовой жизни Новгородской республики. Новгородская Судная грамота интересует исследователя прежде всего как источник по истории классовой борьбы в новгородском обществе в первой половине XV в. Соответственно, автор подчёркивает, что Новгородская Судная грамота была направлена на сохранение суда «целиком в руках бояр и житых людей» и на устранение вмешательства народа в отправление боярского правосудия⁴.

Свежим взглядом на обязательственное право средневекового Новгорода, интересным и с содержательной, и с методологической стороны, отличается работа О. В. Мартышина. В противоположность И. Я. Фроянову, О. В. Мартышин полагал, что в Новгороде развитие феодальных отношений было ускорено в сравнении с другими рус-

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков... С. 391–392.

² Там же. С. 394–395.

³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в V веке. М.-Л., 1961. С. 30.

⁴ Там же. С. 187.

скими землями под воздействием большего размаха товарно-денежных отношений¹.

Взгляды О. В. Мартышина на систему новгородских судов испытали сильное влияние Н. Л. Дювернуа, посвятившего целую главу формам договорного разрешения споров о праве. Мартышин полагал, что наиболее распространёнными являлись договорные способы решения споров: «В Новгороде имели огромное распространение третейские суды и обычаи полюбовного улаживания споров заинтересованными сторонами, облекаемого в форму договора»².

Одной из последних обобщающих работ по частным актам средневековой Руси стало исследование В. Ф. Андреева о новгородских частных актах³. В этом исследовании подробно проанализированы купчие, рядные, духовные, однако практически не рассмотрены данные, раздельные и совершенно не представлены закладные. Работа представляет собой глубокое историко-источниковедческое исследование, однако собственно правовые проблемы новгородского частного акта не нашли выражения.

С созданием Московского централизованного государства в законодательных источниках права всё меньше прослеживается влияние обычного права, всё больше государственной воли. Яркими примерами новой тенденции являются московские судебники 1497, 1550 и 1589 гг. Здесь мы имеем дело со вторым этапом эволюции системы обычноправовых норм – их систематизации, осуществляемой великокняжеской, а затем царской властью.

Судебник 1497 года, принятый при великом князе Иване III Васильевиче, называется также великокняжеским Судебником в противоположность царскому Судебнику, созданному при царе Иване IV Васильевиче Грозном. Великокняжеский Судебник установил единообразные правила судопроизводства, единые для всей территории формирующегося централизованного Московского государства,

¹ *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 26.

² Там же. 2. С. 330.

³ *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986.

а также единые правовые установления о правонарушениях и мерах юридической ответственности.

Источниками Судебника послужили Русская Правда, Псковская Судная грамота, уставные грамоты наместничьего управления, княжеская судебная практика. Основываясь на нормах предшествующих источников, Судебник наметил новые направления развития уголовного и процессуального права. Именно в Судебниках под преступлением стало пониматься нарушение установленной государством нормы, а не нарушение частного или общественного интереса. В процессуальной сфере Судебник ввёл новый вид процесса – розыск.

Судебник 1550 года закрепил новые пути развития права, заложенные предыдущим Судебником. При этом новый Судебник отличает стремление в максимальной степени ограничить произвол местных судебных чиновников, в этом смысле он должен был явиться правовой основой для оздоровления системы государственного управления и суда. Начиная с Судебника 1550 года, тюремное заключение превратилось в самостоятельный вид уголовных наказаний.

Помимо Судебника 1497 года, источниками царского Судебника являются Русская Правда, вечевое законодательство Пскова и Новгорода, уставные и губные великокняжеские грамоты.

Судебник 1589 г. был призван дополнить предыдущий судебник, при этом, по мнению ряда авторов, он носил неофициальный характер, поскольку последующее законодательство чаще ссылается на Судебник 1550 г. Источниками новых статей Судебника 1589 г. послужили литовские статуты, Стоглав и Псковская Судная грамота¹.

Подобно тому, как Псковская и Новгородская Судные грамоты постепенно дополнялись новыми вечаемыми постановлениями, «приписками», Судебник 1550 года дополнялся царскими указами, изданными после его создания. Как было установлено в 98-й статье Судебника, новые указы «приписывались» к тексту действующего

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Судебник 1589 года. Его значение и источники. Киев, 1902; *Андреев А. И.* О происхождении Судебника 1589 г. Пг., 1922.

Судебника. Эти указы издавались по сложным делам, возникавшим в судебной практике центральных ведомств (приказов) и поступавшим на «доклад» к государю. Позднее эти решения были объединены в составе **указных книг приказов**. У каждого приказа была своя записная книга указов, что приводило к тому, что схожие дела могли несколько раз поступать на разрешение царского суда, несмотря на то, что в одном из приказов хранилось уже вынесенное решение, приобретшее значение общей нормы.

Здесь мы имеем дело с третьим этапом эволюции системы обычноправовых норм уже в условиях сформировавшегося централизованного государства, бюрократический аппарат которого приспособливает их для более удобного применения в своей повседневной деятельности. На этом этапе обычноправовые нормы уже не нужны и быстро изживаются, поскольку цели и методы правового регулирования, как они виделись с точки зрения государственной власти и с точки зрения обычного права, по многим пунктам оказались противоположны и непримиримы.

Из числа этой группы источников права наиболее известны Указная книга судных дел (1550–1588 гг.), содержащая указы о порядке суда, о холопах, о вотчинах и др.; Уставная книга Разбойного приказа, содержащая нормы уголовного права; Указная книга Холопьего приказа (1597–1620 гг.), содержащая указы о холопстве, в частности, указ 1597 г. о кабальном и добровольном холопстве, указ 1597 г. о давности исков на беглых крестьян; Указная книга Земского приказа (1622–1648 гг.), включающая в себя указы о посадских тяглых имуществах, о мерах полицейского характера и т. п.; Указная книга Поместного приказа (1587–1620-е), включающая указы о вотчинах и поместьях.

В начале XVII века в результате пожаров нередко гибли архивы приказов, а утрата указной книги порождала существенный пробел в регулировании широкого спектра общественных отношений. В результате к середине XVII века стала очевидна необходимость новой систематизации законодательства, подобной той, которая была проведена в середине XVI века. Московское городское восстание 1648 года решительно подтолкнуло правительство к началу работы по систе-

матизации законодательства, результатом которой стало принятие Соборного уложения 1649 г.

Таким образом, система обычноеправовых норм в своей эволюции прошла три основных этапа: 1) X–XV вв. – частичное преобразование в письменную форму посредством записи, что сопровождается появлением записей обычного права – Русской Правды, Псковской Судной грамоты, Новгородской Судной грамоты; 2) систематизация обычноеправовых традиций разных русских земель в процессе образования единого правового пространства в рамках Московской Руси. Этот процесс направлялся великокняжеской (царской) властью и выразился в создании судебников XV–XVI вв.; 3) вторая половина XVI – начало XVII вв. – в связи с образованием централизованного государства (собственно государства, в противоположность предшествовавшему протогосударственному периоду) обычноеправовые нормы, всё ещё сохранявшиеся в судебниках, подвергаются трансформации и корректировке в рамках приказного законотворчества с последующим окончательным изживанием (наблюдать этот процесс можно по указным книгам приказов).

§2. Международные договоры

Собую группу источников права представляют международные договоры (с Византией, Ригой, Готландом, Любеком, Ливонским орденом и др.), в которых, однако, настолько очевидно проявляется влияние древнерусского права, что их следует отнести к источникам древнерусского происхождения, в полной мере отражающим особенности отечественной правовой традиции.

Древнейшими договорами являются договоры X века с греками. По летописям нам известны четыре договора этого периода: 907 и 912 гг., заключённые в правление Олега, договор Игоря 945 г. и договор, заключённый Святославом Игоревичем в 971 г. Начало научному изучению этих договоров было положено ещё в XIX веке и к настоящему времени об этих договорах существует обширная литература¹.

Ниже приводится текст договора русских с греками 912 г. (по Лаврентьевской летописи, в переводе Д. С. Лихачёва)².

¹ Сокольский В. В. О договорах русских с греками // Киевские университетские известия. 1870. № 4; Успенский Ф. И. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888; Сергеевич В. И. Греческое и русское право в договорах с греками X века. СПб., 1882; Он же. Лекции и исследования по древней истории права. СПб., 1903; Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключённые в X веке. Одесса, 1904; Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988 и др.

² Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.-Л., 1950. С. 222–226.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рудав, Гуды, Рудад, Карн, Фрелав, Рудар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению, от всех находящихся под рукою его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе. Первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверимую. Так же и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, – русский христианина или христианин русского, – да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую по закону,

пұсты ызымет рудственник ұбитого, но и жена ұбийцы пұсты сохранил то, что полагається ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший ұбийца, то пұсты останется под судом, пока не разыщется, а тогда да ұмрет.

Если ұдарит кто мечом или бұдет битъ каким-либo друпим орудиєм, то за тот ұдар или битъе пұсты даст 5 литр серебра по закону рұсскому; если же совершивший этот проступок неимущий, то пұсты даст сколько может, так, что пұсты снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сұмме пұсты клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пұсты не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если ұкрадет что рұсский ұ христианина или, напротив, христианин ұ рұсского, и пойман бұдет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и бұдет ұбит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от рұсских; но пұсты пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пұсты бұдет взят тем, ұ кого он ұкрал, и пұсты бұдет связан, и отдаст то, что ұкрал, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из рұсских посредством побоев покұсится (на грабеж) и явно силою возьмет что-либo, принадлежщее друпому, то пұсты вернет в тройном размере.

Если выкину́та бұдет ладья сильным ветром на чужую землю и бұдет там кто-нибұдь из нас, рұсских, и поможет сохранить ладью с грузом ее и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бұрей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, рұсские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая же беда с рұсской ладьей, то проводим ее в Рұсскую землю и пұсты продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пұсты вынесем (на греческий берег) мы, рұсские. И когда приходим (мы, рұсские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либo из нас, рұсских, прибывших с ладьей, быть ұбиту или что-нибұдь бұдет взято из ладьи, то пұсты бұдут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если, действительно, окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, – все равно пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, – все эти должны продаваться по 20 златников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, – тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому написал наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым

написаннем на двѣх хартиях – Царя вашего и своею рѹкою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написанье дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420.

Отдельную проблему составляют договоры, заключавшиеся в северо-западных русских землях. Самым ранним памятником из целой серии договоров, заключённых с государствами региона Балтийского моря, является договор Новгорода с Готским берегом 1189–1199 гг. Готским берегом на Руси называли остров Готланд, на котором находился один из крупнейших торговых центров город Висбю. Право, действовавшее на острове Готланд, дошло до нас в составе судебногоника Гуталага, который можно поставить в один ряд с другими записями обычного права средневековой Европы. Тем больший интерес представляет тот факт, что текст договора 1189–1199 гг. строится на основе древнерусского права, прямые соответствия его статьям мы находим в тексте Русской Правды.

Текст этого договора также приводится в данном параграфе в качестве иллюстрации. Разбивка текста на статьи предлагается по М. Ф. Владимирскому-Буданову. Сам текст приводится по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 28. С. 55–56.

Се яз, князь Ярослав Володимеричь, сгдав с посадником с Мироскою, и с тысяцким Яковомь, и с всеми новгородъци, потвердихом мира старого с посломь Арвѹдомь, ис всеми немьцкыми сыны, и с гты, и с всемь латиньскимь языкомь. Послал есмь посла своего Григѹ на сен правде.

Первое. Ходити новгородцю послѹ и всякомѹ новгородцю в мир в Немьцкѹ землю и на Гъцк берег; также ходити немьчель и гтяном

в Новгород без пакости, не обидим никимже. Аче будеть суд князю новгородкъму Новгороде или немецкъму в Немчых, а в томь миру ити гостю домов бес пакости. А кого богъ поставитъ князя, а с тем мира потвердить, люво ли земля без миру станеть.

А оже убьють новгородца посла за морем или немецкын посла Новгороде, то за тѹ голову 20 гривн серебра.

А оже убьють купчинѹ новгородца или немчина купчинѹ Новгороде, то за тѹ голову 10 гривн серебра.

А оже мѹжа свяжють без вины, то 12 гривн за сором старѹх кѹн.

Оже ударятъ мѹжа оружеемъ, люво колом, то 6 гривн за ранѹ старые.

Оже упьхнеть люво мятель роздреть, то 3 гривны старые.

Оже пошибаетъ мѹжескѹ женѹ люво дчерь, то князю 40 гривн ветхѹми кѹнами, а жене или мѹжское дчери 40 гривн ветхѹми кѹнами.

Оже съгренеть чюжее жене повон с головы или дщѹри, явится простоволоса, 6 гривн старые за соромъ.

Оже тяжа родится бес крови, снидутся послѹси, и рѹсь и немци, то вергѹтъ жеребьее; комѹ ся выиметь, роте шед, свою правдѹ възмѹтъ.

Оже емати скот варягѹ на рѹсинѹ или рѹсинѹ на варязе, а ся его заприть, то 12 мѹж послѹхы, идеть роте, възметъ свое.

Оже родится тяжа в Немцех новгородцю, люво немчинѹ Новгороде, то рѹбежа не творити, на дрѹгое лето жаловати; оже не правятъ, то, князю явя и людем, взяти свое ѹ гости, оже тяже родится в Новгороде; оже тяжа родить в иноѹ земли в рѹскихъ городех, то ѹ техъ свое тяже прашати, искати Новгородѹ не надове, а тяжа на города, а немчинъ свободъ и новгороци.

Оже придет в свои лодѹи в немецкои домовь, аче сам не поидеть в ней опять мѹжъ, дастъ кѹрмникѹ.

Немчина не сажати в погреб Новгороде, ни новгородца в Немцехъ, нѹ емати свое ѹ виновата.

Оже кто робѹ повержетъ насильемъ, а не соромить то за обиду гривна; паки ли соромить, себе свободна.

Оже убьють таль или поп новгородское или немецкъе Новгороде, то 20 гривн серебра за голову.

Последующие столетия – XIII и XIV вв. – донесли до нас значительно большее количество текстов международно-правовых актов, которые можно попытаться систематизировать, распределив по нескольким группам, имеющим свои характерные черты.

Первую группу составляют договорные грамоты с князьями, которые необходимо отличать от собственно договорных грамот в узком смысле, прямое назначение которых состояло в установлении определённых отношений между городской общиной и князем. Следует отметить, что многие договоры Новгорода о мире с князьями преимущественно следовали формуляру договорных грамот¹, однако некоторые акты этой группы строятся по-иному, не определяя места князя и его должностных лиц во властной структуре городской общины. В формуляре этих договоров выделяются несколько устойчивых элементов-клаузул.

Первая клаузула указывает на обстоятельства, вызвавшие издание данной грамоты. Как правило, это вооружённый конфликт (например: «что ся учинило промежи князя и Новгорода розратье»), завершить который призвана договорная грамота, являющаяся поэтому «докончальной»². В некоторых грамотах указание на конфликтную ситуацию, требующую разрешения, не включается, авторы ограничиваются определением её «докончального» характера³.

Следующая клаузула посвящена определению условий восстановления справедливости, восстановления нарушенного

¹ Договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире в Яжелбицах 1456 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 22–23. С. 39–43; Договорные грамоты Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире 1471 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 26–27. С. 45–51.

² Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1316 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 11. С. 23.

³ Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1317 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 12. С. 24; Договорная грамота московского великого князя Юрия Даниловича и Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем о мире 1318–1319 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 13. С. 25–26.

интереса различных общественных групп обеих сторон. Земля имела особое значение в средневековом обществе, в связи с этим договаривающиеся стороны стремились к восстановлению нарушенной границы и возвращению захваченных земель («рубежь ми дати по старому рубежю»)¹. Здесь же включалось условие о возвращении под власть Новгорода земель, купленных княжескими боярами во время конфликта, а также людей, заложившихся за князя и его слуг².

Значительную часть награбленного во время военного конфликта установить не представлялось возможным, в связи с чем в договорную грамоту включалось положение, упразднявшее взаимные претензии сторон относительно возвращения этого утраченного имущества: «Что взято въ княжи волости в замятню, или у наместниковъ, или у пословъ, или гостиныи товаръ, или купецьскыи, или въ церквахъ, или у которого боярина, или по всеи волости, то все князь отложилъ; а что взято товара новгородьского, или купецьского, или гостиного, или по всеи волости Новгородьской, а того всего Новугороду не поминати»³. Впрочем, в некоторых случаях делалось исключение – когда речь шла о конфискованном у купцов товаре, который был хорошо известен и мог быть возвращён по списку, при процедуре возвращения товара обе стороны приводились к присяге: «А что товаръ поиманъ у новъгородьскыхъ купецъ и у новторскихъ из лодей рубежомъ до новторского взятыя, тотъ товаръ князю Михаилу подавати новгородьскимъ купцамъ и новторскимъ все чисто по челованию; а имъ взяти свои товаръ, челолавъ»⁴.

Отдельную клаузулу составляла договорённость об обмене пленными без уплаты выкупа: «А што поімани люди моі, пустити

¹ Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1317 г. ... С. 24.

² Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1316 г. ... С. 23.

³ Там же.

⁴ Договорная грамота тверского великого князя Михаила Александровича с Новгородом о мире 1375 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 18. С. 34.

вы безъ окупа»¹, «А что головы поимано по всей волости Новгородской, а те пойдут[ть] к Новугороду безъ окупа»².

В некоторые грамоты включалась клаузула, определявшая размер денежной суммы, уплачиваемой проигравшей стороной. Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем 1316 г.: «А за все за то взяти князю у Новгорода двенадцать тысячи серебра...»³. Здесь же определялись сроки выплаты компенсации, в качестве гарантии уплаты могли удерживаться заложники («тальщики»).

Эти же основные моменты мирных договоров, оформлявшихся договорными грамотами, отражены в наказе послам, уполномоченным заключить мирный договор: 1) освобождение полона без выкупа (в том числе сложение целования с тех, кто был приведён князем к присяге, и освобождение тех, на кого была составлена «дерноватая» грамота); 2) отказ от истребования движимого имущества («товара»), пограбленного в ходе конфликта; 3) восстановление прежних границ земельных владений князя и Новгорода («А земле [и] воде старый рубежь по старымъ грамотамъ»)⁴.

Рассмотренному выше образцу следовали и международные договоры о мире Новгорода с иноземными государствами, однако в них присутствовали дополнительные условия. Например, в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262–1263 гг. также сначала подчёркивается характер этой грамоты как «докончальной», кладущей конец вооруженному конфликту. Также отмечается, что все претензии сторон должны быть отложены (за исключением одной тяжбы, которой в грамоте даётся решение). В грамоту были включены и дополнительные условия, учитывающие специфику отношений сторон: 1) декларация безопасности пребывания

¹ Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1317 г. ... С. 24.

² Договорная грамота тверского великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире 1316 г. ... С. 23.

³ Там же.

⁴ Грамота Новгорода послам Юрию и Якиму с наказом об условиях заключения мирного договора с тверским князем Михаилом Александровичем 1372 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 17. С. 32–33.

немцев и готландцев в Новгороде, а также новгородцев на Готланде и в немецких городах; 2) регулирование вопросов торговых мер и весов; 3) регулирование вопросов торговых пошлин¹.

В Ореховецком договоре 1323 г. в качестве дополнительного условия устанавливается запрет обеим сторонам ставить укрепленные поселения по Карельской земле, вводится традиционное для договорных грамот взаимное обязательство выдавать должников, поручников и беглых холопов².

В некоторых случаях предусматривались территориальные уступки одной из сторон, в результате чего в договоре фиксировалась новая граница между державами. Например, по Ореховецкому договору Новгород отдавал шведам некоторые карельские земли («И да князь великий Юрги со всемъ Новымъгородомъ по любви три погосты: Севилакшю, Яскы, Огребу – корельскыи погосты»), вслед за чем в договоре подробно определялась новая граница («А розводъ и межа: от моря река Сестрея, от Сестрее мохъ ...»)³.

Вторую разновидность международных договоров составляли договоры о взаимной помощи. Первая клаузула здесь также указывает на обстоятельства, обусловившие издание грамоты. В отличие от мирных договоров, в этих грамотах описывается не предыдущая конфликтная ситуация, а прибытие делегации от одной из сторон и выраженное ими намерение заключить соглашение о координации совместных действий: «Се приехали ко мне, к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего владыки Олексея, и от посадника Юрья, от тысячцково Олисея, и ото всего Новагорода Иванъ посадникъ, Василеи Федоровъ, Иванъ Борисовъ, а от черныхъ людей Воиславъ Поповичъ, Василеи Огафоновъ»⁴.

¹ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 29. С. 56–57.

² Договорная грамота Новгорода со Швецией о мире (Ореховецкий договор) 1323 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 38. С. 68.

³ Там же.

⁴ Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи 1371–1372 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 16. С. 31.

Основное же содержание грамоты составляет определение взаимных обязанностей, которые берут на себя стороны. Например, в договоре великого князя московского Дмитрия Ивановича с Новгородом 1371–1372 гг. совместные действия предполагаются против Литвы, Тверского княжества и немцев. В случае начала военных действий московского князя против Твери или Литвы, новгородцы обязывались выступить на стороне Москвы, такие же обязательства брал на себя московский князь в случае военного конфликта Новгорода с Литвой, Тверью или немцами¹. Отдельно оговаривалось, что князь не должен покидать Новгород, пока не завершатся военные действия, за исключением того случая, когда нападению подвергнутся владения самого московского князя: «А поидеть на насъ рать, ехати ми от васъ, или брату моему, безъ хитрости, а то намъ не в ызмену»². В договоре Новгорода с Ливонским орденом 1323 г. предполагаются совместные действия против Литвы³.

В этой группе договоров могло специально оговариваться обязательство не заключать сепаратного мира («чтобы новгородцам мира с литовцами не заключать без нашего согласия, и нам мира с литовцами не заключать без согласия новгородцев»)⁴.

Третья разновидность международных договоров посвящена преимущественно регулированию совместных судов и определению других взаимных отношений. Например, в новгородской грамоте тверскому великому князю Борису Александровичу 1446–1447 гг. предлагалось урегулировать следующие вопросы: 1) порядок осуществления пограничного совместного суда (от каждой стороны назначалось по одному боярину для осуществления этого суда, ведению которого подлежали жители приграничных районов); 2) обязательство выдачи преступников; 3) сохранение верховенства соответствующей стороны над частными землями, независимо от места жительства

¹ Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи 1371–1372 гг. ... С. 31.

² Там же.

³ Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о союзе 1323 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 37. С. 65–67.

⁴ Там же. С. 66.

собственника или владельца (если новгородец перебирался жить в Тверь, земля его всё равно считалась новгородской, точно так же земли тверича, перебравшегося в Новгород, оставались под властью тверского князя); 4) определение места проведения суда по подсудности ответчика («а имуть чего искати на новгородцехъ или на новоторжчехъ, судъ с новгородцемъ в Новгороде, а с новоторжцомъ в Торжку; или цего имуть искати новгородци или новоторжци на тферитине, судъ имъ во Тфери»); 5) определение торговых пошлин; 6) установление принципов судопроизводства, гарантирующих справедливое рассмотрение дела тверича в Новгороде или новгородца в Твери; 7) определение свободы торговли для обеих сторон; 8) взаимные обязательства выдачи беглых холопов¹.

Вопросы внешней торговли занимали в международных отношениях значительное место, поэтому многие договоры были посвящены преимущественно этим проблемам. Поэтому логично выделять ещё одну группу международных договоров «о торговле и суде». Ярким примером здесь является проект договора Новгорода с Любеком и Готским берегом от 1269 г., в котором можно выделить несколько разделов: 1) определение зон ответственности Новгорода и немецких городов за купцов и послов; 2) определение подсудности дел по преступлениям, совершённым на торговом пути; 3) регулирование условий преодоления порогов и предоставления услуг лоцманов и возчиков, а также определение судебного органа, которому подведомственны споры по этой категории дел; 4) определение особенностей судопроизводства и процессуальные нормы, касающиеся партнеров по договору; 5) уголовно-правовые нормы; 6) определение мер веса².

Ещё одну группу международных договоров составляли грамоты о предоставлении свободного проезда («чистого пути»). Такая

¹ Грамота Великого Новгорода тверскому великому князю Борису Александровичу с предложением заключить договор 1446–1447 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 20. С. 37–38.

² Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде 1269 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 31. С. 58–61.

грамота предоставляла гарантии безопасного проезда по определённой территории. Сторона, выдавшая грамоту, могла также предоставить охрану для проезжающих купцов: «Оже будеть не чисть пут[ь] в речкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сии гость»¹.

Таким образом, договорные грамоты в целом следует отличать от международных договоров, поскольку они в большей степени являются источниками права определённой городской общины, определяя прежде всего соотношение городских властей и княжеской власти, место княжеской власти в публично-правовой системе конкретной городской общины. Тем не менее, некоторые договорные грамоты являются по своему содержанию международными договорами и их следует рассматривать в составе этой группы древнерусских актов. Всего же можно выделить пять подгрупп международных договоров на северо-западе Руси в период XII–XIV вв.: 1) договоры о мире, прекращавшие вооружённый конфликт; 2) договоры о взаимной помощи (о совместных действиях против третьей стороны); 3) договоры, в которых регулировалась деятельность совместных судов; 4) договоры, регулировавшие торговые отношения; 5) международноправовые акты о предоставлении свободного проезда («чистого пути»). В заключение также следует отметить, что в содержании дошедших до нашего времени как ранних, так и более поздних договоров отмечается или преобладание, или заметное влияние древнерусского права, что говорит о высоком уровне развития отечественного права в конкретно-исторических условиях европейского средневековья.

¹ Договорная грамота Новгорода с Ригою и Любеком о предоставлении немецким купцам сухопутных и водного путей 1269 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 32. С. 62; Также см.: Грамота князя Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей 1266–1272 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 30. С. 57 и др.

§3. Договорные грамоты вечевых городов с князьями

На северо-западе Руси договорные грамоты оформляли приглашение князя для исполнения военной и судебной функций в городской общине, нередко они заключались после конфликтной ситуации, произошедшей между городской общиной и князем и имели характер мирового соглашения, подводящего черту взаимным претензиям. С юридической точки зрения эта группа источников права практически не изучена, их исследование шло преимущественно в рамках источникововедения.

В рамках данного параграфа можно кратко определить основные сферы общественных отношений, к регулированию которых обращались договорные грамоты.

Прежде всего, это указание на то, что князь призывается для осуществления судебной функции. При этом в договорные грамоты с князьями традиционно включался пункт о том, что князь не может осуществлять свой суд без посадника («а бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамоть ти даяти»)¹. Осуществление судебных функций совместно князем (или его слугами) и посадником (или должностными лицами из его аппарата) позволяло городской общине следить за тем, чтобы князь осуществлял суд, основываясь на местных, новгородских законах. Прямое указание

¹ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1270 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 3. С. 12.

на правовую основу судебной деятельности князя содержится и в договорных грамотах: «Держати ти Новъ[гор]одъ по пошлине...»¹. Под «пошлиной» следует понимать обычное право новгородской общины. В другой грамоте это значение термина «пошлина» дополнительно раскрывается: «Новъгородъ ти держати въ старине, по пошлине»².

Правило разделения суда между княжеской властью и городской проводилось на всех уровнях. По Новгородской Судной грамоте в состав суда тиуна вводились два пристава, каждый из которых представлял одну из сторон (ст. 25): «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им в правду крест поцеловав на сей на крестной грамоте»³. В договорных грамотах это правило подтверждается: «А тиуну твоему судити в одрине с новгородцкими приставами»⁴. По смыслу статьи избираемые сторонами для участия в суде тиуна приставы являлись в то же время должностными лицами. В этой связи вполне допустимо предположение О. В. Мартышина, что, возможно, «в ведомстве веча или посадника находился штат приставов, из которых каждой стороне предлагалось пригласить одного в одрину (палату) тиуна для участия в ведении их дела»⁵.

Обращение к договорным грамотам даёт основания для решения сложного вопроса о границах сферы компетенции суда князя и посадника. Согласно договорным грамотам суду посадника и княжеского наместника подлежало и городское, и сельское население по большинству спорных дел: «А наместнику твоему судити с посадникомъ

¹ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 1. С. 9.

² Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1266 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 2. С. 10.

³ Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. I. М., 1984. С. 306.

⁴ Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 77. С. 130.

⁵ Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 341.

во владычне дворе, на пошломъ месте, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина»¹.

Значительную часть договорных грамот составляет определение кормов, полагававшихся князю за осуществление военной и судебно-административной функций. Как точно заметил В. О. Ключевский, в «недоверчивом, скрупулезно-детальном развесе кормовых статей и состоит основное содержание новгородских договоров с князьями»². В связи с этими установлениями находятся положения договорных грамот относительно взимания торговых пошлин, отношений между новгородскими и «низовыми» купцами и т. п.

Немногочисленные положения договорных грамот затрагивают процессуальные отношения: касательно круга лиц, подлежащих выдаче (поручники, тати, беглые холопы, разбойники), относительно недопустимости возбуждения обвинения против господина по словам его холопа или рабыни, об особенностях деятельности княжеских дворян и др.

В редких случаях в договорных грамотах встречаются уголовно-правовые нормы. В частности, по этим источникам можно восстановить важный этап эволюции мести в русском средневековом праве, когда древняя кровная месть превращается в самосуд. В договорных грамотах с князьями под термином «месть» обычно понимается использование судебных полномочий против личных врагов или обидчиков: «А нелюбья ти, княже, не держати к Новугороду до посадника, и до тысяцкого, и до всего Новагорода, от мала и до велика, не мычатися ни судомъ, ни чимъ же. А што ся деяло до твоего княжение и въ твое княженье, того ти не поминати»³. Отмщение обидчикам возможно, по тексту этой договорной грамоты, двумя путями: законным (с использованием известных судебных процедур) и неза-

¹ Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом... С. 130.

² Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 62.

³ Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326–1327 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 14. С. 27.

конным (причинение личного или имущественного вреда врагу вне установленных законом рамок отношений обиженного и обидчика).

В связи с первым вариантом возможной княжеской мести в одной из договорных грамот упоминается термин «самосуд», под которым подразумевается отправление князем судебных обязанностей без участия представителей городской общины: «А гнева ти, княже, до Новагорода не държати ни до одного человека. ... А самосуда не замышляти»¹. В другой грамоте термин «самосуд» используется уже применительно к низшим звеньям княжеского судебно-административного аппарата, но в том же значении: «А твоимъ судиямъ по волости самосуда не замышляти на людехъ по Новгородской волости»². В грамотах XIV века запрет мстить своим политическим противникам и запрет самосуда уже формулируются как два самостоятельных запрета, что говорит о выделении особого состава преступного деяния – неправосудия с использованием служебного положения, осуществление судебной власти в противоречии принятым правовым нормам.

Запрет самосуда является лишь одним из многочисленных запретов, которые налагаются на князя согласно договорным грамотам. Для Новгорода значение договорных грамот состояло именно в том, чтобы поставить деятельность князя в определённые законные рамки. Соответственно, князю запрещалось судить без посадника, «лишать волости» без вины, судить вопреки нормам новгородского обычного права и т. п. Особое значение для новгородцев имел запрет «держать волости» своими людьми и запрет приобретать земли и зависимых людей из числа новгородцев.

Чтобы наглядно показать общие характерные черты источников этой группы, ниже приводятся две договорные грамоты, одна из которых относится ко второй половине XIII века, другая – к началу XV в.

¹ Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу с условиями договора 1304–1305 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 6. С. 16.

² Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу 1304–1305 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 7. С. 18.

Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 года (текст приводится по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 1. С. 9–10).

Благословение от владыкы, поклонъ от посадника Михаила, и от тысяцскаго Кондрата, и от всехъ соцьскихъ, и от всехъ старейшихъ, и от всего Новгорода къ князю Ярославу.

На семь ти, княже, хрьсть целовати, на цемъ то целоваль хрьсть отецъ твои Ярославъ.

Держати ти Новгородъ по пошлине, како держаль отецъ твои. Грамотъ ти, княже, не посужати.

А мужа ти без вины волости не лишати.

А бес посадника ти, княже, волостин не роздавати, ни грамотъ даяти.

А волостин ти, княже, новгородскихъ своимъ мужи не держати, нъ держати мужи новгородскими; а даръ от техъ волостин имати. А се волости новгородские: Волокъ съ всеми волостями, а держати ти свои тивунъ на половине, а новгородецъ на половине въ всей волости Волоцкой; а в Торожкѣ, княже, держати тивунъ на своей части, а новгородецъ на своей части; а Городецъ, княже, далъ Дмитрии съ новгородци Иванкѣ, а того ти, княже, не отъяти.

А се волости новгородские: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости держати мужи новгородскими; а даръ от нихъ имати.

А свињи ти бити за 60 верстъ от города.

А закладниковъ ти, княже, не примати, ни твоеи княгини, ни твоимъ бояромъ; ни селъ ти держати по Новгородской волости, ни твоеи княгини, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни сводъ ставити по Новгородской волости.

А и Суждаской ти землѣ Новгорода не рядити, ни волостин ти не роздавати.

А на Озвато ти, княже, ездити лето звери гонить. А в Русу не ехати, ехати ти в Русу на третью зиму. А в Ладогу, княже, ехати на третнее лето. А осетрнику твоему ездити в Ладогу по отца твоего грамоте. А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петрове дни.

А что твоя братъ отъялъ былъ позже ꙗ Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что новгородцевъ, то новгородьцемъ; а что пошло князю, а то княже.

А выводъ ти, княже, въ всей волости Новгородьской не надобе.

А дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлине, како пошло исперва.

А от новгородьця и от новоторжьця ꙗ мыта имати от воза по 2 векши и от хмелна корова.

А за Волоч твоего мужа не слати, слати новгородца.

На томъ ти на всемя хрьстъ целовати по любьви, безъ всякого извета, въ правдѹ, при нашихъ послехъ.

Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире 1435 г. (текст приводится по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 19. С. 34–36).

По благословению преподобнаго священноинока Ефимья, от посадника новгородьскаго Михаила Ивановичя, от тысяцкаго новгородскаго Ананья Васильевичя, и от всего Великого Новгорода.

Се приехали послове к великому князю Василью Васильевичю всея Руси от Великого Новгорода посадникъ Офонасъ Федоровичъ и посадникъ степенный Михаилъ Ананьичъ, от черныхъ людей Козма Тарасинъ и Михаилъ Семеновъ, докончали миръ по старымъ грамотамъ крестнымъ съ княземъ великимъ с Васильемъ Васильевичемъ всея Руси.

Какъ целовалъ князь великы Андрей, князь великыи Иванъ, князь великыи Семень, и прадедъ твой князь великыи Иванъ, и дедъ твой князь великыи Дмитрии, и отецъ твой князь великыи Василии, целѹи, господине князь великыи, по тому же крестъ къ всему Великому Новгороду.

Новъ ти городъ держати по старине, без обиды; а намъ, мѹжемъ новгородцемъ, княженне твое великое держати чесно и грозно, без обиды.

А пошлинъ твоихъ великого князя не танти, по целованью.

А что волостен ноугородскихъ всехъ, ти не держати своими мужми, а держати ти мужми ноугородскими; а даръ имати от техъ волостен.

А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостен роздавати ни грамотъ давати.

А что ти, княже, пошлина в Торжкѹ и на Волоце: тивѹни свои держати на своей части, а наугородцемъ на своей части. А в Бежицахъ тебе, князю великому, и твоеи княгине, и бояромъ, и слугамъ твоимъ сель не держати, ни купити, ни даромъ не примати, по всей волости по Новгородскон.

А се ти, княже, и волости ноугородские: Волокъ съ всеми волостями, Торжекъ, Бежици, Городецъ Полецъ, Шипино, Мелеча, Ёгна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда.

А в Русѹ ти, княже, ездити на третью зиму. А лете ти, княже, ездитъ на Възвядъ зверь гонити ти. А в Ладогѹ ти слать осетреники и медовары, и по старымъ грамотамъ. А в Ладогѹ ти, княже, ездити на третье лето.

А из Бежиць ти, княже, людеи не выводити въ свою волость, ни из ыныхъ волостен ноугородскихъ, ни грамотъ имъ давати, закладниковъ не примати ни твоеи княгине, ни твоимъ бояромъ: ни смерда, ни купчины.

А безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити.

А грамотъ не посужати.

А пожни, княже, что твон и твонхъ мужей то твон и твонхъ мужей; а что пожни новгородские, то к Новгородѹ, как пошло.

А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонъ имать: ото князя по пяти кѹнъ, а от тивѹна по две кѹны.

А что ти, княже, мытъ по Сѹждадлскон земли, въ твоеи волости: от воза имати по две векше, и от лодыи, и от хмелева корова, и ото лняна.

А дворяномъ твоимъ ѹ купцевъ повоза не имати, развее ратные вести.

А слободъ и сель състѹпился. А на Ноугородскон земли волостен не ставити. А на Имоволожскомъ погосте кѹны имати.

А холопъ или роба иметь на господу вадити, а тому ти веры не яти.

А на Низу ти, княже, новгородца не судити, ни дани раздавати, ни приставовъ не всылати въ всю Ноугородскую волость.

А что, княже, гневъ будетъ на владыку, или на посадника и на весь на Великий Новгородъ, то ти, княже, нелюбие отложить. А про Дмитрея про Тарасова не мщатись, ни судомъ, ни чим же. А кто почнетъ вадити, тому ти веры не яти.

А про послы, княже, и про купци про ноугородские по твоеи земли, техъ ти не принимати.

А в Немецкомъ ти дворе торговати нашею братьею, а двора ти не затворити, ни приставовъ не приставливати.

На томъ ти, княже, крестъ целовати къ всему Ноугороду.

А гостемъ гостити безъ рѹбежа, по цесареве грамоте.

А судни ти слати по волостемъ на Петровъ день, какъ пошло.

А вывода межи Суздальской земли и Ноугородской не чинити.

А закладнен ти, княже, ни твоеи княгине, ни твоимъ бояромъ в Торжкѹ не держати, ни по всей Ноугородской волости: а купецъ поидетъ въ сто, а смердъ потянетъ въ свои погостъ, какъ пошло в Новгороде.

На томъ на всемъ, княже, крестъ целѹи къ всему Великому Ноугороду по любви и въ правду, безъ всякого извета; такъ же и посадники, и тысяцкие, и весь Великий Новгород, на сем же целѹите крестъ к великому князю Василью Васильевичю всей Рѹси, по любви, в правду, безъ хитрости.

§4. Уставные грамоты

Название уставных грамот напрямую связано с той задачей, ради которой они создавались – эти грамоты устанавливали определённый порядок управления и суда для конкретной территории, но также в них затрагивался и целый ряд других вопросов: определение перечня и размера пошлин и сборов, системы правонарушений и мер юридической ответственности и др. Уставные грамоты являются, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией переходной эпохи – от обычноправовой традиции Русской Правды к установленным великокняжеской властью судебникам. В рамках данного параграфа будет дан подробный анализ двух наиболее известных грамот – Двинской и Белозёрской.

Уставная грамота Двинской земле 1397 г. появилась в результате отделения двинян от Новгорода и их стремления отойти под власть московского князя, которого они просили дать им устав, определяющий порядок рассмотрения судебных дел.

В системе мер юридической ответственности по Уставной грамоте Двинской земле по-прежнему преобладают штрафы. Так, за убийство предусматривался штраф в размере 10 рублей, за «кровавую рану» (ранение) – 30 бел, за «синюю рану» (избиение) – 15 бел. Штраф за убийство в этой грамоте по-прежнему называется вирой и очевидно восходит к нормам Русской Правды, суд по делам об убийстве так же находится в руках княжеского наместника. При этом в грамоте указывается так называемая «дикая вира», платившаяся в тех случаях, когда убийца не мог быть найден: «Оже учинится вира, где кого утепутъ, ине душегубца изыщутъ; а не найдутъ душегубца, ине дадутъ наместникомъ десять рублевъ...».

Несмотря на очевидную схожесть положений Двинской грамоты об убийстве с соответствующими положениями Русской Правды, И. Д. Беляев указывал на несколько важных отличий: 1) сбор вир по Русской Правде осуществлялся специальным должностным лицом – вирником, по Двинской грамоте этим занимается княжеский наместник; 2) по Русской Правде дикая вира уплачивалась, если община не могла отыскать или не желала выдавать убийцу, в Двинской грамоте сохраняется только первое основание¹.

Говоря об убийстве как составе преступного деяния по Грамоте, следует отметить, что убийство несвободного его господином не рассматривалась в качестве преступления и не подлежало уголовной ответственности: «А кто осподарь огрешится, ударить своего холопа или робу, а случится смерть, в томъ наместници не судять, ни вины не емлютъ».

При назначении штрафа Двинская грамота учитывала правовое положение пострадавшего и определяет размер штрафа с учётом «безчестья», которое призвано возместить ущерб, причинённый чести пострадавшего: «А кто кого излаеть боярина, или до крови ударить, или на немъ синевы будутъ, и наместници судять ему по его отечеству безщестие; тако же и слuze».

Размер штрафа дифференцирован в Двинской уставной грамоте также в отношении нарушения межи: «А другъ у друга межу перореть или перекосить на одномъ поле, вины боранъ; а межу сель межа тритцать белъ; а княжа межа три сороки белъ; а вязбы в томъ нетъ». В тексте статьи различаются: 1) земельные споры между членами одной общины, связанные с нарушениями границ наделов; 2) нарушение границы владений сельской общины; 3) нарушение межи княжеской земли. Штраф в третьем случае в 4 раза больше, нежели штраф во втором случае, который следует рассматривать как основной, наиболее типичный случай нарушения межи («домашний» характер споров соседей подчеркивается здесь и характером санкции – штраф определен не в денежной, а в натуральной форме). Здесь очевидна преемственность с Русской Правдой, согласно которой высшая прода-

¹ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 271.

жа (12 гривен) в 4 раза превышала наиболее употребительный штраф в 3 гривны.

Наивысший штраф установлен за нарушение границы княжеской земли – три сорока бел (то есть три связки беличьих шкурок по 40 штук), значительно меньший штраф (30 бел) – за нарушение межи между сёлами, наименьший – за нарушение межи, совершённое между членами одной сельской общины (баран или две ногаты).

Уставные грамоты примечательны тем, что именно в одной из них впервые в истории русского права была введена смертная казнь как мера уголовной ответственности. Уставная грамота Двинской земле 1397 г. ввела смертную казнь через повешение для воров-рецидивистов, уличённых в совершении преступления в третий раз: «...а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличать, продадутъ его не жалуя; а уличать втретые, ино повесити...».

Здесь же мы впервые в русском законодательстве встречаем и указание на применение членовредительных наказаний, а именно – «пятнение» (клеймение) воров: «...а татя всякого пятнити». Данная процедура являлась дополнительным наказанием и имела целью выделить преступника среди других людей, показать его потенциальную опасность для интересов других членов общества.

В Двинской уставной грамоте 1397 г. ещё допускается частноправовое разрешение конфликтов, однако законодатель стремится ограничить сферу частноправового регулирования: «А учинитсѣ бои въ пиру, а возмутъ прощеніе, не выида ис пиру, и наместникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а выдешъ ис пиру возмутъ прощеніе, ине наместникомъ дадутъ по кунице шерстью». Показательно, что частноправовое разрешение спора не сопровождается уплатой судебных пошлин государственной власти только в том случае, если оно совершилось на самом пиру, где конфликт и возник. В том случае, если конфликт вышел за пределы пира, Грамота всё ещё дозволяет разрешение спора без обращения к судебной власти, но уже вводит обязанность уплатить пошлину. Посредством такого рода установлений крепнущая государственная власть стремилась защитить свои интересы.

Многие исследователи справедливо видели здесь суд братчины, хорошо известной по Псковской Судной грамоте: «Все споры и драки

на пиру, в братчинах, разбирались обществом; все такие пиры всегда на Руси имели особые привилегии»¹. В условиях усиливающегося государственного начала такие суды всё меньше имели публично-правовое значение, переходя в сферу частноправовых отношений.

В той же Уставной грамоте Двинской земле определяются ситуации, в которых частноправовое разрешение споров рассматривается государственной властью как преступление, поскольку нарушает её фискальные интересы. Новое преступное деяние именуется самосудом и наказывается штрафом в размере 4 рублей: «А самосуда четыре рубли; а самосудъ то: кто, изымавъ татя съ поличнымъ, да отпустить, а себе посулъ возметь, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосудъ; а опрочь того самосуда нетъ».

П. Н. Мрочек-Дроздовский рассматривал эту статью как первую в разделе Грамоты, посвящённом процессуальным правоотношениям². Однако более логичным будет трактовать её как заключительную статью первого раздела, определявшего преступления и меры юридической ответственности. Именно так расценивали «самосуд» большинство исследователей³.

Сам термин, используемый Грамотой в данном случае (самосуд), указывает на незаконный характер разрешения конфликтной ситуации, осуществляемого лицом, которое не уполномочено на это. Процесс перераспределения судебных полномочий от общественных вечевых структур в пользу государственных судебных органов, соподчинённых с княжеской властью, ещё далёк от своего завершения, поэтому в Грамоте подчёркивается, что понятие самосуда не следует распространять на другие случаи частноправового разрешения спорных ситуаций.

Поскольку мы выяснили, что в Двинской уставной грамоте продолжает использоваться частноправовой порядок разрешения споров, в систему мер юридической ответственности, применявшихся по этой грамоте, следует включить возмещение ущерба.

¹ *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства... С. 272.

² *Мрочек-Дроздовский П.* Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестник. 1884. № 5–6. Май-июнь. С. 85.

³ *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства... С. 273 и др.

Во главе административно-судебного аппарата Двинской земли стоял наместник, назначаемый из Москвы. Уже в первых строках Грамоты было определено, что при выборе кандидатуры равными правами пользуются московские и двинские бояре: «Коли кого пожалую своих бояр, пошлю наместником к ним в Двинскую землю, или кого пожалую наместничеством из двинских бояр...». При этом важно иметь в виду, что сам термин «Двинская земля» означал систему территориальных городских и сельских общин, «местный самоуправляющийся мир»¹. Поэтому наместник не являлся абсолютным правителем, в реализации своих судебных функций он был ограничен не только Грамотой, но и этим «самоуправляющимся миром».

В прежних отношениях Двинской земли с Новгородом такой же внешней силой, как московский наместник, являлся двинский посадник, как правило, назначавшийся из новгородских бояр (возможно, также посадники могли назначаться Новгородом из числа двинских бояр). В конце XIV в., согласно Двинской уставной грамоте, административным центром уже являлся Орлец, однако в течение длительного времени при новгородском владычестве эту функцию исполняли Колмогоры. По крайней мере, в грамоте XIV в., обращённой к двинскому посаднику, его местоположение определяется именно так: «Отъ Великого Князя отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкого Аврама и отъ всего Новагорода къ Двинскому посаднику на Колмогоры, и къ бояромъ Двинскимъ»², а в другой грамоте середины XV в. двинские посадники имеютя «колмогорскими»³. Показательно, что во время подавления двинского восстания новгородские войска разрушили Орлец и административный центр Двинской земли вновь был перенесён в Колмогоры⁴.

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.-Л., 1948. С. 403.

² Грамота великого князя Иоанна Даниловича и новгородского посадника Данила и тысяцкого Аврама на Двину // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 2. С. 1.

³ Жалованная новгородская грамота Троицкому Сергиеву монастырю 1448–1454 гг. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 42. С. 32.

⁴ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 48.

При осуществлении своих функций наместник собирал в свою пользу определённые пошлины. С каждого решённого судебного дела наместник получал сумму, равную половине стоимости иска (ст. 7): «А кого утяжут в рубле, и наместником вины полтина; а того боле или менши, ино по тому ж».

В условиях распространения письменного судопроизводства большое значение получали документы, подтверждающие решение суда. Выдаваемые судом грамоты требовали обязательного скрепления печатью, от каждой грамоты наместник получал три белки («а от печати наместником по три белки»).

Существовавший при посадниках административно-судебный аппарат сохранялся, переходя теперь в подчинение московскому наместнику. Функции судебных приставов исполняли дворяне, на которых возлагался вызов ответчиков в суд и наложение на них оков. В двинских грамотах периода зависимости от Новгорода также упоминаются дворяне, которые состояли при посадниках и осуществляли те же функции, что и позднее по Уставной грамоте¹.

В ст. 8 Двинской грамоты подробно определяются пошлины, поступающие в пользу дворян за осуществление ими функций по вызову ответчика в суд. Размер пошлины зависел от расстояния: в самом Орлеце этот сбор назывался «хоженое» и оценивался в одну белку, по Двинской земле эта пошлина уже называлась «езд» и варьировалась от двух до тридцати бел. При этом в случае необходимости выезда должностных лиц для проведения следственных действий сумма «езда» увеличивалась вдвое («а на правду вдвое»).

На дворян также возлагались полномочия по заключению «в железа», временному ограничению свободы в тех случаях, когда ответчик или подозреваемый не могли найти поручителей. Сковывание существенно ограничивало лицо в возможностях изыскать средства для защиты, согласно договорам Новгорода с немецкими городами XII–XIII вв. последовательно запрещается принудительное задержание иноземца: «Немчина не сажати в погреб Новегороде, ни новго-

¹ «Рядница» княжеостровцев с Авксентием Григорьевичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 138. С. 192 и др.

рода в Немцьхъ, нъ емати свое у виновата»¹. Судебная пошлина за наложение оков составляла 4 белки и называлась «железное».

Опору административно-судебного аппарата составляли дьяки, занимавшиеся делопроизводством. За составление судной грамоты дьяки получали пошлину в размере 2 белок («а дьяком от писма от судные грамоты две белки»).

В своей деятельности наместничий административно-судебный аппарат должен был взаимодействовать с исполнительными органами самоуправляющихся сельских и городских общин. К их числу следует относить сотского, подвоиских и старост, нередко упоминаемых в двинских частноправовых грамотах.

Партикуляризм средневекового права нашёл своё выражение и в Двинской уставной грамоте, оговорившей судебный иммунитет для купцов, отправлявшихся торговать в Великий Устюг, Вологду, Кострому: «А на Устюзе, и на Вологде, и на Костроме их [двинских гостей – Ю. О.] не судят, ни на поруки их не дают ни в чем; а учинится татба от двинских людей с поличным, ине поставят их с поличным передо мною, перед великим князем, и яз сам тому учиню исправу; а чего кто имет искати на них, ине учинят им срок перед моих наместников перед двинских, ине учинят управу им на Двине».

Хотя в Двинской грамоте об этом не говорится, но следует полагать, что купеческие корпорации двинских купцов, подобно новгородским, обладали правом суда над своими членами по определённым делам.

Согласно Двинской уставной грамоте, дело возбуждалось по инициативе истца (или потерпевшего), обращавшегося к княжескому наместнику. Вызов ответчика в суд осуществлялся через должностных лиц, представлявших и княжескую администрацию (дворянина), и земщину (подвойского): «А кто на кого челом бьет, дворяне и подвоиские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместници дадут грамоту правую бессудную; а кто будет не тутошнеи человек, ине его дадут на поруце».

¹ Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг. // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. С. 126.

Окончание рассмотренной статьи может трактоваться различным образом. И. Д. Беляев полагал, что порука давала отсрочку ответчику, проживавшему вдали от наместничьего города: «если ответчик жил далеко от наместничьего города, то мог не являться немедленно, а только предоставлял поручителей в том, что он явится в суд в известный срок»¹. Другая точка зрения предполагает, что порука предоставляется с целью обеспечить передачу дела ответчика тому судебному органу, которому он подсуден: «если ответчик не проживал в Двинской земле и в силу этого не был подсуден местному суду, наместник (или другое лицо, выступающее в роли судьи) может отдавать его на поруки до рассмотрения дела судьей, имеющим на то полномочия»².

Выражение «не тутошнеи человек», конечно, обозначает человека, имеющего место жительства за пределами Двинской земли, который может, в случае предъявления ему претензий, покинуть её пределы и тем самым избежать ответственности. Вероятнее всего, что поручительство является здесь именно гарантией явки «нетутошнего человека» в суд для рассмотрения претензий к нему. Если не находилось желающих дать поручительство за ответчика, к нему применялось другое средство обеспечения явки в суд – заковывание в железа, заключение как процессуальная мера. Грамота специально оговаривает, что одно средство обеспечения заменяет другое (ст. 8): «а черес поруку не ковати». О том, что сковывание применяется (конечно же, судом) в тех случаях, когда нет поруки, говорится и в более ранних источниках права, например, в договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом XIII в.: «Аще Русьскийи гость в Ризе, или на Готьскомь березе извинитися, никакоже его въсадити в дыбу. Оже будеть порука по нь, то дати на поруку; не будет ли порукуы [по нь], то лзе и в железа въсадити»³.

В случае неявки ответчика в назначенный срок наместник выдавал истцу так называемую правую бессудную грамоту, согласно кото-

¹ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства... С. 273.

² Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 185.

³ Договор («правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. С. 60.

рой истец признавался правым, а ответчик – виновным. Бессудные грамоты нередко упоминаются в двинских частнопровых актах¹.

Раскрыть особенности судопроизводства в Двинской земле помогает обращение к сохранившимся правоприменительным актам по конкретным делам. Некоторые двинские грамоты сохранили подробный формуляр правой грамоты, их сличение показывает его устойчивость и наличие определённого порядка судебного разбирательства.

В грамотах, оформлявших решение суда, обязательно упоминался факт вызова ответчика в суд, при этом указывалось на имена дворян, осуществлявших этот вызов: «Се позва Левонтии Зачепинъ Савка и всихъ княжостровъчовъ на судъ дворяниномъ Матуто и Марынъкомъ», «Се позва Уласке Тупичинъ Вячеслава і всихъ княжостровъчевъ на судъ дворяны Степанкомъ і Иванкомъ»². Показательно, что в большинстве случаев вызов на суд осуществлялся не одним дворянином, а двумя, хотя в некоторых случаях говорится об одном дворянине³.

Вызов в суд тоже оформлялся специальной грамотой – так называемой «позовницей». В одной из двинских мировых стороны, решившие отказаться от решения своего спора через суд, специально оговаривают, что позовница должна быть уничтожена: «А чо Стегачъ вывезлъ позовницу на Григорья о тои земле, а та позовница Стегачю подрати»⁴.

Собственно судебное разбирательство начиналось с оглашения претензий истца и его требования справедливого суда: «А ркя тако Левонтии: взяти у васъ сорокъ куней да тысяча белке, а в то ми ся

¹ Рядная Василя Федорова, его детей и братанов с новгородским посадником Иваном Даниловичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 130. С. 187 и др.

² Рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 132. С. 188; Правая грамота посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича и сотского Ивана о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 92. С. 148.

³ «Рядница» княжеостровцев с Авксентием Григорьевичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 138. С. 192.

⁴ Мировая Григория Степановича со Степаном Семеновым сыном Стегачом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 277. С. 276.

доспело рублевъ на пятьдесятъ убытка; станите на судъ, судъ ми с вами»¹. В другой грамоте эта часть тоже присутствует: «А ркя такъ: кладете на мене розрубъ, а язъ у васъ не живу»².

Момент явки ответчика в суд обязательно фиксируется в обеих грамотах, поскольку при отсутствии этого факта, как уже отмечалось, суд признавал правоту истца и выдавал бессудную грамоту: «И Завке ста на суде и вси княжоостровъчи», «І Вячеславъ і вси княжьостровъчи сташа на суде...»³.

После фиксации факта явки ответчика суд переходил к заслушиванию возражений ответчика: «И посадники спросиша у Савка и у всихъ княжоостровчовъ: виноваты ль есте тымъ Левонтию?»⁴. После заслушивания возражений ответчика посадники обращались к истцу, предлагая ему высказать свои пояснения в связи со сказанным ответчиком: «І посадники вспросиша Уласка: жилъ ли еси на Княжеострове, давалъ ли еси с княжьостровци розрубъ?»⁵. Выслушав объяснения истца, суд определялся с решением, которое озвучивалось и оформлялось в виде судной правой грамоты: «І посадники, обыскавъ судомъ, Вячеслава і всихъ княжьостровчевъ оправиша, а Уласка обиниша і даша Вячеславу івсемъ княжьостровчемъ грамоту судную правую: потянетъ Уласке с княжьостровци въ старину, какъ отецъ его тянулъ...»⁶.

Решение суда носило окончательный характер и не подлежало пересмотру, что выражалось словами «а потомъ тяжа не надобе».

¹ Рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 132. С. 188.

² Правая грамота посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича и сотского Ивана о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 92. С. 148.

³ Рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами... С. 188; Правая грамота посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича и сотского Ивана о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев... С. 148–149.

⁴ Рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами... С. 188.

⁵ Правая грамота посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича и сотского Ивана о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев... С. 149.

⁶ Там же.

Из судебных процедур, известных по Русской Правде, в Двинской грамоте упоминается свод. Процедура свода применяется согласно 5-й ст. по делам о кражах: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклово татя...». Оповедавший свою вещь хозяин должен был идти по сводам до так называемого чеклого татя (то есть настоящего вора). В этой же статье оговаривалось, что наместник и его дворяне не могут взять никаких пошлин с этой процедуры. По мнению П. Н. Мрочек-Дроздовского, это делается для того, чтобы «наместники и их служители (дворяне) своими требованиями не нарушали прав общины относительно свода, который исстари признавался делом общинным, не подлежащим ведению внешней власти и ее представителей»¹.

Ниже приводится текст Уставной грамоты Двинской земле (текст грамоты приводится по изданию: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 88. С. 144–146).

Се язъ князь велики Василен Дмитріевичъ всея Рүси пожаловалъ есмь боярѣ своихъ двинскихъ, также сотского и всехъ своихъ черныхъ люденъ двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ боярѣ, пошлю наместникомъ к нимъ въ двинскую землю, или кого пожалую наместничествомъ изъ двинскихъ боярѣ, и мои наместници ходятъ по сен по моеи грамоте великого князя.

Оже учинится вира, где кого утепуть, ине душегубца изыщутъ; а не найдутъ душегубца, ине дадутъ наместникомъ десять рублевъ, а за кровавую рану тридцать велъ, а за синюю рану пятнатцать велъ; а вина противу того.

А кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы вудутъ, и наместници судятъ ему по его отечеству безщестіе; тако же и слuze.

А учинится бой въ пирю, а возмутъ прощение, не вында ис пирю, и наместникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а вышедъ ис пирю возмутъ прощение, ине наместникомъ дадутъ по куннице шерстью.

¹ Мрочек-Дроздовский П. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестник. 1884. № 5–6. Май-июнь. С. 83.

А друтъ ѹ друга между переоретъ или перекоситъ на одномъ поле, вины боранъ; а между сель межа тритцать белъ; а княжа межа три сороки белъ; а вязбы в томъ нетъ.

А кто ѹ кого что познаетъ татевное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ, холны до чеклово татя, а от того наместникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а татя впервые продати противу личного; а вдругие ѹличатъ, продадутъ его не жалѹя; а ѹличатъ втретье, ино повесити; а татя всякого пятнити.

А самосѹда четыре рѹбли; а самосѹдъ то: кто, изымавъ татя с личнымъ, да отпуститъ, а собе посѹлъ возметъ, а наместники доведутся по заповеди, ино то самосѹдъ; а опрочъ того самосѹда нетъ.

А кого ѹтяжутъ въ рѹбле, и наместникомъ вины полтина; а того боле или менши, ино по тому жъ.

А на Орлеце дворяномъ хоженного белка; а езды и позовы от Орлеца до Матигоръ две белки, до Колмогоръ две белки, до Куръострова две белки, до Чюхчелема две белки, до Ухтъострова две белки, до Кургини две белки, до Княжаострова четыре белки, до Лисичаострова семь белъ, а до Конечныхъ дворовъ десять белъ, до Нонаксы дватцать белъ, до Уны тритцать белъ; а съ Орлеца вверху по Двине до Кривого белка, до Ракѹлы две белки, до Наволока три белки, до Челмахты четыре белки, до Ёмци пять белъ, до Кален десять белъ, до Кириегоръ семнатцать белъ, до Тонмы до Нижние тритцать белъ; а на правдѹ вдвое.

А железного четыре белки, толко человек скѹютъ, а не вѹдетъ по немъ порѹки; а боле того дворянинѹ не взяти ничего; а черес порѹкѹ не ковати; а посѹла въ железехъ не просити; а что въ железехъ посѹлъ, то не въ посѹлъ.

А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвонскіе позовѹтъ къ сѹдѹ, а онъ не станеть ѹ сѹда, и на того наместници дадутъ грамотѹ правѹю безсѹднѹю; а кто вѹдетъ нетѹтошнен человекъ, ине его дадутъ на порѹце.

А от печати наместникомъ по три белки; а дьякомъ от писма от сѹдныя грамоты две белки. А сотскому и подвонскому пошлинка с лоды по пѹзѹ ржы ѹ гостя.

А кто осподарь огрешитса, ѹдаритъ своего холопа или робѹ, а слѹчитса смерть, в томъ наместници не сѹдятъ, ни вины не емлютъ.

А приставомъ момъ, великого князя, в Двинскую землю не въездити, всему управу чинятъ мон наместници; а надъ кемъ чинятъ продажу силно, а ударятъ ми на нухъ челомъ, и мне, князю великому, велети наместнику стати передъ собою на срокъ; а не станеть, ино на того грамота безсудная и приставъ мон доправитъ.

А гостю двинскому гостити в лодяхъ или на возехъ; сълоди на Устюзе наместникомъ два пѹза соли, а с воза две белки, а того боле наместники не емлютъ ѹ нухъ, ни пошлинники, ничего; а на Вологде дадутъ съ лодіи два пѹза соли, а с воза по белке, а того боле не емлютъ ѹ нухъ ничего. А въ лодіяхъ, или на возехъ коли поедутъ, и наместници устюжскіе и володскіе нухъ не ѹимаютъ, а на Устюзе, и на Вологде, и на Костроме нухъ не судятъ, ни на порѹки нухъ не даютъ ни в чемъ; а чинитя татба от двинскихъ людей съ полчинымъ, ине поставятъ нухъ съ полчинымъ передо мною передъ великимъ княземъ, и язъ самъ тому чинию исправу; а чего кто иметь искати на нухъ, ине чинятъ имъ срокъ передъ монухъ наместниковъ передъ двинскихъ, ине чинятъ исправу имъ на Двине.

А куды поедутъ двиняне торговати, ино имъ не надобе во всен моеи отчине в великомъ княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные некоторые пошлины.

А черезъ сю мою грамоту кто нухъ чемъ избеидитъ, или кто не иметь ходити по сен грамоте, быти тѹ от мене от великого князя в казни.

В Белозѣрской уставной грамоте преимущественное внимание уделяется вопросам регламентации наместничьего «корма» и ограничения его аппарата. С первых же статей определяются пошлины, положенные наместнику: 1) въездное (уплачивалась по прибытию наместника, размер этой пошлины не регламентировался – «что кто принесет, то им взяти»); 2) регулярные пошлины на Рождество и Петров день; 3) явочная пошлина с купцов; 4) основная судебная пошлина (с суммы иска, от рубля – одна гривна, но в случае судебного поединка – полная сумма иска); 4) выводная (с родителей при выдаче дочери замуж) и др.

В тех же статьях, которые определяли наместничий «корм», указывались размеры пошлин, уплачиваемых в пользу должностных лиц, находящихся в аппарате наместника – тиунов и доводчиков. Для

того, чтобы содержание искусственно раздутого штата должностных лиц не ложилось тяжёлым бременем на плечи местного населения, Белозёрская уставная грамота регламентирует их количество: два тиуна и десять доводчиков.

П. Н. Мрочек-Дроздовский отмечал, что подробное определение доходов, которые вносили наместник и должностные лица его аппарата, служило не только интересам господствующего класса, но также и всего населения, поскольку регламентация пошлин предотвращала их чрезмерное взимание¹.

Поскольку доводчиков обыкновенно отправляли в деревни и села для обследования дела на месте, Грамота специально оговаривает запрещение доводчикам задерживаться в одном месте, чтобы не обременять постоем хозяев: «А где доводчик ночует, туто ему не обедали, а где обедаёт, тоуто ему не ночевати». Решительному запрету подвергались и попытки наместничьих людей являться незваными на общественные пиры (ст. 20): «А тиуном и наместничьим людем на пир и на братчиноу незваным не ходити...».

Важным ограничением возможного лихоимства наместничьего аппарата являлось требование Грамоты, чтобы наместники, их тиуны и доводчики не сами собирали эти поборы, а получали их от сотских: «А побора в стану и [доводчику – Ю. О.] не брати, имати им свои побор оу соцкого в городе». Такое же ограничение вводилось не только для «кормов» доводчиков и тиунов, но и для наместничьего «корма», который в город должны были доставлять сотские (ст. 6 Грамоты).

Однако наиболее существенным ограничением наместничьего суда следует признать требование Грамоты об обязательном участии в нём выборных об общества – сотского и «добрых людей» (ст. 19): «А наместником нашим и их тиуном без сотцково и без добрых людеи и не судити суд».

Определив все ограничения, налагаемые на наместника и его людей, Грамота указывает и на способ призвать наместника к ответственности в случае неисполнения её положений (ст. 23) – обратиться к суду великого князя.

¹ Мрочек-Дроздовский П. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов... С. 86.

Система преступлений и наказаний по Белозёрской грамоте ещё дальше ушла от уголовно-правовой системы Русской Правды, чем Двинская уставная грамота. Если Двинская грамота, вслед за Русской Правдой, на первое место ставит определение ответственности за убийство, то в Белозёрской грамоте на первое место поставлены преступные деяния, борьба с которыми проходит красной нитью сквозь всё последующее московское законодательство XVI в.: татьба, разбой, душегубство (ст. 10).

Институт дикой виры получает дальнейшее развитие – великокняжеская власть возлагает ответственность за оставшееся нераскрытым убийство на ту общину, на территории которой оно произошло (ст. 14). Штраф, в отличие от Двинской уставной грамоты, составляет 4 рубля. В этой же статье вместо термина «вира» появляется термин «вина»: «ино вины четыре рубли заплатят горожаня». П. Н. Мрочек-Дроздовский видел в особенностях употребления терминов «вина» и «продажа» в Белозёрской уставной грамоте свидетельство ослабления связи законодательства с Русской Правдой. Утрата этими терминами их прежних значений проявлялась не только в искажении написания, но и в употреблении обоих терминов как равнозначущих (ст. 14): «А кого у них в лесе дерево заразит, или з дерева убиесть, или зверь съест, или хто в воду оутонет ... ино в том вины и продажи нет».

Подобно Двинской, Белозёрская уставная грамота определяет относительно новый состав преступного деяния – самосуд. Поскольку тенденция усиления государственной власти зашла дальше, в этой Грамоте статья о самосуде значительно лучше разработана, дано подробное определение самосуда: «А самосуд то: хто поймает татя с поличным да отпустит его прочь, а наместником и тиуном не явя, а его в том уличят, ино то самосуд; а опричь того самосуда нет». Наказание за самосуд составляет штраф в размере 2 рублей.

Процедура отыскания недобросовестного владельца сохранила те же основы, что и в Двинской уставной грамоте, и в Русской Правде. При обнаружении краденой вещи её владелец должен был оправдывать себя посредством процедуры свода, вплоть до «десятого свода» или до чеклого вора (ст. 12).

Много нового вводит Белозёрская уставная грамота в систему доказательств, известных русскому праву. В этой грамоте даётся

подробное определение поличного, которое в дальнейшем использовалось в других законодательных актах: «А поличное то, что выимут из клетки из-за замка; а найдут что в дворе или в пустой хормине, а не за замком, ино то не поличное».

Применительно к доказательствам из числа разновидностей «божьего суда» Белозёрская уставная грамота отражает тенденцию к ограничению применения судебных поединков, предлагая сторонам уплатить незначительную судебную пошлину в случае отказа от поля и существенно увеличивая её, если дело всё же разрешается на поединке (ст. 9).

Ниже приводится текст Белозёрской уставной грамоты (текст приводится по изданию: Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 192–195).

Се яз, князь великий Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми своих людей и белозерцов а горожан, и становых людей, и волостных, и всех белозерцов: хто наших намесников у них ни будет, и они ходят по сей по нашей грамоте.

1. Взоежжого корму горожане и становые люди наместником нашим на въезд что хто принесет, то им взяти.

2. А на Рожество Христово наместником нашим дадут корм со всех сох, со княжих, и з боярских, и с монастырских, и з черных, и з грамотников, и со всех без оменки, с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку овса десять денег, за воз сена два алтына. А на Петров день дадут корм наместником нашим со всех же сох, с сохи за боран восемь денег, за десятеро хлебов десять денег. А тином корм рожественскон и петровскон вполы наместничя корму. А доводчиком побор со всех же сох: с сохи на Рожество Христово за ковригу денга, за чьясть мяса денга, за зобню овса две денги, а на Петров день доводчиком збор со всех же сох, за ковригу денга, за сыр денга.

3. А наместником нашим оу них держати в городе и во станех два тиуна да десять доводчиков, во станех восемь доводчиков, а два в городе. А станы и деревни своим доводчиком поделять.

4. А доводчику ездити во стану без паропка и без простые лошади своего дея прибытка. А повора в стану и не брати, имати им свои повор оу соцкого в городе. А доводчику из своего розделу в другон

роздел не ездить. А где доводчик ночует, тутто ему не обедати, а где обедаеть, тоутто ему не ночевати.

5. А наместники тиунов и доводчиков до году не переменяют.

6. А кормы наместничьи, и тиуновы, и доводчиковы поборы берут в станех сотские да платят наместником, и тиуном, и доводчиком в городе, о Рожестве Христове рождественском корм платят, и наместником, и тиуном, и доводчиковы поборы, а о Петрове дни петровской корм платят в городе наместником, и тиуном, и доводчиковы поборы.

7. А пошлин наместником на Белоозере в городе: явка з гостей, кои гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новгородские земли, или откуда хто ни приедет, з болшаго судна, с ватамана гривна, а люден на судне сколько ни будет, ино з головы по денге; а хто приедет в малых судех в гребных на Белоозере из Московские земли или из Новгородские, ино с ватамана и с люден, колко их на судне ни будет, ино з головы по денге.

А на Волочке на Словенском наместником держати своих пошлинников, а явку емлют з гостей по тому же: кто приедет из Московские земли, из Тверские, из Новгородские земли, и с Устюга, и с Вологды, ино з болшого судна с ватамана гривна, а с люден, сколько их на судне ни будет, ино з головы по денге, а в малом судне в гребном хто приедет, ино с ватамана и с люден, колко их не будет на судне, ино з головы по денге. А которы гость заплатит пошлинну на Волочке, а на том другие пошлинны на Белоозере не емлют.

8. А хто приедет из Московские земли, из Тверские, из Новгородские земли, изо всех монастырен Московские земли, и Тверские, и Новгородские земли, из белозерских монастырен, ис Кирилова, из Фарафонтиева, изо всех белозерских монастырен, торговати им всем на Белоозере в городе житом и всяким товаром, а за озеро им всем торговати не ездити. А по волостем и по монастырем не торговати житом и всяким товаром, опроче одное волости Углы, а на Угле быти торгу по старине. А кого изымают, хто поедет за озеро или кто учнет торговати по волостем и по монастырем белозерским, и они с купца возмут два рубли, рубль наместником, а рубль таможником, а с продавца возмут два рубли, рубль наместником, а рубль таможником. А что у них будет товару, оу купца и у продавца, и тот товар оу них емлют таможники на великого князя, а их дают на поруце наместник и таможник, да

ставят перед великим князем. А городским людем белозерским посажаном за озеро ездити и торговати по старине.

9. А будет суд перед наместники и перед тиуны о рубли, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну, и с тиуны и з доводчики, за все пошлины. А досудят наместники и тиуны о рубли до поля, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну с тиуны и с доводчики за все пошлины; а будет выши рубли или нижи, и наместники на них емлют по тому же розчету. А побинутся на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны и з доводчики за все их пошлины.

10. А доведут на кого татьву, или розбой, или душегубство, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а тот разбойник или душегубець наместником в продаже и в казне.

11. А поличное то, что вынмут из клети из-за замка; а надут что в дворе или в пустон хоромине, а не за замком, ино то не поличное.

12. А у кого что познают татебное, и тот себя сведеть свод, хотя и до десятого своду и до чеклого татя; а наместники у них в том не возмут на них ничего.

13. А самосуда наши наместники и их тиуны емлют два рубли. А самосуд то: хто поймает татя с поличным да отпустит его прочь, а наместником и тиуном не явя, а его в том уличят, ино то самосуд; а опричь того самосуда нет.

14. А учинится у них в городе душегубство, а не донщутся душегубца, ино вины четыре рубли заплатят горожаня; а учинится душегубство в коем стану или в коен волости, а не донщутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатят в стану или в волости, в коен душегубство учинилося; а донщутся душегубца, и они его дадут наместником или их тиуном, а хрестьяном в том продажи нет. А кого у них в лесе дерево заразит, или з дерева убнется, или зверь съест, или хто в воду оутонет, или кого возом сътреть, или хто от своих рук потеряется, а обыщут без хитрости, ино в том вины и продажи нет.

15. А станов к городу: Городецки стан, да Новгородски стан, да Злозерски стан.

16. А езд в станы и в волости на две версты денга, а в городе хоженного денга, а на правду вдвое. А от поруки пристав оу них не емлеть ничего.

17. А хто дасть дочерь замуж из города в волость или из волости в город, или из волости в волость, и он дасть за выводную кунницу алтын. А хто дасть дочерь замуж за рубеж в Московскоую землю или в Новгородскую, и он даст за выводную кунницу два алтына. А в городе, и в стану, и в волости в одном, ино свадебного за оубрус две денги. А десятинику владычню знамен три денги.

18. А хто у кого межю переорет или перекосит, и наместники наши и их тиуны возмут на виноватом за боран восемь денег.

19. А наместником нашим и их тиуном без сотцково и без добрых люден и не судити суд.

20. А тиуном и наместничьим людем на пир и на братчиноу незванным не ходити, а хто приедет к ним на пир и на братчиноу незван, и они того вышлют вон безпенно; а хто оу них имет пити силно, а оучинится какова гибель, и тому то платити без суда, а от меня, от великого князя, быти в казне.

21. А князи мон, и бояре, и дети боярьские, и всякие ездоки оу горожан, и оу станových людей, и у волостных людей кормов и подвод, и проводников, и сторожов не емлют; тако же и гонци мон великого князя, без грамоты подвод и проводников у них не емлют.

22. А приедеть мон пристав великого князя с Москвы по белозерца по горожанина и по станового человека и по волостнаго, и он им пишет один срок в году на заговение на великое на мясное. А опрочь того сроку хто на них инои срок накинет, а не по их сроку, или хто на них зазывную грамоту принесет, а не по их сроку, и яз, князь великий, им х тем сроком ездити не велел. А хотя хто на них безсоудую грамоту возметь не по их сроку, и та грамота бессудная не в бессудную, а пристав емлет оу них ского ездю три рубли; а от поруки у них не емлет ничего.

23. А кому будет белозерцом горожаном, и становым людем, и волостным обида от наместников и от волостелен, и от тиунов, и от доводчиков, и они сами сроки наметывают на наместников, и на волостелен, и на их люден.

А через сю мою грамоту хто что на них возмет или чим изобидит, быти тому от меня, от великого князя, в казне.

А дана грамота лета девятдесят шестаго марта.

§5. Уставные таможенные грамоты

Таможенные грамоты представляют собой особую группу источников права Московского государства XVI–XVII вв., которую некоторые исследователи относили к числу жалованных грамот, другие – к числу уставных.

От периода XVI–XVII вв. сохранилось несколько десятков таможенных грамот, которые можно условно разбить на три подгруппы, различающиеся по тому порядку взимания таможенных сборов, который они устанавливали.

Первый способ взимания таможенных пошлин представлял собой возложение государственной повинности на выборных от местного населения – таможенных голов, в помощь которым избирались целовальники. Никакого вознаграждения за свою службу головы и целовальники не получали, срок их полномочий обычно ограничивался одним годом. Передача сбора таможенных пошлин выборным лицам происходила в тех случаях, когда не находилось желающих взять таможенные сборы на откуп.

Грамоты этого типа содержали преимущественно перечень сборов, которые подлежали взиманию, и требования, которым должны были следовать выборные целовальники.

Перечень таможенных сборов, будучи весьма пространном, составлял значительную часть таможенных уставных грамот. Например, в грамоте 1588 г. двинским таможенным целовальникам упоминаются «судовые подъемные грузовые пошлины», «посаженное», «поголовная пошлина», «побережное», «явка», «весчее», «померное», «пятно», «свалное», «подъем», «рукозобная пошлина»,

«замытная пошлина», «дворовая», «анбарная» и «поворотная» пошлины и др.¹

Хотя в большинстве таможенных грамот встречается обобщающая формулировка, что таможенные сборы должны взиматься со всех лиц без изъятия, независимо от их подсудности и наличия у них тарханских грамот, иногда, напротив, оговариваются исключения или вставляются дополнительные разъяснения. Так, в таможенной Новгородской грамоте 1571 г. содержится разъяснение, что служилые люди не должны подвергаться таможенным сборам, если они находятся в Новгороде проездом или прибыли с отличной от торговли целью. Если же служилый человек прибыл в Новгород для торговли, то он должен уплачивать те же таможенные сборы, что и другие «торговые люди»: «А которой человек служивой приедеть въ Новгородъ съ товаромъ, а учнетъ торговати, ино съ его товару тамга и иные пошлины по тому жъ, какъ съ торгового человека; а которой человекъ служивой приедеть въ Новгородъ безъ товару, или мимо Новгородъ проедеть, и таможникомъ съ того не имати ничего»².

Наряду с обширным перечнем сборов в таможенные грамоты включалось значительное количество запретов, хотя их состав варьируется в различных грамотах. Как правило, в таможенных грамотах определялся запрет вести торговлю за пределами указанных в грамоте мест. Нарушившие этот запрет подвергались штрафу, причём половина взыскивалась с продавца, половина – с покупателя³.

Непредставление товара таможенникам также приводило к назначению штрафа: «а сложить товаръ свой, не явя таможникомъ, съ воза, и со вьюка, и изъ судна, много или мало, и онъ то промытилъ»⁴.

В связи с этим положением уставных таможенных грамот состояло и ещё одно требование, встречающееся в новгородской грамоте 1571 г.: все приезжие торговцы из других русских городов должны

¹ Царская грамота двинским таможенным целовальникам 1588 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 338. С. 408–411.

² Таможенная Новгородская грамота 1571 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 282. С. 323.

³ Там же. С. 320.

⁴ Там же. С. 323.

были располагаться со своими товарами не по подворьям, а на гостиных дворах, чтобы не уклоняться от таможенного досмотра¹.

В таможенной грамоте 1577 г. это же требование было сформулировано ещё более пространно: любые приезжие торговцы должны были вставать со своим товаром только на гостиных дворах, а не у торговых людей или в церквях или в других местах².

При гостиных дворах располагались амбары, за хранение в которых привезённых товаров взыскивались отдельные сборы. Подробная регламентация этих сборов и ряда других, связанных с хранением товаров в лавках, содержится в таможенной грамоте 1577 г.³

Нарушение этого требования наказывалось конфискацией товара и того двора, где остановился торговец, пытавшийся скрыться от таможенников: «...товаръ ихъ велить имати на Государя, по тому жъ, какъ и на Москве; а у техъ людей и у Новгородцевъ, кто у кого съ товаромъ станеть мимо гостины дворы, діакъ велить дворы ихъ имати на Государя же»⁴. Равным образом подвергались конфискации товара те новгородцы, которые скрыли от таможенников привезенные товары, доставив их сразу к себе на подворье. В грамоте 1577 г. наказание смягчено и заменено на штраф в размере одного рубля с хозяина двора, где были сгружены товары, и одного рубля с хозяина товаров⁵.

Исключение составляли псковские и немецкие купцы, которым разрешалось сразу отправляться со своими товарами на свои дворы⁶.

Взимание «весчего» обеспечивалось запретом купли-продажи «весного товару» без процедуры взвешивания, во время которой и взимался сбор. Половина штрафа взималась с продавца, другая половина – с покупателя⁷. Согласно таможенной Новгородской грамоте

¹ Таможенная Новгородская грамота 1571 г. ... С. 325.

² Таможенная грамота Новгородских дьяков, Постника Хворощина и Ильи Осеева, таможным целовальникам 1577 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 298. С. 361.

³ Там же. С. 361–363.

⁴ Таможенная Новгородская грамота 1571 г. ... С. 325.

⁵ Таможенная грамота Новгородских дьяков, Постника Хворощина и Ильи Осеева, таможным целовальникам 1577 г. ... С. 361.

⁶ Там же.

⁷ Таможенная Новгородская грамота 1571 г. ... С. 324.

1571 г. штраф был весьма существенным – он равнялся стоимости товара на сумму до 1 новгородского рубля, а при превышении стоимости товара этой суммы составлял 1 рубль.

Все сборы должны были фиксироваться в таможенных книгах и заверяться дьяками: «А кто явить товаръ, сколко нибуди, въ которомъ месяце и которого дни, и таможникомъ техъ людей товаръ и что съ которого товару тамги возмутъ, и то писать въ книги самимъ, да те книги приносить къ діакомъ, съ таможенными денгами вместе, на срокъ»¹. Отдельно было добавлено, что таможенники должны сами фиксировать записи в таможенных книгах («которые грамоте писать умеютъ»)².

Новгородская таможенная грамота 1571 г. вводила дополнительный запрет на вывоз за пределы Московского государства определенных товаров: «Да таможникомъ же беречи накрепко, чтобъ Московскіе гости и торговые люди всехъ городовъ Московского государства, съ Москвы и изъ Новагорода и изъ Московскіе земли, всякіе торговые люди и иноземцы, денегъ, и серебра, и золотыхъ, и судовъ, и пуговицъ серебряныхъ и золотыхъ, въ сундукехъ и въ коробьяхъ и въ ящикехъ, изъ Новагорода въ Литву, и въ Немцы, и въ иные города, не возили однолично никуды»³. Московское государство испытывало нехватку драгоценных металлов, в связи с этим вводились ограничения на вывоз золота и серебра.

В связи с этим запретом находится и ещё одно положение той же грамоты 1571 г., предписывающее представлять таможенникам все сделки по покупке иностранных серебряных монет для уплаты таможенных сборов: «...кто нибуди впредь Новгородцы ... у кого нибуди въ Новегороде, серебро Немецкое, ефимки, и полуефимки, и шкили, и всякіе Немецкіе денги, и корки серебряные съ Немецкими клейны, купятъ на денги или на какой нибуди товаръ выменять, и имъ то серебро являти таможникомъ и пошлины таможные съ того серебра платити по таможенной по Новгородской уставной грамоте...»⁴.

¹ Таможенная Новгородская грамота 1571 г. ... С. 324.

² Там же. С. 325.

³ Там же. С. 324.

⁴ Там же. С. 325.

Нарушение этого правила приводило к конфискации серебра и уплаты сверх того положенного таможенного сбора и штрафа.

В таможенной новгородской грамоте 1571 г. подробно устанавливались принципы деятельности таможенников: не занижать стоимости товаров, не преследовать личную выгоду в служебных делах, не брать взятки и т. п. Для недопущения фальсификации таможенных книг, уставная грамота разрешала доступ целовальников к ним только группой в количестве не менее трёх человек («А писати целовальникомъ въ книги самимъ ... да те книги ... держати у себя въ ларце, за своими всехъ вобчими печатями; а одному и двема или трема целовальникомъ въ ларцы не ходити...»)¹. За несоблюдение предписанных правил грамота устанавливает государеву опалу и штраф.

Таможенные сборы сравнивались с предыдущими годами, в случае недобора с самих таможенников взималась разница в двойном размере².

Второй способ состоял в передаче права сбора таможенных пошлин откупщикам, которые сразу вносили в казну заранее определенную сумму. Выгода откупщика состояла в тех сборах, которые ему удавалось собрать сверх внесённой в казну, в своей деятельности он опирался на наёмных работников и чумаков, непосредственно занимавшихся сбором таможенных пошлин.

Для государственной казны этот способ представлялся гораздо более удобным и доходным: не возникало проблем с недоимками, сборы поступали вовремя и в полном объёме. Однако передача сборов откупщикам существенно повышала социальную напряженность и встречала сопротивление у местных властей. В исторических исследованиях убедительно показано враждебное отношение к таможенным откупщикам как со стороны местных властей, так и со стороны населения³. Как указывает А. И. Раздорский, деятельность откупщиков

¹ Таможенная Новгородская грамота 1571 г. ... С. 327.

² Там же.

³ *Раздорский А. И.* «Меж двух огней»: два документа о взаимоотношениях таможенных и кабацких откупщиков с воеводами и местным населением Курска. 1630-е гг. // Исторический архив. 2003. № 3. С. 205–210; *Глазьев В. Н.* Откупщик против мира: конфликт вокруг таможи и кабака в Воронеже в 1668–1671 гг. // Из истории Воронежского края : сб. ст. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 22–23 и др.

осложнялась, с одной стороны, притеснениями воевод, а с другой стороны, – враждебным отношением местного населения, которое не только воспринимало их как «мироедов», а также не считалось с откупщиками, зная, что они лишены поддержки властей¹.

Таможенная откупная грамота начиналась с определения территориальных и временных границ своего действия, а также адресата грамоты: «По Государеву Цареву и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии указу ... дали на откупъ въ Великомъ Новгороде, на Торговой и на Софийской Стороне, на гостиныхъ дворехъ, на Псковскомъ да на Тверскомъ дворе, поворотную пошлину съ товару, съ 1 дни Сентября лета 7095 по 1 день Сентября жъ 96, на годъ, Новугородцу Иванку Филатову ляннику...»². В рамках этого элемента давалось общее определение предмета грамоты – тех таможенных сборов, которые передавались на откуп. Срок всегда составлял один год.

Иногда в начале откупной грамоты обосновывается необходимость организации торгова и, соответственно, организации таможенных сборов с торговцев: «... и то деи село отъ городовъ и отъ торговъ далече, версть по двадцати, и по тридцати, и по сороку, и крестьяномъ деи того села торговати ездити далече; а напередъ деи того въ томъ селе Еремейцове тамга въ откупу не бывала ни за кемъ, и на веру ее не сбирывалъ никто ... и Государь бы ихъ пожаловалъ, велелъ въ томъ селе Еремейцове тамгу дати въ откупъ ново впервые того жъ села крестьянину...»³.

Следующие элементы формуляра грамоты включали в себя определение суммы, взимаемой с откупщика в казну, и подробный перечень тех сборов, которые откупщику позволялось собирать в свою пользу.

Сумма, которую должен был вносить откупщик в казну, определялась на основе таможенных сборов предыдущего года и так называемой «наддачи» – дополнительной части суммы, прибавляемой к прошлогодним сборам: «...а откупу на немъ взяти, что собрали

¹ Раздорский А. И. «Меж двух огней»... С. 206.

² Таможенная откупная грамота новгородцу Ивану Филатову о сборе поворотной пошлыны на гостиных дворах 1586 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 331. С. 398–399.

³ Таможенная откупная грамота Ярославского Спасского монастыря села Еремейцова крестьянину Постнику Гурьеву 1588 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 342. С. 413–414.

въ 94 году верные целовалники, тридцать пять рублевъ и семь алтынъ четыре денги, да наддачи шесть рублевъ, и обоего старого откупу и съ новою наддачею сорокъ одинъ рубль и семь алтынъ и четыре денги»¹. Таким образом, откупная сумма складывалась из двух элементов: «старое» (таможенные сборы за предыдущий год) и «наддача» (увеличение суммы таможенных сборов на планируемый год).

Следует заметить, что в тех случаях, когда на откуп отдавался сбор таможенных пошлин в новооткрытом торге, откупная сумма определялась по предложению челобитчика. Например, в 1595 г. монастырские власти Ярославского Спасского монастыря обратились с просьбой разрешить устроить торг в селе Федоровское, а сбор тамги передать на откуп крестьянину того же села Савве Антонову. Откупную сумму предлагалось установить в 1,5 рубля, что и было подтверждено таможенной откупной грамотой².

Внесение откупной суммы в государственную казну должно было состояться к моменту истечения срока, на который выдавалась откупная грамота, что в некоторых случаях фиксировалось в грамоте³.

Отдельные таможенные сборы могли оформляться разными грамотами. Например, новгородцу Ивану Филатову в 1586 г. на откуп одной грамотой были переданы права на сбор поворотной пошлины, а другой грамотой – явчей, пятенной и привязной пошлин. Подробный перечень таможенных сборов, передаваемых на откуп, завершался предписанием откупщику не брать лишнего.

Сосредоточение деятельности по сбору таможенных пошлин в гостиных дворах обеспечивало большую эффективность таможенных органов. В связи с этим и в откупных грамотах повторялось требование всем приезжим торговцам останавливаться исключительно на гостиных дворах и нигде более: «А которые торговые люди Москвечи и всехъ городовъ и становъ и волостей Московского государства,

¹ Таможенная откупная грамота новгородцу Ивану Филатову о сборе поворотной пошлины на гостиных дворах 1586 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 331. С. 399.

² Таможенная откупная грамота Ярославского Спасского монастыря села Федоровского крестьянину Савке Антонову 1595 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 362. С. 443.

³ Там же. С. 443; Таможенная откупная грамота крестьянину Михалку Осипову с товарищами 1596 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 366. С. 452.

и Псковскихъ и Новгородскихъ пригородовъ и становъ и волостей Псковского и Ноугородцкогo уезда, учнутъ въ Великій Новгородъ приѣзжати съ какимъ товаромъ нибуду, лете и зиме на возехъ, и темъ людемъ съ своимъ товаромъ ставитися на гостиныхъ дворехъ; а мимо гостиныхъ дворовъ не ставитися нигде»¹.

Нарушение таможенных правил наказывалось штрафами, половина которых поступала в пользу откупщика, а другая половина – в казну: «... и на техъ людехъ доведчи откупщикъ емлетъ по полуполтине; а дворники емлютъ на техъ же людехъ по полуполтины жъ»²; «А который человекъ ... промытится, и откупщику имати промыта два рубли Московская. половина на Государя Царя и Великого Князя, а другая откупщику»³; «... и на томъ откупщику имати заповеди, на Государя рубль Ноугородской, а другой рубль Ноугородской откупщику»⁴.

В некоторые грамоты включалось дополнительное предупреждение откупщику не пытаться скрыть штрафы, полагающиеся в казну: «...а заповедей промытныхъ не таити; а учнетъ таити, а теми заповедными денгами учнетъ корыстоватися, а діяки про то сведаютъ, и Государь Царь и Великій Князь те промытные денги велить на откупщике на Пятomъ и на его поручникехъ доправить вдвое, да имъ же отъ Государя быти каженнымъ»⁵.

В качестве наказания с откупщика предписывалось взять сумму утаенного штрафа в двойном размере.

Наконец, в заключение в откупной грамоте могло появляться обобщение, разрешающее взимание откупщику таможенных сборов со всех торговцев, независимо от подсудности и наличия у них тархан-

¹ Таможенная откупная грамота новгородцу Ивану Филатову о сборе поворотной пошлины на гостиных дворах 1586 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 331. С. 399.

² Там же. С. 400.

³ Таможенная откупная грамота Новгороду Ивану Филатову о сборе явчей, пятенной и привязной пошлины 1586 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 332. С. 401.

⁴ Таможенная откупная грамота новгородцу Трифону Васильеву о сборе весчей пошлины 1587 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 334. С. 403.

⁵ Таможенная откупная грамота новгородцу Пятому Андрееву о сборе померной и покоречной пошлины 1587 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 335. С. 405.

ных грамот: «А сбирати ему [откупщику – Ю. О.] та явчая, и пятенная, и привязная пошлина, по Государеве грамоте, со всехъ людей безъ омены, чей кто нибуди, и съ тарханныхъ и съ грамотчиковъ, съ митрополичихъ, и со владычнихъ, и съ монастырьскихъ и съ церковныхъ земель, и съ боярскихъ и съ дворянскихъ и со всякихъ людей...»¹.

Помимо этого в откупные грамоты часто включалось указание на условия и сроки «отказа»: «А отказати ему [откупщику – Ю. О.] та пошлина до сроку за два месяца; а не откажетъ онъ тое пошлыны до сроку за два месяца, а учнетъ отказывати на срокъ, и тотъ откупъ впередъ имати на откупщике на Трифонке и на его поручникехъ, а наддача вдвое»². Иногда эта формула раскрывалась подробнее: «А какъ откупщикъ тотъ свой откупной годъ отдержитъ, а впередъ тое тамги держати за собою не похочетъ, и ему тамга отказати въ Приказе Болошого Приходу, боярину князю Ивану Васильевичю Ситцкому, до своего откупного сроку за два месеца; а не откажетъ откупщикъ тое тамги до своего откупного сроку за два месеца, и ему та тамга держати за собою впередъ и въ новой годъ, а наддачи у него взяти противъ нынешнего откупу вдвое»³.

Откупщик, желающий отказаться от своего права, должен был заявить об этом за два месяца до истечения откупного срока. Если в указанные сроки откупщик не заявлял о своём желании прервать действие грамоты, то его право на сбор соответствующих таможенных пошлин продлевалось ещё на один год, при этом наддача увеличивалась в два раза.

Наконец, третью группу таможенных грамот составляют акты, которые передавали сбор таможенных пошлин в руки местных феодалов (обычно монастыря, реже – светского лица) «на оброк».

Таможенная грамота такого типа выдавалась «на оброк» по просьбе соответствующих лиц. Например, таможенная Вельегонская грамота

¹ Таможенная откупная грамота Новгороду Ивану Филатову о сборе явчей, пятенной и привязной пошлины 1586 г. ... С. 403.

² Таможенная откупная грамота новгородцу Трифону Васильеву о сборе всечей пошлины 1587 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 334. С. 403.

³ Таможенная откупная грамота Ярославского Спасского монастыря села Еремейцова крестьянину Постнику Гурьеву 1588 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 342. С. 415.

1563 г. упоминает о предыдущей грамоте, выданной в ответ на челобитную архимандрита и братья Симонова монастыря. Суть челобитной состояла в просьбе передать право сбора тамги и всех таможенных пошлин от посадских людей и сельских общин монастырским властям. Выдача монастырю разрешения собирать таможенные пошлины привела к конфликту со светскими феодалами, подробное описание которого составляет значительную часть текста грамоты.

Аналогичным образом «на оброк» была выдана таможенная грамота Соловецкому монастырю в 1591 г. Необходимость выдачи грамоты была обоснована монастырскими властями со ссылкой на тот факт, что монастырь уже фактически уплачивает часть таможенных сборов: «Били вы намъ челомъ, а сказали: платите деи вы въ нашу казну на Москве, въ Чети діяка нашего Ондreja Щелкалова, съ Кемскіе волости да и съ Сумскіе волости да съ четверти Варзужскіе волости и съ иныхъ вашихъ Поморскихъ волостей, и таможную пошлину, и явку, и за рыбную десятину, съ нашими съ данными и съ оброчными вместе, по нашимъ по оброчнымъ грамотамъ и по книгамъ...»¹.

Иногда в грамотах этой группы, как и в откупных, необходимость выдачи её аргументируется организацией нового торгова. Например, в челобитной боярина Дмитрия Ивановича Годунова необходимость выдачи уставной таможенной грамоты обосновывалась тем фактом, что его приказные люди устроили торгов, но не могут без соответствующей царской грамоты взимать торговые пошлины с приезжающих торговцев: «И билъ намъ челомъ бояринъ нашъ Дмитрей Ивановичъ, что его приказные люди на Чаранде и на Короткомъ торгъ уставили и торговати всякіе люди съезжаются по вся дни, а нашіе де уставные грамоты у него нетъ: съ товаровъ со всякихъ тамги и съ судовъ проезжихъ пошлинъ его пошлиннымъ людемъ сбирати не по чему»².

В редких случаях следующим элементом грамоты является определение размера оброка, который должны выплачивать в казну держатели таможенной грамоты, и того срока, к которому оброк должен быть внесён. Оброк выражался в денежной форме («а оброку

¹ Таможенная грамота Соловецкому монастырю 1591 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 352. С. 425–426.

² Царская таможенная грамота боярину Дмитрию Годунову 1592 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 356. С. 431.

бъ велель у нихъ съ того торгу имати на годъ въ казну по тридцати по пяти рублевъ»)¹, при этом подчёркивалось, что он вводится за все таможенные пошлины («а оброку у нихъ велель съ того торгу, за тамгу, и за пудъ, и за померное, и за все таможные пошлины...»)². Наличие фиксированного денежного оброка даёт возможность попытаться отождествить грамоты этой группы и таможенные откупные грамоты. Препятствуют этому два основных формальных обстоятельства: 1) в большинстве «оброчных» грамот размер оброка не фиксируется; 2) откупные грамоты строятся по достаточно чётко определённом формуляру, важными и необходимыми элементами которого являются точное определение откупной суммы, определение её элементов («старое» и «наддача»), точная фиксация срока откупа (обязательно в один год), определение условий, при которых право откупа пролонгируется или откупщик может отказаться от продления своего права. В грамотах третьего типа («оброчных») эти элементы отсутствуют, что заставляет отличать их от откупных и выделять в качестве самостоятельной разновидности.

В грамотах этого типа обстоятельно расписывалось, что все торговцы, прибывавшие в монастырское село для торгова, должны явить таможенникам свой товар для уплаты сборов. Сами сборы также подробно определялись в грамоте.

Взимание таможенных сборов передавалось в руки монастырских слуг или слуг светского феодала («а брати у нихъ, въ томъ ихъ торгу тамга, и пудъ, и померное, и все таможные пошлины, въ ихъ монастырьскомъ селе въ Веси Егонской, темъ людемъ, которымъ архимандритъ Феоктисть съ братьею прикажетъ»)³.

Процесс сбора таможенных пошлин должен был осуществляться публично, с привлечением представителей местной общины: «А окладывати таможникомъ товаръ у всехъ Бежатчанъ Городецкого уезда, и у всехъ приезжихъ людей, съ целовалники и съ людми съ добрыми»⁴.

¹ Таможенная Весъегонская грамота 1563 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 263. С. 292.

² Там же. С. 292.

³ Там же. С. 295.

⁴ Там же. С. 296.

Отдельно оговаривался запрет торговать в селах и вотчинах соседних светских и церковных феодалов, поскольку это ставило под вопрос рентабельность откупа таможенных сборов: «...не торговати имъ въ техъ князей отчинахъ однолично никакимъ товаромъ, и въ иныхъ Царевыхъ Великого Князя селехъ и въ деревняхъ, и въ станехъ, и въ волостехъ, и на погостехъ, и въ слободкахъ, и во княжихъ и въ боярскихъ и въ монастырскихъ селехъ, по праздникомъ и по неделямъ, Бежатчаномъ и иногородцом, и между себя никому не торговати по вся годы ... опричь села Веси Егонские...»¹.

В случае нарушения этого запрета владельцы таможенной грамоты могли взыскать штраф с нарушителя: «...а кто опричь села Веси Егонские учнетъ торговати по инымъ торжкомъ, по селомъ и по деревнямъ и по волостемъ, или где нибуди, и таможники того уличать, и возмутъ на томъ заповеди и протаможья два рубля, рубль на Царя и Великого Князя, а рубль таможникомъ»².

Половина штрафа поступала в пользу владельцев таможенной грамоты, а половина – в царскую казну.

Такой же штраф взыскивался в том случае, если торговец нарушал правила представления своего товара таможенникам или уклонялся от уплаты таможенных сборов: «... а не явя таможникомъ товаръ свой сложить съ воза, и съ юка, и съ судна, на два рубля и на колко нибудь, и онъ то протамжился, и товаръ его ему назадъ, а съ него протаможья два рубля, рубль на Царя и Великого Князя, а рубль таможникомъ»³. Товар следовало предъявлять таможенникам, не снимая его с воза или не вынимая из судна, – разгруженный товар уличал торговца в попытке обойти таможенные правила: «а сложить товаръ свой, не явя таможникомъ, съ воза, и со вьюка, и изъ судна, много или мало, и онъ то промытилъ»⁴.

В заключение параграфа следует обратить внимание на важную проблему отнесения таможенных грамот к уставным или жалованным.

¹ Таможенная Весьегонская грамота 1563 г. .

² Там же.

³ Там же.

⁴ Таможенная Новгородская грамота 1571 г. ... С. 323.

Иногда таможенная грамота получает в самом своём тексте наименование «жалованной»: «...по сей нашей жалованной уставной грамоте»¹. Такое название в этом случае можно объяснить тем, что грамота оформляет передачу права сбора целого ряда пошлин, что, конечно, можно рассматривать как пожалование конкретного лица.

Но всё же большинство таможенных грамот в заключительной клаузуле названы «уставными»². Не только эта оговорка составителей грамоты, но и сам её характер позволяют отнести её к числу уставных грамот – она устанавливала порядок сбора таможенных пошлин в конкретной местности, определяя отношения монастырских властей с местным населением, приезжими торговцами и государственными органами власти.

Таким образом, весь массив сохранившихся таможенных грамот может быть разделён в зависимости от способа сбора таможенных пошлин на три группы: 1) таможенные грамоты «на целовальников», 2) откупные грамоты и 3) оброчные грамоты. Третья группа обычно не выделяется в историко-правовой науке, но грамоты этого типа имеют существенные отличия в формуляре, которые, в свою очередь, отражают значимые отличия в содержании: отсутствует определение откупной суммы, её элементов и срока действия грамоты. Все рассмотренные таможенные грамоты устанавливают определённую систему в отношениях населения и местных властей, выборных органов от местного населения и центрального правительства. В связи с этим они должны быть отнесены к более широкой группе уставных грамот.

Ниже в качестве примера приводится грамота молдавского господаря, воеводы Александра, львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г.³ Эта грамота подробно регламентирует тамо-

¹ Царская таможенная грамота боярину Димитрию Годунову 1592 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 356. С. 435

² Таможенная Весъегонская грамота 1563 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 263. С. 291–297; Таможенная грамота о сборе в пользу Троицкого Сергиева монастыря таможенной пошлины 1595 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 363. С. 445–448 и др.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846. № 21. С. 30–32.

женные сборы с иноземных купцов, проезжающих торговать через подвластную автору грамоты территорию.

Милостью Божьею, мы Александръ воевода, господарь земли Молдавской, чинимъ знаменито исимъ нашимъ листомъ үсемъ, кто на нь үзритъ, или его үслышитъ, оже есмы доконали съ радцями и съ местъчяны Илвовского места и съ үсемъ поспольствомъ ихъ, и үчинили есмы ұставицьтво о мытахъ ү нашей земли; и доконали есмы съ ними, штобы ходили ү нашон земли съ своими торговыми.

А мыта есмы имъ такъ поставили и үлегчили, штобы давали ү нашей земли мыто такъ: Наипервое головное мыто Бочавьское, на искладе, отъ сүкна отъ гривнү три гроши; а коли имүть күпити Татарьский товаръ ү Бочаве, или шолкъ, или перецъ, или камкы, или тебенкы, или темьянъ, или Грецький квасъ, отъ гривнү ү Бочаве по три гроши; а коли имүть күпити Татарьский товаръ ү иныхъ торгохъ нашихъ, тамъ имүть дати, где его күпятъ, отъ гривнү два гроши, а на головное мыто ү Бочаве отъ гривнү три гроши, та смеетъ его продати, кому любитъ.

А кто идетъ до Илвова, на головное мыто ү Бочаве: отъ скота одинъ грошь, отъ десять свиной одинъ грошь, отъ десять овецъ одинъ грошь, а отъ ковылы по шесть гроши, а отъ каждого коня по шесть гроши, отъ сто велиць одинъ грошь, отъ сто лисиць десять гроши, отъ сто овчины еүранныи четыри гроши, от сто кожи ягнячиныхъ два гроши, отъ сто кожи скотїныхъ пятнадесяте гроши; то мыто Бочавьское.

А кто идетъ до Татарьской стороне, от 12 кантари ү Бочаве одинъ рүвель серебра, ү Ясы тридесяте грошь, а ү Белый-городъ полрүвель серебра; а кто не идетъ на Белый-городъ, толко иметъ дати на Тягнякячю колко ү Беломъ-городе, опроче перевозовъ, а на сторожү отъ каждого воза по дванадесяте грошь.

А кто иметъ погнати скотъ до Татаръ, на головное мыто ү Бочаве отъ скота четыри гроши, а ү Ясы два гроши, а на Тягнякячю два гроши; а отъ сто овецъ ү Бочаве шестьдесяте гроши, а ү Ясы тридесяте гроши, а на Тягнякячю тридесяте гроши: то мыто темъ што идүть до Татаръ.

А поставы сукна имають нхъ продати на искладъ у Бочаве, а у нашихъ торгохъ не имають волю продати нхъ. А съ теми гроши волно имъ ходити и торгувати соби по усехъ торгохъ нашихъ, што коли изнайдутъ. А до Угоръ и до Бесарабъ свободно имъ вывозити сукна ...; а кто повезетъ сукно до Бесарабъ, дати иметъ на головное мыто у Бочаве отъ гривнѹ по три гроши, а на краи у Бакове отъ гривнѹ два гроши; а што привезетъ изъ Бесарабъ, или перецъ, или баволнѹ или бѹдь што: отъ 12 кантари у Бакове полърубель серебра, а на головное мыто у Бочаве отъ 12 кантари одинъ рубель серебра.

А кто иметъ повезти сукно до Быстрици до Угоръ, у Бочаве отъ гривнѹ по три гроши, а у Бани отъ гривнѹ полъвторо гроша, а у Молдавици отъ гривнѹ полъвторо гроша. А коли ся воротятъ изъ Угоръ, отъ каждого терхѹ у Молдавици по два гроши, а у Бани отъ каждого терхѹ по два гроши.

А кто иметъ повезти сукно до Брашова, на головное мыто у Бочаве отъ гривнѹ три гроши, а у Бакове отъ гривнѹ полъвторо гроша, а у Тотрѹши отъ гривнѹ полъвторо гроша; а коли ся имѹтъ воротити, отъ каждого терхѹ на Тотрѹши по два гроши, а у Бакове отъ каждого терхѹ по два гроши.

А кони, изъ нашон земли, што по три гривны, слободим имъ сѹтъ, и Угоръстѹи кони слободни имъ; а у которомъ торгѹ имѹтъ нхъ кѹпити, тамъ имѹтъ дати отъ каждого коня по чѹтыри гроши, а на складъ у Бочаве отъ каждого коня по шесть гроши, а на Бирятъ отъ каждого коня по два гроши, а у Черновыци по два гроши; а кто иметъ повести коня или кобылы до Камянци, што было дати емѹ у Бирятъ, то иметъ дати въ Дорогини, а што было дати емѹ у Черновыця то иметъ дати у Хотини; тако же есть мыто и отъ кобылы, яко и отъ кони.

А кто иметъ кѹпити скотъ или бараны у Бакове, либо у Романове, у торгѹ, либо у Бани, либо за Немци, либо у иныхъ торгохъ нашихъ: не надобе нигде мыто дати, нижь тамъ где кѹпиль, и возметъ печать отъ мытника; а у которомъ торгѹ иметъ кѹпити, тамъ иметъ дати отъ скота одинъ грошъ, отъ десять овецъ одинъ грошъ, отъ десять свинѹи одинъ грошъ, отъ сто кожи воловыхъ десять гроши, отъ сто кожи ягнячѹихъ одинъ грошъ, отъ сто кожи сѹранныхъ два гроши: та идѹтъ на головномъ мыте Бочавъскомъ.

А у Сирятском, отъ крамныхъ речей, отъ шапокъ, отъ ногавици, отъ корды, отъ меча, отъ гривны по три гроши; а што колн идетъ изъ земли чересъ Сочавы на Сирятъ, колко давали на Сочаве, половина отъ того мыта имутъ дати на Сирятъ отъ үсего, и отъ кожи и отъ волны и отъ овчины: то мыто Сирятское.

А у Черновыци отъ Неецкого воза мыто четыре гроши, а отъ Орменъского воза шесть гроши; отъ скота одинъ грошъ, отъ десять свиный одинъ грошъ, отъ десять овецъ одинъ грошъ, а отъ кони и отъ кобылы по два гроши; а на перевози и отъ Немецкихъ возъ целыхъ и отъ Орменскихъ по четыре гроши: то мыто Черновское.

А у Черновци возы не стрясти, але күпецъ дастъ свою веру, аже не имаетъ заповеданый товаръ на свой возъ: күници, серебро, воскъ и кони добрин земьстїи; а имаетъся поставити цену сүкне у Сочаве, яко во Лвове.

А Львовчяне што имутъ понти до Браилово по рыбы на крайнее мыто, или у Бакове, или у Берладе: тамъ имутъ дати отъ гривну по полъвторо гроша, а воза и рыбы не заимати; а тамъ возметъ печать, та придетъ слободно до Сочаве, та иметъ дати на головномъ мыте у Сочаве отъ гривны по три гроши, а воза и рыбы не заимати. А на Сирятъ имутъ дати отъ гривну по полъвторо гроша, а рыбы и воза не заимати. А на Черновци мыто отъ воза. А Львовчяне што имутъ принести сами изъ Угоръ серебро жъженое: отъ того серебра што выхомъ мы күпили собе, колко бѹдетъ намъ надовно; а иное серебро, шо останетъ, то имъ слободно.

А Мунтяньский воскъ и Брашевъский слободно имъ есть; а мыто имутъ дати отъ камене у Бакове одинъ грошъ, а на искладъ у Сочаве отъ камене одинъ грошъ, а у Сирятъ отъ камене одинъ грошъ.

А Угорьстїи күници слободни имъ; а мыто имутъ дати у Бани полъвторо гроша отъ гривну, а на искладъ у Сочаве отъ гривну три гроши, а у Сирятъ полъвторо гроша отъ гривну; а отъ тїи күници колько бѹдутъ намъ надовни, а мы имемъ соби күпити, а нїи имъ слободни.

А еще есмы имъ дали волю, штобы собе держали у Сочаве одинъ домъ, а у томъ дому корчмѹ не держати, ни пива варити ни медѹ, ни меснїи клеткы держати, ни хлеба продавати: пакъ ли тотъ, кто

иметь жити у томъ доме, бы хотелъ нешто отъ техъ держати, тогда муситъ съ местомъ терпети.

А то есмы учинили купцемъ господаря нашего, короля Полского, изъ усен Рускои земли и съ Подолскои.

А то мы, иже есмы выше писали, словуемъ имъ вечно уздержати, безо лсти и безъ хытлости, на веки вечныя, мы и наши наместкы; никои то непорушено, при нашей чти и при нашей вере, подлугъ крестьяньского права.

А на то сведкове: панъ Жюржъ, староста; панъ Михайло Дорогунский; панъ Владъ Геретский; панъ Оана, дворникъ Гочавский; панъ Яцко, и панъ Иляшъ, чашникъ. А еще при томъ были послы съ Львова, што съ нами сесе дело доконали: Мычко Купиковский, и Зимиръстанъ Ханысъ, и Ханысъ Верзьсть, и Русъ Никлюсъ, и писарь Авовский Ханысъ.

А на потвереніе темъ усемъ, велели есмы нашему верному братю Логофету писати и привесити печать наша великая къ сему листу нашему. У Гочаве, у лето шестотысячное девятъ сотъ и шестьнадесятое лето, Октября 8.

§6. Губные грамоты

В первой половине XVI в. Московское государство столкнулось с проблемой распространения организованной преступности и неэффективности существующих методов борьбы с ней. Попытки решения этой проблемы привели к реформе органов местного управления и самоуправления, пересмотру законодательства, изменению системы наказаний. Государственная власть всё чаще прибегало к тюремному заключению как уголовному наказанию, а в Судебнике 1550 года тюремное заключение становится самым распространённым видом наказаний.

Существенное значение в этих процессах имело введение губных учреждений, осуществлявшееся сначала посредством выдачи специальных губных грамот. К 1555 г. губные учреждения были введены повсеместно в Московском государстве, в дальнейшем они послужили важным источником при составлении Уставной книги Разбойного приказа 1555–1556 гг.

Некоторые исследователи говорили об особом «губном праве», источниками которого являлись губные грамоты. Под губным правом понимается право самостоятельного предупреждения преступлений и суда и наказания преступников за совершенные ими преступления, к которым применялся сыскной процесс¹. Для истории русского права XVI в. губные грамоты представляют интерес, поскольку ими не только назначалось тюремное заключение в числе других мер уголовной ответственности, но и регулировался порядок создания и содержания губных тюрем.

¹ Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 14–15; Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Вып. 1. Казань, 1875. С. 14.

В губных грамотах, выдававшихся в первой половине XVI в. подробно раскрываются причины выдачи этих грамот и устройства губных учреждений: «Били естя намъ челомъ о томъ, что у васъ въ техъ нашихъ волостяхъ многія села и деревни розбойники розбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ, и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и розбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти...»¹. Непосредственной причиной выдачи губных грамот являлись многочисленные жалобы местного населения великокняжеской власти на распространившиеся разбои. При этом указывалось, что присылаемые великокняжеской администрацией должностные лица оказывались неэффективными в борьбе с преступностью, лишь обременяя местное население дополнительными поборами: «и мы к вамъ посылали въ Каргополе обыщиковъ своихъ, отъ нашихъ деи обыщикоу и отъ недилщиковъ чинятся великіе убытки, а вы деи съ нашими обыщики лихихъ людей розбойниковъ не имаете, для того что вамъ волокита велика...»². Первоначальный смысл губных грамот заключался в предоставлении местным общинам права самостоятельно осуществлять борьбу с разбойниками и их пособниками (укрывателями, скупщиками краденого и др.).

В условиях неконтролируемого роста организованной преступности в первой половине XVI в. и полной неспособности государственного аппарата противостоять ему, правительство Ивана IV пошло навстречу самоорганизации городских и сельских общин в борьбе с разбоями. Губные грамоты позволяют местным общинам не только проводить розыск преступников и их пособников, но также осуществлять суд и расправу над ними, при этом подчёркивается, что эти полномочия делегированы великокняжеской властью и поэтому расправа над преступниками не подлежит ответственности как самоуправство: «...и вы бъ техъ пытали накрепко да допытався у нихъ ихъ лихихъ дель, да ихъ бы есте казнили смертію безъ нашего ведома, то есми положилъ на вашихъ душахъ, а вамъ отъ меня въ томъ опалы нетъ...»³.

¹ Губная Белозерская грамота 1539 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 187. С. 164.

² Губная Каргопольская грамота 1539 г. // Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб., 1846. № 31. С. 32.

³ Губная Соль-Галицкая грамота 1540 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 192. С. 169.

Для осуществления переданных великокняжеской властью полномочий по борьбе с преступностью должен был формироваться специальный штат местных выборных. Его возглавляли губные старосты, а в помощь им избирались целовальники и дьяки¹. В некоторых губных грамотах упоминаются и другие выборные лица, которые должны были обеспечивать функционирование губных учреждений: «Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ часа того учинили промежь себя у десяти дворовъ десятского, а у пятидесять дворовъ пятидесятского, а у ста дворовъ сотскаго, во всехъ дворех, чьи нибуди на посаде...»². Десятские, пятидесятские и сотские – это выборные должностные лица земского самоуправления, которые должны были оказывать содействие губным учреждениям в их борьбе с преступностью. В целом в грамотах, оформлявших полномочия и порядок формирования губных учреждений, подчёркивался их демократический характер, заинтересованность самой общины в решении тех проблем, которые относились к сфере компетенции губных органов: «А кому будет до кого дело тое ж волости крестьяном меж собя, ино им управу чинят их жа волости староста да целовальники, кого себе изберут всею волостью»³.

В своей деятельности губные старосты и целовальники были ответственны перед Разбойным приказом, ведению которого подлежали уголовно-полицейские дела по искоренению разбоев, высший уголовный суд, тюрьмы и утверждение выборных губных властей. Подведомственность губных учреждений Разбойному приказу прослеживается с первых губных грамот, когда само центральное ведомство только ещё формировалось: «А которыхъ розбойниковъ ведомыхъ поимаете и обыскавъ ихъ казните ... да о томъ бы естя отписывали на Москву къ нашимъ бояромъ, которымъ розбойные дела приказаны»⁴. При этом допускалась возможность обращения местных органов непо-

¹ Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам 1571 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 281. С. 317.

² Губная Соль-Галицкая грамота 1540 г. ... 168.

³ Уставная грамота, данная крестьянам Плесския волости, 1551 г. // *Шумаков С.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. № 4. С. 109.

⁴ Губная Каргопольская грамота 1539 г. ... С. 33.

средственно к великому князю Московскому: «А которому будет делу их старосте и целовальником управы учинить не мощно, и они о том доложат меня царя и великого князя»¹.

Сфера компетенции губных учреждений изначально строго ограничивалась борьбой с разбоями и татьбой с поличным. В этом отношении губные наказы устанавливают принцип невмешательства в юрисдикцию других судов: «А въ наместнич бы есте судъ, у наместниковъ и у волостелей и у ихъ тиуновъ, въ бои и въ грабежи и въ поличные не вступалися, опричь ведомыхъ татей и розбойниковъ; а наместники бы и волостели и ихъ тиуни въ вашъ судъ не вступалися»².

С. Шумаков, обстоятельно исследовавший уголовное право XVI в., отмечал, что в это время главной целью наказания являлась охрана общества от повторения преступлений лихими людьми. К «бесповоротным» наказаниям, то есть к смертной казни и пожизненному заключению, государственная власть прибегала только в тех случаях, когда общество через своих представителей (обыскных людей) признавало преступника неисправимым³. Таким образом, в XVI в. ещё сохраняется первоначальное значение термина «наказать» – научить, исправить. Однако специфика губных грамот заключается в том, что они издавались для борьбы прежде всего как раз с теми «неисправимыми» преступниками, «лихими людьми», в связи с чем система наказаний, применявшихся по губным грамотам, отличается крайней жёсткостью.

Штрафные санкции в губных грамотах не имеют того доминирующего положения, которое они занимали в домосковском законодательстве. Однако очень широко применяется конфискация имущества преступников – как для возмещения ущерба пострадавшей стороны, так и в качестве дополнительного наказания. Одним из источников финансирования губных учреждений являлось конфискованное имущество преступников, оставшееся после выплаты возмещения пострадавшим: «а что розбойничьихъ животовъ у исцовыхъ исковъ останется, и вы бъ то продавали у Соли по цене да

¹ Уставная грамота, данная крестьянам Плесския волости, 1551 г. // *Шумаков С.* Губные и земские грамоты Московского государства... С. 109.

² Губный наказ селам Кириллова монастыря 1549 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 224. С. 216.

³ *Шумаков С.* Губные и земские грамоты Московского государства... С. 83.

те бѣ есте денги держали у себя...»¹. С целью воспрепятствовать бесконтрольному распределению конфискованного имущества, выданное пострадавшим возмещение и конфискованное в пользу общины имущество должны были переписываться, а сам список представлялся в Москву в Разбойный приказ.

Преобладающей мерой уголовно-правовой ответственности в губных грамотах является смертная казнь. Смертной казни, как правило, предшествует торговая казнь, битьё кнутом на торговой площади: «и техъ бы есте розбойниковъ ведомыхъ, бивъ кнутьемъ въ техъ селехъ и въ деревняхъ по всемъ торгамъ, да ихъ бы есте казнили смертью...»². О способе совершения смертной казни нигде прямо не говорится, но, вероятнее всего, это было обычное для средневековой Руси повешение: «А поймають того же татя съ третьєю татбою съ поличным. ... того бы естя татя велели, бивъ кнутьемъ да казнивъ смертною казнью, повесити въ техъ местехъ, где которого татя поймають съ татбою»³.

В некоторых губных грамотах упоминается такая форма наказания, как «выбитие из земли вон». Назначалось это наказание для татей, попавшихся впервые: «И которого татя поймають на первой татбе, а досудите до вины ... и вы бѣ старосты губные техъ татей велели, бивъ кнутьемъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ»⁴. К вора́м, попавшимся на втором преступлении, также применялось «выбитие из земли», после взыскания с него причинённого ущерба, наказания кнутом и отсечения руки⁵. Это известное с древних времён изгнание из общины в новых условиях Московского государства являлось пережитком и постепенно отмирало. Как справедливо указывал С. Шумаков, оно уже неизвестно царскому Судебнику, а Уставная книга Разбойного приказа заменяет его ссылкой или тюрьмой⁶.

¹ Губная Соль-Галицкая грамота 1540 г. ... 169.

² Губная грамота селам и деревням Троицкого Сергиева монастыря 23 октября 1541 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 194. С. 171.

³ Губный наказ селам Кириллова монастыря 1549 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 224. С. 215.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства... С. 86.

Тюремное заключение начинает упоминаться в губных грамотах только во второй половине XVI в., уже после издания царского Судебника. Пожизненному тюремному заключению («въ тюрьму на смерть») подвергались признанные лихими людьми, при отсутствии прямых улик и собственного признания¹.

Помещение в тюрьму в данном случае представляется не столько мерой уголовной ответственности, сколько вынужденным шагом по изоляции потенциально опасного лица от общества: с одной стороны, отсутствуют прямые доказательства, позволяющие признать обвиняемого преступником; с другой стороны, значительная часть местного общества указывает на него, как на «лихого человека», то есть на асоциальный тип. Не имея оснований применить к такому обвиняемому наказание, предназначенное для татей и разбойников, губные органы помещают его в тюрьму. Несмотря на формулировку «на смерть», то есть несмотря на пожизненный характер заключения, тюрьма является здесь временным решением. Об этом также говорит содержащееся в губных грамотах указание подвергнуть смертной казни осуждённого на тюремное заключение в том случае, если обнаружатся доказательства его участия в разбоях: «...а после того прибудеть на него иное лихое въ розбойномъ деле, и того человека казнити смертною казнью...»².

И временный характер тюремного заключения, и его значение в качестве замены поруки хорошо видны, например, из этого установления губного наказа: «А привести къ губному старосте къ Измире татя, а доведуть на него одну татьбу, и губному старосте Измире того татя велети бити кнутьемъ, а бивъ кнутьемъ дати его на поруку; а не будетъ поруки, ино его вкинуть въ тюрьму до техъ местъ, какъ по немъ порука будетъ»³. Здесь наказанием для вора является битиё кнутом. Этого наказания может оказаться недостаточно, и государственная власть пытается установить дополнительные гарантии безопасности общества от потенциально опасного элемента. Нака-

¹ Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам 1571 г. ... С. 318.

² Там же. С. 319.

³ Монастырский наказ губному старосте Троицкого Сергиева монастыря 1586 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 330. С. 398.

занный преступник возвращается на свободу только при условии, что найдётся человек, поручившийся за него («дати его на поруку»). В случае возвращения освобождённого к преступной деятельности, его поручитель также будет привлечён к ответственности. До тех пор, пока не будет найден поручитель, преступник должен оставаться в тюрьме, в изоляции от общества, несмотря на то, что наказание он уже понёс.

Издаваемые в XVII в. губные грамоты проникнуты совершенно другим духом и отражают новый этап государственной политики. Значительно окрепшая после потрясений XVI – начала XVII вв. государственная власть в этих грамотах не столько ориентирована на борьбу с разбоями, сколько на преследование населения за уклонение от борьбы с преступностью и ложные оговоры.

Для наглядности ниже приводится Губная Белозёрская грамота 1539 г. (по изданию: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т. I. СПб., 1836. № 187. С. 163–165).

Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Белозерской ѹездъ, княземъ и детемъ боярскимъ, отчинникомъ и помесничомъ, и всемъ слѹжилымъ людемъ, и старостамъ, сотцкимъ, и десятцкимъ, и всемъ крестьяномъ моимъ Великого Князя, и митрополничимъ, и владычнимъ, княжимъ, и боярскимъ, и помесничиковымъ, и монастырскимъ, и чернымъ, и псаремъ, и осочникомъ, и перевестникомъ, и вортникомъ, и рыболовемъ, и бобровникомъ, и оброчникомъ, и всемъ безомены, чей кто нивѹди. Били естя намъ челомъ о томъ, что ѹ васъ въ тѣхъ нашихъ волостяхъ многія села и деревни розбойники розбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгѹтъ, и на дорогахъ многѹхъ людей грабятъ и розбиваютъ, и ѹбиваютъ многѹхъ людей о смерти; а иные многіе люди ѹ васъ въ волостяхъ розбойниковъ ѹ себя держатъ, а къ инымъ людемъ розбойники съ розбоемъ пріезжаютъ и розбойницю рѹхлядь къ нимъ привозятъ: и мы къ вамъ посылали на Белоозеро обыщниковъ своихъ, и отъ нашихъ де обыщниковъ и отъ неделщиковъ чинятся вамъ великіе ѹбытки, а вы ден съ нашими обыщники лихѹхъ людей розбойниковъ не имаете для

того, что вамъ волокита велика; а сами ден вы розбойниковъ межъ собя, безъ нашего ведома, обыскивати и имати розбойниковъ не смее. – И вы бы межъ собя свестяся все задинъ учинили собе, въ техъ своихъ волостяхъ, въ головахъ детей боярскихъ, въ волости человеки три или четыре, которые бы грамоте умели и которые пригожи, да съ ними старостъ и десятцкихъ и лутчихъ людей крестіанъ человекъ пять или шесть, да промежъ бы есте собя, въ станехъ и въ волостяхъ, лихихъ людей розбойниковъ сами обыскивали, по нашему крестному целованью, вправду безъ хитрости: да где которыхъ розбойниковъ обыщете, или кто у собя розбойниковъ держитъ, или къ кому розбойники приезжаютъ и розбойную руглядь привозятъ, и вы въ техъ розбойниковъ ведомыхъ межъ собя имали да обыскивали ихъ, и доведчи на нихъ и пытали накрепко, и допытався у нихъ, что они розбиваютъ, да техъ бы естя розбойниковъ бивъ кнутьемъ да казнили смертью; то есми положилъ на душахъ вашихъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нетъ и отъ нашихъ наместниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нету. А впередъ, въ вашихъ волостяхъ, где розовьютъ розбойники село или деревню, или кого на дорозе розовьютъ, а на которыхъ людей на своихъ товарищевъ учнутъ которые розбойники пытаны говорити, что съ ними розбивали или къ кому приезжали, а те бдутъ люди живутъ въ Белозерскомъ уезде, и вы въ техъ розбойниковъ имали жъ, да обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ накрепко, казнили смертью жъ; а которой розбойникъ скажетъ своихъ товарищевъ розбойниковъ же въ иныхъ городехъ, и вы въ о техъ розбойникехъ писали грамоты въ те города къ детямъ боярскимъ, которые дети боярские въ техъ городехъ и въ волостяхъ учинены у того дела въ головахъ, и где которой розбойникъ живетъ; а въ грамотахъ бы естя писали, чтобъ техъ розбойниковъ въ техъ городехъ межъ собя потому жъ имали, да обыскавъ ихъ и доведчи, казнили по нашимъ грамотамъ; а обсылалися въ естя о техъ делехъ межъ собя неизмешкая. Где розовьютъ розбойники село или деревню, или кого на дорозе розовьютъ, а съ розвоевъ те розбойники куды нивуди поедутъ, и въ Новгородскую землю, а вамъ про тотъ розбой вестъ учинится, и вы въ межъ собя свестяся все задинъ за теми розбойники ездили, да где нивуди техъ розбойниковъ доедете,

и вы въ техъ розбойниковъ имали безпенно: да которыхъ розбойниковъ поймаете съ полничнымъ съ розбойнымъ, или безъ полничного, а ведомого розбойника, или у которыхъ людей розбойниковъ перенмаете, а тотъ будетъ ведомой же лихой человекъ, и вы въ техъ розбойниковъ и къ которымъ людямъ розбойники приезжаютъ, межъ собя обыскавъ и пытавъ накрепко и доведчи на нихъ вправду, казнили смертью жъ; то есмн положилъ на вашихъ душахъ. А которыхъ розбойниковъ где поймаете и доведчи на нихъ да ихъ казните, и которыхъ людей техъ розбойниковъ поймаютъ и въ которыхъ на нихъ делехъ доведутъ, и вы въ то все велели себе писати на списокъ подлинно, а сами въ есте, которые у васъ умеютъ грамоте, къ тому списку руки свои прикладывали. А по недружбе, въ земскомъ деле, или въ брани въ какой нибуди, межъ собя не мстилися никто никому, по нашему крестному целованью, и неповино въ естя не имали и не казнили никакова человека, того вы есте межъ собя обыскивали накрепко, по нашему крестному целованью, вправду безъ хитрости. А не учнете межъ собя розбойниковъ обыскивати и имати, и техъ людей, къ которымъ розбойники приезжаютъ, или не учнете за розбойники ездити и имати и казнити, или станете розбойниковъ пущати, или кто станетъ розбойникомъ норовити, и мне велети на васъ на всехъ имати искн техъ людей, которыхъ въ вашей волости розовьютъ, и безъ суда вдвое; а самимъ вамъ отъ меня быти въ казне и въ продаже. А которыхъ розбойниковъ ведомыхъ поймаете и обыскавъ ихъ казните, и техъ вы розбойниковъ подворья, животы и статки отдавали въ естя темъ людямъ, которыхъ учините у собя въ головахъ, а они въ отдавали темъ людямъ, которыхъ те розбойники розбивали, въ ихъ искн; а сколько у которого розбойника животовъ возьмете и роздадите исцемъ, и вы въ то себе все писали на списки; а что будетъ у исцовыхъ исковъ останется розбойничихъ животовъ, и вы въ то все переписавъ на списокъ да клали где будетъ пригоже; да о томъ бы естя отписывали на Москву, къ нашимъ бояромъ, которымъ розбойные дела приказаны. А которыхъ детей боярскихъ и старостъ и десяткиихъ и лутчиихъ людей учините въ головахъ, въ которой волости нибуди, и вы въ о томъ отписали часа того на Москву, къ нашему боярину ко князю Ивану Даниловичу Пенкову съ товарищи. А сю бы

есте нашу грамоту держали у техъ людей, которыхъ учините въ которой волости въ головахъ; а съ сее вы есте грамоты списавъ списки розсылали межъ собя по волостемъ, неиздержавъ ни часу. Писана на Москве, лета 7048 Октября въ 23 день.

Уставная губная грамота Устюжского уезда 1540 г. (текст грамоты приводится по изданию: Устюжская губная грамота // Исторический архив. 1960. № 4. С. 219–222).

От великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Устюжской уезд в Ратмерово, на Лузу, и на Лалу, и в Онтропьеву слободу князем и детям боярским, и помещиком, всем служивым людем, и старостам, и сотцким, и десятцким, [и всем крес]тьяном м[он]м великого [кн]язя, митрополичьим, и владычным, и княжым, и бояр[ск]им, и помесчиковым, и монастырским, и черным, и псарем, и осочником, [и перев]естником, и вортником, и рыболовом, и бобровником, и оброчником, и всем без измены, чей хто нивуди.

Били естя челом нам о том, что у вас во всех ваших волостех многие села и деревни розбойники розбивают и животы ваши грабят, села и деревни жгут и на дорогах мно[ги]х людей грабят и розбивают, я убивают мно[ги]х людей до смерти, и сильные многие люди у вас в волостях розбойников и татей у собя держат, а к и[н]ым людем розбойники с розбоем приежжают и розбойную ружлядь к ним привозят. И мы к вам послали в Устюжской уезд обысщиков своих, и от наших ден обысщиков и от неделыщиков чинятца вам великие убытки, а вы ден с нашими обысщики лихих людей не има[ете да] я того, что вам волокита велика, а сами ден вы [р]озбойников меж собя, без нашего ведома, обыскивати и имати розбойников не смеете.

И вы б, меж собя свестись все заодинь, учинили себе в тех волостях в головах детей боярских в волости человека три или четыре, которые в грамоте умели, и которые в пригож, да с ними старост и десятцких мртчих людей крестьян человек пять или шесть, да про[меж вы есте] у собя, в станех и в волостех, лихих людей [розво]йников са[м]и обыскивали по нашему крестному целованью в правду без хитрости, да где которых розбойников обысщете, или хто у собя роз-

бойников держит, или х кому розбойники приезжают и р[о]з[бойну] ю р[у]хлядь привозят, и вы в тех розбойников ведомых меж собя имали да обыскивали их, и доведче на них и пытали накрепко, и допытався [у них, что он] и розбивают, да тех бы естя розбойников били кн[у]тьем, казнили смертью; то еси положил на ваших д[у]шах для земского утверженья, а вам от меня в том опалы нет, а от наших наместников ж от волостелей в том продажи нет.

А вперед, в ваших волостях, где розовьют розбойники село или деревню, или кого на дорозе розовьют, а на которых людей на своих товарищов учинит которые розбойники говорити, пытали ли, что (о) ни розбивали, или х кому приежжали, а те живут в Устюжском уезде, и вы в тех розбойников имали же, да обыскивав и доветчи на них, и пытав накрепко, казнили смертью же. А которой розбойник скажет своих товарищов, розбойников же, в иных городех, и вы в о тех розбойникех писали грамоты в те города к детям боярским, которые дети боярские в тех городех и в [волостях] учинены у того дела в головах, и где которой живет розбойник; а в грамотах бы ести писали, чтоб тех розбойников в тех городех меж собя по тому же имали, да обыскивав их, и доведчи, казнили (по) нашим грамотам. А обсымались в естя о тех делех меж собя неизмешкивая. Где розовьют розбойники село или деревню, или кого на дорозе розовьют, а с розвоев те розбойники куды нибуди поедут, и в Наугородцкую зиму, а вам про тот розбой весть учинитца, и вы в меж собя свестясь все заодинь, за теми розбойники ездили, да где нибуди тех розбойников доедете, и вы в тех розбойников имали безпенно; да которых розбойников поймаете с полишным с розбойным, или без полишного, а ведомого розбойника, или у которых людей розбойников перенмаете, и полишное у нех розбойное повынмаете, а тот будет ведомой ж лихой человек, и вы в тех розбойников и х которым людям розбойники приезжают, меж собою обыскав и пытав накрепко, и д[о]в[е]дче на них в правду, казнили смертью же. [Т]о еси положил на ваших д[у]шах. А которых розбойников где поймаете, и доведчи на них казните, и которых людей тех розбойников поймают, и в которых на них делех доведут, и вы в то все велели собе писати на список [п]одлинно, а сами бы естя х то(му) х списку, которые у вас умеют грамоте, р[у]ки свои приклады-

вали. А неподруже, в земляном деле, или в брани в какой нибудь, меж собя не метались нихто никому, по нашему крестному целованью, и неповинно бы естя не имали и не казнии никакова человека, того бы естя меж собя обыскивали накрепко по нашему крестному целованью вправду без хитрости. А не учнете меж собя розбойников обыскивати и имати, и тех людей х которым розбойники приезжают, или не учнете за розбойники ездити и имати и казнити, или станете розбойников пущати, или хто станет розбойником норовити, и мы велели на вас на всех имати иски тех людей, которых в вашей волосте розовьютъ, без суда вдвое, а самим вам от меня быти в казни же и в продаже.

А которых розбойников ведомых поймаете и, обыскав их, казните, и тех бы розбойников подворья, животы и статки отдавали бы естя тем людем, которых учините у собя в головах, а они бы отдавали тем людем, которых те розбойники розвивали, в их иски. А сколько у которого розбойника животов возмете и раздадите исцам, и вы в то себе все писали на списки. А что будет у исцовых исков останется розбойничих животов, и вы в то все переписав на список да клали, где будет пригоже; да о том бы естя отписывали на Москву к нашим бояром, которым розбойные дела приказаны. Которых детей боярских, и старост, и десятцких, и лутчих людей учините в головах, в которой волости нибудь, и вы в о том отписывали часа того на Москву к нашим боярам, которым розбойные дела приказаны. А сю в естя нашу грамоту держали у тех людей, которых учините в которой волости в головах. А с сее бы естя грамоты списав списки рассылали меж собя по волостем, не издержав ни часу.

Писана на Москве лета 7040-осьмаго апреля в 4 день.

§7. Жалованные грамоты

Жалованные грамоты представляют одну из наиболее значительных по своему объёму групп источников русского права. В историко-правовой науке этой группе источников традиционно уделяется много внимания, однако до сих пор остаётся много неясных моментов в вопросах классификации жалованных грамот, трактовки формуляра и содержания как всей группы в целом, так и отдельных грамот. Проблемным вопросом является даже определение хронологических границ того периода, в котором мы признаём существование жалованных грамот как источников русского права.

Подходы, предлагавшиеся в исследовательской литературе к определению составных частей формуляра жалованных, отличаются значительным разнообразием, при этом ни один из них так и не является общепризнанным и устоявшимся. Изучение известного современной науке массива жалованных грамот позволяет выявить следующие элементы формуляра.

Первой клаузулой, которая не является обязательным элементом, но встречается достаточно часто, является так называемая *invocatio*, посвящение богу, воззвание к высшим силам (например, «Пречистые ради Богоматери...»)¹. Появление этой клаузулы свя-

¹ Жалованная грамота ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю на деревню Кукольцыно 1400 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 15. С. 11. Также см.: Жалованная грамота нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю об освобождении монастырских городских и сельских людей от пошлин 1410–1417 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 17. С. 13; Жалованная грамота нижегородского великого князя Даниила Борисовича Спасско-Благовещенскому монастырю 1410–1417 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 18. С. 13 и др.

зано с тем, что адресатом жалованных очень часто выступают монастыри.

Первыми обязательными клаузулами можно считать элементы формуляра, которые в европейской дипломатике называются *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ) и *inscriptio* (обозначение адресата): «Се язъ Князь Велики Дмитрей Иванович пожаловаль есми святого Сергея монастырь...»¹.

Относительно адресантов жалованных грамот уже А. Н. Горбуновым было отмечено, что они издавались 1) светской верховной властью в пользу духовенства и светских лиц; 2) высшими церковными иерархами (митрополитами, архиепископами, епископами) в пользу низшего духовенства – по предметам как церковного, так и светского права².

Действительно, адресантом жалованной грамоты всегда выступает носитель верховной светской власти или высший церковный иерарх. Как правило, это удельные и великие князья, в некоторых случаях – городская община («...се пожаловаше посадникъ Великого Новагорода Дмитрей Васильевич и вси старыи посадники, и тысяцькой Великого Новагорода Михайло Ондреевич и вси старыи тысяцькйи, и бояре, и житьи люди, и купчи, и весь господинъ Великий Новгородъ, на вече на Ярославле дворе, и дахомъ сю грамоту жаловалную...»)³.

Круг адресатов весьма широк: жалованные грамоты выдавались светским и церковным (монастырям, митрополиту) феодалам, при этом значительное количество сохранившихся жалованных грамот имеет своими адресатами монастыри и церкви. Следует также заметить, что уже первые дореволюционные исследователи пришли к выводу, что объём прав, предоставляемых адресату, никак не зави-

¹ Жалованная грамота великого князя Димитрия Иоанновича об освобождении отчин Троицкого Сергиева монастыря от пошлин и повинностей 1363–1389 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 7. С. 3.

² Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1860. С. 2.

³ Жалованная новгородская грамота Троицкому Сергиеву монастырю 1448–1454 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 42. С. 32.

сел от того, светскому лицу или духовной корпорации выдавалась грамота¹.

Этот объём прав, предоставляемый грамотой, составляет её основное содержание и охватывается одной большой диспозитивной клаузулой, раскрывающей распоряжения по существу дела. Все авторы так или иначе выделяют этот элемент формуляра, но трактуют его по-разному и предлагают различные классификации разновидностей *dispositio*.

Некоторые исследователи различали в качестве разных подвигов грамоты, предусматривавшие освобождение от даней и повинностей, и грамоты, вводящие фиксированный оброк вместо разнообразных сборов. Анализ существующего массива введённых в научный оборот жалованных грамот делает весьма вероятным предположение, что это одна и та же разновидность, но на разных этапах своей эволюции. Представляется, что с начала XV в. в жалованных грамотах этого типа всё чаще определяется фиксированная сумма оброка, который должен вносить в княжескую казну адресат, например: «...пожаловалъ есми игумена Никона: что у него село и деревни на Угличе, въ Прилуце, Удинское, даетъ съ того села и съ деревень оброку сотнику на Юрьевъ день вешней три четверти, а на Юрьевъ день на осенней три четверти ... а опрочъ того оброку ненадобе имъ некоторая моя дань, ни писчая белка, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни осминичье, ни костки, ни иная некоторая пошлина; а ни къ дворскому, ни къ сотскому, ненадобе имъ тянути ничто»².

Довольно часто освобождение от пошлин имеет явно выраженную причину – способствовать заселению пустующих земель, на которые феодал может «перезывать» людей, обещая им освобождение от даней (сроки указывают разные: на 3 года для старожильцев, для

¹ Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV веках... С. 3.

² Жалованная грамота углицкого князя Андрея Владимировича Троицкому Сергиеву монастырю 1414 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 19. С. 15. Также см.: Жалованная грамота углицкого князя Дмитрия Юрьевича Троицкому Сергиеву монастырю 1434–1447 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 28. С. 19 и др.

пришлых из других княжеств – на 10 лет¹; для старожильцев 5 лет, для новоселов 15², даже до 20 лет³ и т. п.).

В большинстве случаев жалованные грамоты этого типа предоставляют освобождение от всех даней и повинностей, но в некоторых случаях диспозитивная часть сознательно ограничена и включает в себя освобождение только от нескольких конкретных повинностей – например, освобождение от постоя и корма⁴.

Важно заметить, что сама по себе передача недвижимого имущества не может быть содержанием диспозитивной части жалованной грамоты. Для оформления такого рода правоотношений существовали другие разновидности (уже не публично-правовых, а частно-правовых) грамот – прежде всего, данные грамоты. **Жалованной** грамота становится в том случае, когда её посредством передаётся определённый объём публичной власти: передача недвижимого имущества князем монастырю будет оформлена данной или вкладной грамотой, а передача той же недвижимости, но уже с правом сбора определённых даней или передачей права суда будет оформлена жалованной⁵. То же касается и тех жалованных грамот, где содержанием *dispositio* является разрешение феодалу приобрести тяглую деревню – опять же, важным условием выступает регуляция определённым объёмом публичной власти, например, оговаривается, что в последующем фискальная и судебная власть закрепляются

¹ Например, Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Спасско-Благовещенскому монастырю 1423 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 21. С. 15–16.

² Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1425 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 23. С. 16.

³ Жалованная грамота белозерского князя Михаила Андреевича Феропонтовой пустыне 1438 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 36. С. 28.

⁴ Жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю 1428–1436 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 24. С. 17.

⁵ См., например: Жалованная грамота ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю на деревню Кукольцыно 1400 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 15. С. 11; Жалованная грамота великой княгини Софьи Витовтовны Феропонтову монастырю 1448 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 41. С. 31–32 и др.

за новым собственником¹. Или в тех грамотах, где адресату даётся позволение купить пустоши с освобождением от даней населения, которое новый собственник сумеет привлечь на эти земли², – жалованной эту грамоту делает, конечно, не разрешение купить земельный участок, а это условие, предусматривающее определённое регулирование в сфере публично-правовых отношений.

При предоставлении судебных полномочий жалованные грамоты часто делают оговорку, исключая из ведения адресата дела о душегубстве, разбое и татьбе с поличным: «а волостелем ихъ Волоцкимъ на Волоце не судити, опроче татбы и розбоя и душегубства, а то судить ихъ человекъ святаго Юрья промежи собою»³. Впрочем, многие грамоты не делают такого исключения⁴, а сам этот элемент долгое время не имел устоявшей формы: в жалованных грамотах часто говорится только о душегубстве, или о душегубстве и разбое, или о душегубстве и разбое с поличным и т. п.

Практически все исследователи жалованных грамот выделяли такой постоянный элемент их формуляра как *sanctio*.

Не выделяя *sanctio* в виде обязательного элемента формальной стороны жалованных грамот, Д. М. Мейчик отмечал, что чаще всего в заключительной части грамот встречается угроза заслушание «в самых общих выражениях»⁵. По мнению исследователя, обобщённая санкция вводилась в тех случаях, когда угроза относится к должностным лицам, имевшим возможность нарушить льготы. В тех слу-

¹ Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1421 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 20. С. 15.

² Жалованная грамота белозерского князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустыне 1438 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 36. С. 28.

³ Жалованная грамота великого князя Иоанна Даниловича о привилегиях людям Новгородского Юрьева монастыря 1338–1340 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 4. С. 2.

⁴ Жалованная грамота кашинского великого князя Василия Михайловича и удельных тверских князей Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея Александровичей, Иеремия и Симеона Константиновичей и Михаила Васильевича об освобождении людей Тверского Отроча монастыря от пошлин и даней 1361–1365 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 5. С. 3 и др.

⁵ Мейчик Д. М. Грамоты и другие акты XIV–XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 9.

чаях, если адресат грамоты получал льготу, направленную против частных обидчиков, то санкция носила конкретный характер и была выражена рублевой, двухрублевой и т. п. заповедью или же взысканием двойных убытков без суда¹.

Действительно, чаще всего жалованные грамоты содержат светскую *sanctio*, выраженную обобщенно, неконкретно: «а кто сей моей грамоты ослушается, имъ отъ меня быти въ казни»².

В жалованных грамотах не встречается сакральная *sanctio*, но иногда она соединяет в себе сакральный и светский элемент: «а кто детей моихъ, или братьи моее, мое данье порушить, а то судить ему Богъ и святыи Геворгий въ страшное свое пришествіе, а Князю Великому дасть сто рубля...»³.

Дополнительный светский элемент мог включать в себя не только штраф, но и телесное наказание: «... да не будетъ на немъ милость Божія и Его пречистые Матери и присещенія великого Архистратига Михаила, и проклять будетъ въ си векъ и въ будуще; а къ тому азъ Князь Великіи велю его казнити торговою казнью, а себе возьмемъ на немъ вину противу дани съ архимандритомъ наполю, а взятое велимъ взяти втрое и съ проторы»⁴. Здесь *sanctio* разделяется на сакральный и светский элементы, при этом последний включает в себя две меры уголовной ответственности: телесное наказание в виде торговой казни и штраф. Сумма штрафа определяется на основе не-

¹ Мейчик Д. М. Грамоты и другие акты XIV–XV вв. Московского архива Министерства юстиции... С. 9.

² Жалованная грамота великого князя Дмитрия Иоанновича об освобождении отчин Троицкого Сергиева монастыря от пошлин и повинностей 1363–1389 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 7. С. 4. Также см.: Жалованная грамота нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю об освобождении монастырских городских и сельских людей от пошлин 1410–1417 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 17. С. 13 и др.

³ Жалованная грамота великого князя Иоанна Даниловича о привилегиях людям Новгородского Юрьева монастыря 1338–1340 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 4. С. 2.

⁴ Жалованная грамота тверского князя Бориса Александровича и удельных тверских князей Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитриевича и Федора Александровича 1437–1461 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 34. С. 27.

законно взысканной дани (в нарушение жалованной грамоты), при этом сумма незаконного сбора увеличивается в три раза и к этой сумме прибавляются убытки, причинённые незаконными поборами. Как и в других грамотах, половина взысканного с нарушителя штрафа поступает в княжескую казну, другая половина – монастырским властям.

Исключительно редко встречающаяся конкретно-определённая светская санкция упоминается, например, в новгородской жалованной грамоте, выданной городской общиной Троицкому Сергиеву монастырю: «А кто сю грамоту Новгородскую переступить ... и онъ дасть посаднику и тысяцькому и всему господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублевъ въ стену»¹.

В завершающей части грамоты часто встречается закрепляющая формула: «...а даль есмъ сю грамоту и въ веки»².

Вообще же формуляр жалованных грамот завершался указанием даты и места выдачи грамоты («А дана грамота на Москве, Февраля въ 20 день въ лето 6931»)³, иногда только даты («А дана грамота въ лето 6929»)⁴. К удостоверительной части грамоты некоторые исследователи относили также печать и подпись⁵, хотя в европейской дипломатике обычно эти элементы объединяются в рамках отдельной клаузулы *corroboratio*.

Таким образом, жалованные грамоты можно определить как разновидность источников права, передававших определённый объём публичной власти (как правило, фискальной и судебной) в руки частных лиц, светских и духовных феодалов. Именно в этом состоял

¹ Жалованная новгородская грамота Троицкому Сергиеву монастырю 1448–1454 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 42. С. 32.

² Жалованная грамота великого князя Иоанна Даниловича о привилегиях людям Новгородского Юрьева монастыря 1338–1340 гг. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 4. С. 2.

³ Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Спасско-Благовещенскому монастырю 1423 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 21. С. 16.

⁴ Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1421 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 20. С. 15.

⁵ Мейчик Д. М. Грамоты и другие акты XIV–XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 7.

сам акт «пожалования», а не в передаче недвижимых имуществ, не в разрешении на приобретение недвижимости и т. п. Тот факт, что на это обстоятельство не обращали внимание в историко-правовой науке, привёл к тому, что жалованные грамоты часто смешивают с данными, вкладными, уставными, купчими и др. Между тем, жалованные грамоты составляют чётко определённую группу актов, которые можно отграничить от других разновидностей, тем более от частноправовых грамот.

Формуляр жалованных грамот динамично изменялся в течение нескольких веков, его элементы не носили устоявшегося характера, их форма часто менялась. В то же время можно выделить постоянные клаузулы, к числу которых относятся: 1) *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ); 2) *inscriptio* (обозначение адресата); 3) *dispositio* (распоряжение по существу дела); 4) *sanctio* (запрещение нарушения распоряжения и установление меры ответственности за это); 5) *corroboratio* (сведения об удостоверительных знаках документа – печать и подпись); 6) *datum* (указание места и времени выдачи грамоты). К числу необязательных, но часто встречающихся в жалованных грамотах элементов можно отнести 1) *invocatio* (богословие, посвящение высшим силам); 2) *arenga* (указание на поводы к пожалованию, то есть к предоставлению определенного объёма публичной власти); 3) закрепляющая формула («в веки»).

В качестве примера приводится жалованная грамота звенигородского князя Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю от 10 мая 1404 г.¹

Пречистын ради милости и честнаго ея Рождества, се язъ Князь Юрьи Дмитриевичъ, что язъ далъ Пречистой въ домъ, на Сторожи, отцу своему игумену Саве съ братією, или кто по немъ нный игумень будетъ, села свои въ Звенигородскомъ ѹездѹ, село Белгина и съ деревнями, деревня Тимонина, деревня Павликова, деревня Козинская, да Клодѹбацынское, да деревня Козинская, да Клодѹбацынское, да деревню Гледеновскую, да деревню Бремееву,

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 15. С. 23–24.

да село Усть Развадни, да къ тому селу придалъ есми Патрекеевской земли, далъ есми въ Рүзскомъ ѳезду, въ Замошнн, село свое ѳ Василья Гвятаго и съ деревнями и съ прудомъ и со всемъ съ темъ, что къ тому селу изстари потегло, а что собе отецъ мой игүмень Гава съ братьею прикупятъ земель, или что имъ дадутъ земель по души въ моеи вотчине:

и которыи люди имутъ жити на техъ земляхъ монастырскихъ, и темъ людемъ ненадобе моя дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчеза белка, ни осмьмничнн, ни костки, ни явка, ни иная котторая пошлина, ни города не делаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни кони моего не кормятъ, ни сенъ монахъ не косятъ, така жъ ни къ сотцкому, ни къ дворскому, ни десятскому, съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ котторые проторы и въ разметъ, ни въ нынн въ котторыи пошанны.

А наместницы мои Звенигородцкнн и волостели Звенигородцкнн, и Рүзскнн мои наместники и волостели мои Рүзскнн, и ихъ тнүнн, на техъ хрестьянехъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветщики и доводщики поборовъ не берутъ, ни вѳеждаютъ; а ведаетъ игүмень Гава самъ свои люди во всехъ делехъ и судитъ самъ во всемъ, или кому игүмень прикажетъ, оприче душегүвства.

А слүчитца судъ сметной городцкимъ людемъ или волостнымъ съ монастырскими людьми, и наместницы мои Звенигородцкнн и Рүзскнн и ихъ тнүнн техъ людей судятъ, а игүмень съ ними судитъ, или кому прикажетъ въ свое место.

А правъ ли бдетъ или виноватъ монастырской человекъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игүмену съ братьею, а наместники мои и волостели и ихъ тнүнн въ монастырского человека не встүпаютца, ни въ правого ни въ виноватого; а ведаетъ игүмень въ правде и въ вине своего человека самъ, а истцево заплатятъ на обе стороны.

А правъ ли, и виноватъ ли городцкнн или волостный человекъ бдетъ, и онъ въ правде и въ вине наместникомъ моимъ и волостелемъ и ихъ тнүнномъ, и имъ истцево заплатятъ; а игүмень съ братьею или ихъ приказщикъ въ городнаго и волостного человека не встүпаютца.

А пятенщики мои, Звенигородскнн и Рүзскнн ѳ монастырскихъ людей коней не пятнятъ, а таможники мои тамги не емлютъ на

монастырскихъ людехъ: язъ Князь Юрьи Дмитреевичъ Пречистой далъ пятно и тамгу, на теміянъ далъ игүмену Гава съ братьею: держитъ игүмень въ монастыре свое пятно.

Которой хрестьянинъ монастырской купитъ или меняетъ, и онъ пятнить въ монастыре; а которой хрестьянинъ монастырской продасть въ торгү или въ селе, и они тамгу платятъ игүмену Гава въ монастыре, а которой пропятнитца или протамжитца монастырскій, игүмень Гава винү возметъ на монастырь, а таможники мои, Звенигородскіи и Рүзскіи въ монастырского человека не вступаютца.

Да далъ язъ Князь Юрьи Дмитревичъ отцү своему игүмену Гава борь свою, по речки по Иневе и отъ сүходола по Покровъ Святей Богородици, отъ Покрова по Нарү вверхъ до Ваишева, до реки Москвы, а по другүю сторону по правүю по Александрова село по Шүбнина, да по слободки по Дмитреевой, да по Нахавнү къ реце Москве;

далъ язъ Князь Юрьи Дмитреевичъ отцү своему игүмену Гава бортника Ондрейка Телницына съ деревнею, въ которой живетъ на Репици, и онъ те борти монастырскіи делаетъ.

А черезъ сю мою грамотү кто ихъ чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни.

А грамота писана въ лета шесть тысящ 912, месяца Маія 10 день.

Жалованная несудимая грамота Волотовскому монастырю (30 сентября 1500 г.)¹.

Се язъ Князь Велики Иванъ Васильевичъ всеа Рүсін, и сынъ мой Князь Великій Василей Ивановичъ всеа Рүсін, пожаловали есмя въ своей отчине, въ Великомъ Новегороде, Успеня Пречистые Волотовского монастыря игүмена Елипарха съ вретьею, или кто по немъ инны игүмень бүдетъ въ Волотовскомъ монастыре:

Архієпископъ Новгородскій и его тіүни игүмена и его братью не сүдитъ ни въ чемъ, опричь дүховныхъ вещей, а чернцовъ своихъ игүмень сүдитъ во всемъ самъ;

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 111. С. 164–165.

а что шло съ Волотовского монастыр Архієпископу Новгородскому, и его наместнику, и тиуну, и его людемъ, и діаконъ владычнимъ, и попомъ Софейскимъ откупа и пошлинъ, и имъ откупа и пошлинъ Владыце, и его наместнику, и тиуну, и его людемъ, и діаконъ владычнымъ, и попомъ Софейскимъ не давати ничего;

а что Владыка Новгородской ставилъ у нихъ кони кормити, и Владыка у нихъ ставитъ одну лошадь кормити, да тое лошади у нихъ до году не переменяетъ;

а что пошлинъ шло съ Волотовского монастыря наместникомъ Новгородскимъ, ихъ тиуномъ, и ихъ людемъ, и имъ техъ пошлинъ наместникомъ нашимъ Новгородскимъ и ихъ тиуномъ и ихъ людемъ не давати ничего;

а что наместники Новгородскіе ставили у нихъ кони кормити, и наместники, и ихъ тиуны, и ихъ люди, коней у нихъ кормити не ставятъ.

Также есмь ихъ пожаловали: что ихъ варницы монастырскіе въ Русе на посаде, и кто у нихъ у техъ варницъ живетъ людей, и наместники наши Рускіе и ихъ тиуны техъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, oprичъ душегубства и развоя и татвы съ поличнымъ.

Также есмь ихъ пожаловали: что села и деревни монастырскіе въ нашей отчине, въ Новгородской земле, въ Деревской пятине, въ Боженскомъ погосте, въ Замошье, да въ Тухолскомъ погосте, да въскомъ погосте вълине, и кто у нихъ въ техъ селахъ и въ деревняхъ учнетъ жити людей, и наместники наши Новгородскіе, и пригородскіе наместники, и волостели, и ихъ тиуны техъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, oprичъ душегубства и розвоя съ поличнымъ, а ведаетъ и судитъ игуменъ своихъ людей самъ во всемъ, или кому прикажетъ;

а случится судъ сместной темъ ихъ людемъ съ городскими людьми, или съ пригородскими, или въ волостными, и наместники наши и волостели и ихъ тиуны судятъ, а игуменъ Волотовской или его прикащикъ съ ними же судитъ, а присудомъ делятся наполю;

а кому будетъ чего искати на игумене, или на ихъ приказшике, ино ихъ судятъ наши наместники Новгородскіе, а тиуны нашихъ наместниковъ игумена и ихъ приказшиковъ не судятъ ни въ чемъ;

а кто взведетъ по ихъ людей и по ихъ христіанъ нашихъ Великихъ Князей пристава, или нашихъ Новгородскихъ наместниковъ пристава, и приставове наши и нашихъ наместниковъ приставове пишутъ имъ одинъ срокъ въ году, по Крещенье въ той же день, а иныхъ сроковъ на нихъ не намечиваютъ а которой нашъ приставъ, или наместниковъ нашихъ приставъ, накинеть на нихъ срокъ не по тому ихъ сроку, и мы Великіи Князи къ темъ срокомъ имъ ездитине велели, а кто на нихъ и безсудную возметъ не по тому ихъ сроку, и та безсудная не въ безсудную.

Также есмя пожаловали игумена Волоотовского монастыря съ братьею: кто наши князи, и бояре, и воеводы ратные, и всякіе ездки у ихъ людей и у ихъ христіанъ не ставятся, ни кормовъ ни подводъ ни проводниковъ у нихъ не емаютъ;

а кто у нихъ станеть, тому отъ насъ отъ Великихъ Князей быти въ опале, а кто что у нихъ возметъ, тому то платити въдвое безъ суда и безъ исправы.

Также владычни десятинники и люди владычни къ ихъ людямъ и къ христіаномъ не въезжаютъ ни по что, ни кормовъ ни подводъ ни проводниковъ у нихъ не емаютъ.

Также наместничьи люди и волостелины и боярскіе люди на пиръ и на братчины къ нимъ не ездятъ; а кто къ нимъ пріедетъ незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно, а не поидетъ вонъ, а учинится у нихъ какова гибель, и тому та гибель платити безъ суда и безъ исправы, а отъ насъ отъ Великихъ Князей тому быти въ казни.

Также попрошатаи, владычни люди, и наместничьи и волостелины и боярскіе люди, ни иные никоторые, въ монастырь и по волости у нихъ просити не ездятъ.

А на праздникъ на Успеніе Пречистые позоветъ къ себе игумень на службу попа Софейского да діакона, да дасть имъ овема на службу гривну Новгородскую, а кормитъ ихъ что ся у него лучитъ.

А кто ся сее наши грамоты ослушаетъ, тому отъ насъ отъ Великихъ Князей быти въ казни.

Писанъ на Москве, лета 7009 Сентября въ 30 день.

§8. ДРУГИЕ ВИДЫ ГРАМОТ

8.1. ОПАСНЫЕ ГРАМОТЫ

Опасные грамоты, как правило, выдавались иностранным послам на свободный въезд в русские земли.

Опасная грамота митрополита Феодосия новгородскому архиепископу Ионе (1462–1464 гг.)¹. В начальной части грамоты содержится приветствие различным группам населения Новгорода, в основной же части по отдельности оговаривается безопасный проезд архиепископа новгородского в Москву и обратно. Такие же гарантии предоставляются грамотой и тем лицам из числа высшего управления Новгородом, которые пожелают сопровождать архиепископа.

Благословеніе Феодосія Митрополита всеа Русі, въ домъ Свѣтѣй Софїи, еже естъ Премудрость Божія, во отчину господина и сына моего Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русі, въ Великій Новгородъ, о Свѣтѣмъ Дусѣ сыну и сослуживнику нашего смиренія Ионе Архіепископу Великого Новагорода и старымъ посадникомъ, и тысяцкому степенному и старымъ тысяцкимъ, и бояромъ, и житѣимъ людемъ, и купцамъ, и чернымъ людемъ, и всему Великому Новугороду, мужемъ волнымъ, всемъ купно христоименитымъ Господнимъ людемъ, живущимъ всемъ въ законѣ Божіемъ.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 73. С. 124.

Что есте, сынове, прислали ко мне боярина своего, и били есте челомъ мне о вашемъ Архіепископе Іоне Великого Новагорода и Пъскова, чтобы ему пріѣхати въ домъ Пречистое Богоматери и великого Чюдотворца Петра, а въ отчину господина и сына моего Великого Князя Ивана Васильевича, да и ко мне ихъ отцу и богомолцу, въ мою митрополью, на Москву,

и отъ мене отъѣхати Архіепископу Великого Новагорода и Пъскова Владыце Іоне въ домъ Свѣтлей Софен въ Великій Новгородъ, а не удержану ничимъ:

и язъ, по вашему челобитью, даю сію свою грамоту опасную Архіепископу Великого Новагорода и Пъскова Владыце Іоне, чо ему ко мне пріѣхати и отъѣхати доброволно, по Божію изволенію.

И которыи посадники, и тысячцкіи, и бояре, кто съ нимъ бѣдетъ, пѣтъ имъ чистъ пріѣхати и отъѣхати доброволно, безо всякого слова и безо всякого опася и безъ перевода, по сей моей грамотѣ.

А си моя тебе грамота и опасная.

8.2. Присяжные грамоты

Присяжная грамота представляет собой торжественное обещание сохранять верность вышестоящему во властной иерархии лицу. Присяжные грамоты имели большее распространение на западных русских землях, где знать и формирующееся дворянство пользовались большей свободой и вольностями, нежели в Московском государстве. Ниже приводятся две присяжные грамоты в качестве иллюстрации для этого вида источников.

Присяжная грамота Мстиславского князя Симеона-Лугвиния Ольгердовича брату своему, Польскому королю Владиславу и супруге его, королеве Ядвиге, с обещаем, за себя и за Новгородцев, не отступать от союза с ними¹.

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846. № 10. С. 26.

Мы князь Семень, инымъ именемъ Дыгвеній, чинимъ знаменито симъ листомъ, кто на нь возритъ, или прочитаетъ, ижъ колн освящены господинъ Володиславъ, Божьею милостью король Полскій, Литовскій и Рүскій и иныхъ земель многихъ господарь, братъ нашъ милейшій, поставилъ насъ опекальникомъ мужемъ и людемъ Великого Новагорода: и мы тому корол(ю), и Ядвиге, королици королевства Полского, и съ тыми людьми съ Великого Новаго(ро)да, како жъ долго держимъ ү нашемъ опеканью, словили есмы, и еще симъ листомъ словуемъ, ижъ хотимъ при нихъ, при корүне королевства Полского пристати, и съ нашею сило(ю) и съ нашими помочми, и съ нашею радю, и съ нашимъ остереженьемъ, безо всякой лести и хитрости; не хотимъ такожь николи отступити ихъ, корүны королевства Полско(го); а сему на сведетство, наша печать привешена есть. А ... данъ есть ү Сүдомири, ү неделю, ү тыйждень по Великомъ дни, лета Божья тысяча 389.

Присяжная грамота Стародубского князя Александра Патрикеевича Польскому королю Владиславу от 31 декабря 1400 г.¹

Се язъ князь Александръ Патрикеевичъ Стародүвскій знаменито чинимы симъ нашимъ листомъ, аже словюю и словилъ есмы, и целовалъ есмы крестъ: по смерти нашего господаря, великого князя Витовта, не искати ми иныхъ господаревъ, мимо нашего милого господаря, кроля Владислава Полского, и корүны Полское не отлүчити ми ся ея некоторымъ веремемъ, безо лсти и безъ хитрости; на крепость сему нашему листу, нашу печать привесили есмо. Писанъ ү-въ озера ү Круды, межи Городна и Меречь, по Розстве Христове ү пятокъ, ү канүнь святого Обрезанія Христова, по нароженьи Сына Божьего тысяча летъ и чотыриста летъ.

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846. № 17. С. 28–29.

8.3. Подорожные грамоты

Подорожные грамоты встречаются очень редко, составлялись для освобождения конкретных лиц от уплаты таможенных сборов.

Подорожная митрополичьему слуге (1464–1473 гг.)¹. Согласно грамоте митрополит отправляет своего светского слугу для совершения торговых операций и обращается к владельцам земель, через которые будет пролегать путь торговца – архиереям, князьям, боярам, воеводам, наместникам – обеспечить ему свободную от уплаты пошлин торговлю.

Благословеніе Филипа Митрополита всея Руси, во всю мою митрополью, боголюбивымъ Архієпископомъ и Єпископомъ, и благороднымъ и благовернымъ княземъ, и паномъ, и бояромъ, и воеводамъ, и наместникомъ, и таможникомъ, и мытникомъ, и всемъ пошлинникомъ и ихъ заказщикомъ.

Послалъ есмь, сынове, сего своего слугу съ добромъ Пречистыя Богородици торговати, ци бы что прибыло церкви Божіей въ подможеніе.

И благословляю васъ, о Святемъ Дусе сынове, чтобы есте Пречистыя дея Богородици, да и мене дея своего отца, на томъ на нашемъ слуге своимъ пошлинникомъ всемъ своимъ пошлинъ которыхъ не велели имати; а где, сынове, будутъ ему тесны места, и вы вы, сынове, велели его и попроводити, насъ дея, чтобы то добро Пречистые вашею великою дръжавою не истерялося нигде.

А того дея, сынове, примете отъ Вседръжителя Бога и Пречистые его Богоматери благодать и милость, а отъ нашего смиренія благословеніе и незабытнүю къ Богу молитву.

А дана грамота на Москве.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 79. С. 129.

8.4. Правые грамоты

Правые грамоты выдавались стороне судебного спора, выигравшей дело. Как правило, они включали в себя две основные части: 1) краткий протокол судебного заседания, аргументы сторон; 2) судебное решение. Выдавались они выигравшей стороне по её просьбе, чтобы предупредить возможные претензии проигравшей стороны или чтобы доставить стороне дополнительный акт укрепления её права на спорное имущество.

В XIX веке на этапе начального изучения судных грамот вообще, и в том числе правых, наблюдалось то же преобладание формально-юридического подхода, что и при изучении других видов древнерусских грамот. А. Федотов-Чеховский попытался классифицировать судебные грамоты, выделить элементы формуляра¹, И. Д. Беляев дал дефиниции правой грамоты, судного списка, докладного судного списка и бессудной грамоты², П. И. Беляев отметил обязательное наличие в правых грамотах и судных списках привилегированного лица в качестве одной из сторон, тем самым уточнив трактовку клаузулы, определяющей стороны правоотношения³.

В качестве примера приводится правая грамота посадников Якова Фёдоровича и Иева Тимофеевича и сотского Ивана о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев (первая четверть XV в.)⁴. Суть дела заключалась в желании Власа Тупицына выйти из состава общины и не нести в дальнейшем тягла. В случае признания его заявления на оставшиеся в общине домохозяйства

¹ *Федотов-Чеховский А.* Речь о форме и содержании правых грамот, читанная в торжественном собрании Университета св. Владимира 10 октября 1848 г. Киев, 1849. С. 24–33, 48–57.

² *Беляев И.* Списки судные и докладные и грамоты правые и бессудные в Московском государстве // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2, первая половина, отдел 3. С. 115–128.

³ *Беляев П.* Специальное назначение судей и судебная грамота в древнем русском процессе (сравнительный очерк) // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 8. М., 1898. С. 1–16.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 92. С. 148–149.

возлагался больший размер тягла, то есть прямой интерес общины состоял в недопущении признания Власа независимым от общины домохозяином.

От посадника Якова Федоровичя, от посадника Іева Тимофеевича, от сочкого Івана.

Се позва Үласке Түпичинъ Вячеслава і вснхъ княжѣостровчевъ на судъ дворяны Степанкомъ і Иванкомъ. А ркя такъ: кладете на мене розрѣвъ, а язъ Ү васъ не живѹ.

І Вячеславъ і вси княжѣостровчи сташа на судѣ і ркоша: нашъ еси братъ княжѣостровецъ, а кѹнамъ есте заемщники отецъ твоі і ты.

І посадники вспросиша Үласка: жилъ ли еси на Княжеострове, давалъ ли еси с княжѣостровци розрѣвъ?

І Үласке рце: жилъ есмь і розрѣвъ есмь с ними давалъ.

І посадники, обыскавъ судомъ, Вячеслава і вснхъ княжѣостровче[въ] справиша, а Үласка обвиниша і даша Вячеславу і всемъ княжѣостровчемъ грамотѹ суднѹю правѹю: потянетъ Үласке с княжѣостровци въ старинѹ, какъ отецъ его тянулъ; а потомъ тяжа не надобе.

Правая грамота псковского князя Ярослава Васильевича и псковских посадников Снеогогорскому монастырю на шестую часть реки Перервы, спорную с Козмодемьянским монастырём (11 июня 1483 г.)¹. Представленная грамота имеет огромный познавательный интерес, поскольку, подробно описывая ход судебного разбирательства, наглядно представляет ряд процедур, о которых кратко сообщает Псковская Судная грамота. В частности, по шагам разложена норма статьи 10 Грамоты: «О лешеи земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество съимут ино им присужати поле»².

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 340. С. 326–328.

² Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. I. М., 1984. С. 332.

Не меньший интерес представляет наглядная детальная иллюстрация процедуры снятия межничества, раскрытие соотношения княжеской власти и городской администрации в процессе осуществления суда и др.

Передъ господиномъ псковскимъ Ярославомъ Васильевичемъ, и передъ посадники степенными, передъ Левонтиемъ Тимофеевичемъ, и передъ Степаномъ Максимовичемъ, и передъ соцкими на сенехъ, стоя на суде, игумень Тарасен Богородицкои Гнетные горы і все старцы Гнетогорские съ Юрьемъ соцкимъ, с старостою съ Егорьевскимъ, да с Ортемомъ и с Ильею, со всеми ихъ сябры, и с игуменомъ с Лаврентиемъ КүзMODEМЬЯНСКИМЪ з Гремяче горы и со всеми старцы КүзMODEМЬЯНСКИМИ,

а ркүчи тако игумень Тарасен і все старцы Гнетогорские: господинъ князь, і посадники, і соцкие; тому, господине, Юрью сотцкому, старосте Егорьевскому, і Ортемү, и Ильи, і всемъ ихъ сябромъ, игумену Лаврентію КүзMODEМЬЯНСКОМУ і всемъ старцомъ КүзMODEМЬЯНСКИМЪ пять чястен в Перерве реки, а намъ, господине, шестая часть в Перерве реки, проезду деля; и нынеча, господине, Юрьи, и Ортемъ, и Илья, і все сябры ихъ, игумень Лаврентей и старцы КүзMODEМЬЯНСКИЕ насъ шестон части в Перерве реки лишаютъ, а проезду намъ не дадутъ; а ү насъ, господине, в тон Перерве реки на шестю часть грамоты күпчине.

Да и положили грамоты күпчине передъ осподою. І осподинъ князь псковскои Ярославъ Васильевичъ, и посадники, и сотцкие въспросили Юрья, и Ортема, и Илью, і всехъ сябровъ ихъ, игумена Лаврентия і всехъ старцовъ КүзMODEМЬЯНСКИХЪ: отвечаите, почемү вы игумена Тарася и старцовъ Гнетогорскихъ в Перерве реки лишаєте шестон доли, а проезда имъ не дадите.

И Юрьи, да Артёмъ, да Илья, і все сябры ихъ, игумень Лаврентей и старцы КүзMODEМЬЯНСКИЕ, тако ркли: то, господине, ү насъ не Перерва река, а в тон реки ү насъ вода копаная, а вся вода наша; а игумену Тарасю и старцомъ Гнетогорскимъ в тон воде ү насъ шестое части нетъ, и мы имъ потому и проезда не дадимъ.

Да положили и свои грамоты передъ осподою. И господинъ князь псковскон Ярославъ Васильевичъ, и посадники, і сотцкие, прочетъ передъ собою обои грамоты, и дали грамоты Климяты сотцкому, да послали княжого боярина Михаила Чета да и Климету Семеновича сотцкого тое воды в Перерве реке досмотрети.

И княжон бояринъ Михаил да Климета сотцкон тое воды досмотрели, да и на лубъ выписали, і передъ осподою положили, да и велись по лубу. И князь псковскон Ярославъ Васильевичъ, и посадники степенные, и сотцкие спросили обонихъ с обою сторонъ: снимаете ль с межниковъ межничества. І обои исцы тако ркли: снимаем, господине.

И господинъ князь, і посадники, і сотцкие спросили игүмена Тарасья и старцовъ Гнетогорскихъ: есть ли у васъ стариковъ хто, кому то ведомо, что вамъ в Перерве реке шестая часть, проезда деля.

И игүмень Тарасен и старцы Гнетогорские воименовали старика Терентия Кудатова: тому ведомо, что намъ шестая часть есть, проезду деля, в Перерве реки; на того и послалися.

А Юрьи, да Ортемъ, да Илья, і все сябры ихъ, и игүмень Лаврентен и старцы Кузмодемьянские того же старика воименовали Терентия Кудатова.

И Терентен, ставъ передъ осподою, тако рекъ: в тои, господине, Перерви реки Юрью, и Ортему, да Ильи, і всемъ сябромъ ихъ, и игүмену Лаврентию Кузмодемьянскому і старцомъ пять частей; а игүмену Тарасью Богородіцкому и старцомъ Гнетогорскимъ в Перерве реки шестая часть, проезда деля; то мне, господине, ведомо.

І по тому князь псковскон Ярославъ Васильевичъ, і посадники степенные Левонтеи Тимофеевич и Степанъ Максимовичъ, и сотцкие игүмена Тарасья Богородіцкого і всехъ старцовъ Гнетогорскихъ в шестои части в Перерве реки у проезду оправихомъ; а Юрья сотцкого, старосту егорьевского, и Ортема, да Илью, і всехъ сябровъ, игүмена Лаврентия и старцовъ Кузмодемьянскихъ з Гремячей горы повинихомъ; и дахомъ игүмену Тарасию Богородіцкому і всемъ старцомъ Гнетные горы грамоту правую, по псковскон пошлины, в Перерве реки на шестую часть на проездъ.

Да и послалъ господинъ князь псковской Ярославъ Васильевичъ, и посадники степенные, и сотцкие княжого боярина Михаила Чета да Клименту сотцкого, с Терентиемъ старикомъ, в Перерве реки шестю чясти выделити на проездъ игумену Тарасью и старцомъ Гнетогорскимъ. И того старикъ Терентей, со княжимъ бояриномъ и сотцкимъ, в Перерве реки отделили от Рожитецкой стороны игумену Тарасью и старцомъ Гнетогорскимъ шестая чясть на проездъ.

А потомъ о томъ тяжи не быти.

А грамоту правую писалъ князь Ярославъ Васильевича діякъ Івашко Микитинъ в лете 6991 месяца июня в 11 день.

Глава II

ПОДСИСТЕМА ЦЕРКОВНОГО ПРАВА

§1. Тексты Священного Писания

Среди источников церковного права формально на первом месте находились тексты Священного Писания – книги Ветхого и Нового заветов. Из состава Ветхого завета правовые установления заимствовались из книг Левит, Второзаконие, Исход. Напротив, книги Нового завета не содержали правовых норм, поэтому они использовались как основообразующие принципы. Например, церковные авторы нередко ссылались на 1-е послание к коринфянам при определении общих подходов к сущности христианской модели брака и отношений супругов.

В современной историко-правовой науке вновь возрождается интерес к этой группе источников права, исследователи пытаются раскрыть их значение в качестве источников русского права¹. Возвращение интереса исследователей к этой теме означает преодоление того разрыва, который образовался в советский период, и восстановление богатой дореволюционной историографической традиции.

В связи с тем, что первоисточником всякого церковного права признаётся божественная воля, книги Священного Писания занимают приоритетное положение в этой системе. Эта проблема была

¹ Рожнов А. А. Религиозные основы уголовного права Московского государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 4. С. 100–104; Беспалько В. Г. Книга Бытия как первоисточник норм уголовного права. М., 2008 и др.

поставлена и осмыслена достаточно рано – в одном из своих правил Карфагенский собор определил перечень книг Писания, составляющих канонический список: «Постановлено такожде, да не читается ничто в Церкви под именем Божественных Писаний, кроме Писаний канонических. Каноническия же Писания суть сии: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус Навин, Судии, Руфь, Царств четыре книги, Паралипоменон две, Иов, Псалтирь, Соломоновых книг четыре, Пророческих книг дванадесять, Исаиа, Иеремиа, Иезекииль, Даниил, Товиа, Иудифь, Есфирь, Ездры две книги. Новаго Завета: четыре Евангелиа, Деяний Апостолов одна книга, посланий Павла четырнадцать, Петра Апостола две, Иоанна Апостола три, Иакова Апостола едина, Иуды Апостола едина, Апокалипсис Иоанна едина»¹.

Формально книги Ветхого и книги Нового заветов обладали равной силой, попытки противопоставить оба завета опровергаются цитатой из Матфея: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17). Более того, в состав кормчих книг, имевших хождение на Руси, включались тексты, представляющие собой выдержки из ветхозаветных книг. Это, прежде всего, так называемое «Избрание от закона Моисеева», представляющее собой преимущественно уложения о наказаниях, включающее также некоторые нормы брачно-семейного и обязательственного права, заимствованные из библейских книг Исход, Левит, Числа, Второзаконие. В литературе, посвященной источникам церковного права, утверждается, что в русскую правовую традицию этот памятник был привнесен в составе Кормчих Аристиновой редакции, полученной митрополитом Кириллом II из Болгарии в 1262 году (в печатной Кормчей «Избрание от закона Моисеева» составило гл. 45)². Между тем ряд положений «Избрания» находят отражение и в более ранних памятниках – например, в уставе князя

¹ Правила святого поместного карфагенского собора // Правое право-ведение. М., 2005. С. 516.

² См., например: *Горчаков М.* О тайне супружества. СПб., 1880. С. 159–160; *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Казань, 1903. С. 209.

Владимира Святославича (о вмешательстве в драку жены одного из ее участников – ст. 9 Устава и гл. 24 «Избрания»).

«Избрание» (под другим названием – «Месяца 3-го ишествия сыновъ Израилевъ от земля Егупетьская») было помещено также в составе так называемого Пушкинского сборника, который представлял собой своеобразный свод правовых установлений, действовавших в новгородской земле в XIII–XIV веках.

На деле, конечно, возникала масса противоречий и неудобств при попытках применять на практике правовые установления, относящиеся совсем к другой эпохе и выработанные в других хозяйственно-экономических и культурных условиях. Далекое не все нормы, подходящие для скотовода-иудея, могли быть применены и могли найти понимание среди земледельцев-славян. Во многом это обстоятельство объясняет многочисленные случаи недействующих норм церковного права (будучи переписываемы из одного сборника правовых норм в другой, на практике они не применялись) или отдельные статьи в источниках права древнерусского происхождения, появление которых вызывают недоумение в виду их очевидной несвязанности с реалиями древнерусской жизни. В качестве примера здесь можно привести элемент ст. 9 Устава князя Владимира Святославича преступлений («два друга иметася бити, единого жена иметь за лоно другаго и раздавить, или кого застануть с четвароножиною»)¹, который является механическим заимствованием из источников, пересказывавших нормы Ветхого завета (Второзаконие, 25; 11–12; Левит, XX, 15–16). Понятно, что в более поздних источниках права и в свидетельствах о судебной практике мы не находим следа этой нормы.

Можно также привести в пример положения Устава князя Ярослава о воспрещении брачно-сексуальных отношений между близкими родственниками и свойственниками², которые формально имеют прямую аналогию в главах 18 и 20 книги Левит, но при этом статьи древнерусского памятника свободны от постулата «мерзости» поло-

¹ Устав князя Владимира Святославича. Синодальная редакция // Российское законодательство X–XX веков. Т. I. М., 1984. С. 149.

² Устав князя Ярослава. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX веков. Т. I. М., 1984. С. 190.

вых отношений, который наполняет соответствующие статьи ветхозаветного текста.

Также из текстов памятников церковного права видно, что в среде древнерусского духовенства вызывало недоумение отчетливо прослеживающее в ветхозаветных текстах уничижительное отношение к женщине. Следовать ли такому отношению в повседневной практике? – с таким вопросом обращались священники к иерархам православной церкви. Например, один из вопросов Саввы в «Вопрошаньи Кирика» посвящён именно этой проблеме и в ответе подчеркивается, что женщина не является существом иного качества, нечистым, по сравнению с мужчиной¹.

Непосредственно в положениях книг Нового завета Церковь видела основания, касавшиеся устройства церковной организации и её основных функций. В частности, в книгах Священного Писания церковные деятели находили указание на право духовного сословия получать содержание от паствы: «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои...» (Лк. 22, 19). В послании апостола Павла эта мысль находит дальнейшее подкрепление: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования» (1 Кор. 9, 13–14).

В книгах Нового завета были установлены таинства и определены особенности их осуществления: крещения («Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» – Мф. 28, 19), евхаристии («И взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое...» – Лк. 22, 19) и покаяния («Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» – Мф. 18, 18).

Наконец, в этом же источнике можно найти указание на право осуществления судебной власти представителями Церкви, со-

¹ Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. № 2. Ст. 53.

ответственно, на необходимость существования особого от светского церковного суда: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви непослушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (Мф. 18, 15–17).

Часто встречающиеся в источниках церковного права древнерусского происхождения требования к кандидатам на замещение церковных должностей также находят свои истоки в книгах Священного Писания: «Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннлюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» (1 Тим. 3, 2–7).

Соответственно, и в грамотах, исходящих от высших церковных иерархов, нередко можно встретить прямые отсылки к божественному откровению. Например, при определении требований к кандидатам в священники митрополит Фотий отвечал в одной из своих грамот в Псков «А что ми пишете, что который попъ овдовеет, и онъ ся женить; ино то безчинъственно есть: понеже не земаго царя той бысть служитель, но небеснаго. И который ради сладострастья сътворивъ такое оженится, а полъ тела своего мертвенаго земли предать, и той убо преобидить Божье служительство»¹. В этом тек-

¹ Митрополита Фотия грамота в Псков с наставлениями о различных предметах церковной дисциплины // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. № 51. Ст. 430.

сте подразумевается ссылка на широко известное место в Новом Завете, которое цитирует сам митрополит Фотий в одном из своих более поздних посланий: «... иже глаголет Христось: «оставить, рече, человекъ отца и мать и прилепится жене своей и будета оба въ плоть едину»¹. Именно опираясь на это высказывание Иисуса Христа, Фотий утверждает, что смерть супруги священника означает смерть и погребение половины его собственного тела, после чего вступление в брак такой «ущербной» личности, конечно же, становится противоестественным. Аналогичное требование в грамоте митрополита Фотия предъявляется и к супруге священника, пережившей своего мужа: «А попадье тако же нелепо ходити за мужь: понеже едино бысть тело преже съ своимъ мужемъ, и то убо есть яко поль тела мертваго»².

Таким образом, книги Ветхого и Нового завета, утверждённые церковными соборами в качестве канонических, являлись наиболее авторитетными источниками церковного права, которым не должны были противоречить положения других источников той же подсистемы. Вместе с тем их применение носило не прямой характер, а опосредованный, – из книг Священного Писания брался общий дух, общий подход, в соответствие с которым приводились конкретные правовые предписания. Несмотря на то, что формально книги Ветхого и книги Нового заветов имели равную силу, ветхозаветные правые установления находили гораздо меньше понимания, а соответственно, и меньшее применение в регулировании общественной жизни средневековой Руси.

¹ Митрополита Фотия поучение о важности священного сана и обязанностях священнослужителей // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. № 60. Ст. 511.

² Митрополита Фотия грамота в Псков с наставлениями о различных предметах церковной дисциплины // Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. № 51. Ст. 430.

§2. Решения соборов

Среди древнерусских источников брачно-семейного права церковного происхождения важное место занимали постановления соборов – как вселенских, так и поместных.

Наименее изученными являются решения соборов, происшедших в русских землях в период XI–XVI веков. Предпринимавшиеся в начале XIX века попытки систематизировать сведения о церковных соборах носили во многом наивный характер и изобиловали ошибками, такими как нарушение хронологии и некритическое восприятие фальсификаций исторических памятников¹. С середины-конца XIX в. появляется сразу целый ряд работ, отличающихся гораздо большей системностью в изложении материала, критикой источников и стремлением охватить гораздо больший фактический материал, систематизировав его². В последующее время решениям церковных соборов уделялось всё меньше внимания и в современной историко-правовой науке не существует специального исследования по соборным приговорам как источникам русского церковного права. Однако существуют обстоятельные исторические исследования, ставящие проблему классификации соборов и их комплексного изучения. Учитывая многозначность термина «собор»

¹ *Амвросий*. История российской иерархии. Ч. I. М., 1807; *Турчанинов Н. О.* О соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича. СПб., 1829.

² *Макарий (Булгаков М. П.)*. История русской Церкви. Т. 1–12. СПб., 1857–1883; *Голубинский Е. Е.* История русской Церкви. Т. 1–2. М., 1881–1904 и др.

П. И. Гайденко предлагает различать несколько явлений церковной жизни: 1) собор как регулярно созываемый высший орган управления церковью, в сферу компетенции которого входит рассмотрение вопросов обустройства канонической жизни поместной церкви, её литургической практики, а также догматические и иные вероучительные вопросы; 2) собор как совместная служба духовенства; 3) собор как съезд епархиального духовенства; 4) собор как особый чтимый праздник, собрание верующих в честь кого-либо из святых; 5) собор как судебное заседание или совместное обращение высшего духовенства к княжеской власти; 6) собор как главный и кафедральный (с местом служения для епископа) храм¹. Решения, которые становились источниками права, принимали высшие органы церковного управления, которые в этой классификации соответствуют первому типу. Именно они и будут рассматриваться в рамках данного параграфа и в его рамках термин «собор» будет употребляться именно в этом значении высшего органа церковного управления.

Классификация церковных соборов возможна на основании выявления цели, ради которой собирался собор. В этом случае первую, наиболее обширную группу, составляют соборы, созывавшиеся для поставления митрополитов и высших церковных иерархов. К этой группе относится первый русский церковный собор, упоминаемый в летописях (1051 г.): «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина въ святей Софьи, собравъ епископы»². Из летописного сообщения видно, что целью, ради которой собирался собор, было поставление нового митрополита, которым стал Илларион, первый русский по происхождению митрополит.

С этим собором можно связать целую группу других церковных соборов, созываемых для поставления митрополита. Например, в 1147 г. митрополитом был поставлен Климент: «Изяславъ постави митрополита Клима, калугера, Русина, особъ с шестью епископы,

¹ Гайденко П. И. О высшем церковном управлении в Киевской Руси: к вопросу о церковных соборах как высшем органе управления // Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 9–11.

² Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.-Л., 1950. С. 104.

месяца июля въ 27...»¹. Лаврентьевская летопись специально отмечает, что новым митрополитом стал русский по происхождению, а Новгородская первая летопись дополнительно обращает внимание на то, что поставление Климента являлось актом самостоятельной политики князя Изяслава без обращения к константинопольскому патриарху: «...ставилъ бо его [Климента – Ю. О.] бяше Изяславъ съ епископы Рускыя области, не славъши къ Цесарюграду...»². Никоновская летопись ещё более подробно повествует об этих событиях: «...князь велики Кіевскій Изяславъ, сынъ Мстиславль ...советова съ епископы своими Русскими, яко, метежа ради и многихъ волненій, не возможно ити въ Константиѣградъ къ патріарху ставитися митрополиту на Русь. ... и сице собравшесе шесть епископовъ, поставиша себе митрополита Кіеву и всей Руси инока Клименъта»³.

В тех случаях, когда митрополит назначался из Константинополя, церковный собор не собирался, а летописец использовал другую конструкцию, например: «В то же лето прииде Костянтинъ митрополит в Русь»⁴. Не всегда имелась возможность проявить самостоятельность и выбрать митрополита из своих кандидатов, не обращаясь к решению Константинополя. Избранный в 1147 г. митрополитом Климент Смолятич был вторым русским по происхождению митрополитом после Иллариона, также избранного на церковном соборе в 1051 г. Борьба за самостоятельность русской Церкви была сложной и инициатива князя Изяслава Мстиславича поставить русского митрополита во многом стала возможной благодаря тому, что константинопольский патриарший престол пустовал до конца 1147 г.

Тот факт, что новый митрополит не был назначен константинопольским патриархом, дал серьёзные основания для возникновения оппозиции, аргументы которой, высказанные новгородским архиепископом Нифонтом, сохранились в новгородской летописи:

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 299.

² Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 138.

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 9. СПб., 1862. С. 172.

⁴ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку... С. 146.

«а Нифонтъ тако молвяше: «не достоины есть сталь, аще благословенъ есть от великаго сбора, ни ставленъ»¹. В Ипатьевской летописи аргументы оппозиции изложены ещё подробнее: «не есть того въ законе, яко ставити епископомъ митрополита безъ патриарха, но ставитъ патриархъ митрополита; а не поклониве тис я, ни служиве съ тобою, зане не взялъ еси благословенія у святое Софьи, ни отъ патриарха...»². В результате поставления митрополита в обход константинопольского патриарха произошёл первый серьёзный раскол русской Церкви на сторонников митрополита Климента и митрополита Константина, рукоположенного в киевские митрополиты по просьбе Юрия Долгорукого.

После Флорентийской унии 1439 г. на константинопольском престоле оказался патриарх-униат, принимать от которого митрополита было решительно невозможно. После низложения Исидора великий князь московский Василий Васильевич так и не смог добиться от патриарха разрешения самим поставить нового митрополита, поэтому на основании консультаций с духовенством в декабре 1448 г. состоялся великий собор, поставивший митрополитом Иону: «Въ лето 6957, месяца Декабря 15, поставленъ бысть на митрополью всея Руси епископы Русскими: Ефремомъ Ростовскимъ, Авраіемъ Суздальскимъ, Варламомъ Коломенскимъ, Питиримомъ Пермскимъ. А Новгородской архіепископъ Евфимій и епископъ Тферскій грамоты свои прислаша, что съ ними единомыслени на поставленіе на митрополью Ионы, владыки Рязанского»³. Поставление нового православного митрополита совершилось таким образом вопреки константинопольскому патриарху. Этот шаг означал дальнейшее укрепление самостоятельности русской Церкви и последующие митрополиты избирались русскими епископами. Е. Е. Голубинский так писал об этом коренном повороте в формировании митрополичьей

¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку... С. 138.

² Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1843. С. 30.

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 74.

власти: «Св. Иона был поставлен в митрополиты в самой Москве, своими русскими епископами и без дозволения патриарха, по той причине, что патриархи константинопольские со времени собора Флорентийского были униатами. Но вскоре после его поставления в митрополиты на кафедру патриаршую снова и навсегда возвратились патриархи православные, и однако его преемники начали быть ставимы, как поставлен был он, – в самой Москве, своими русскими епископами и без дозволения патриархов...»¹.

В 1461 г. состоялся собор, который ещё при жизни митрополита Ионы определил в его преемники ростовского архиепископа Феодосия, а само решение было оформлено соборной грамотой: «И господинъ нашъ и отецъ Иона Митрополитъ Кіевскій и всеа Руси, разсудивъ по божественнымъ и священнымъ правиломъ, и обговоривъ съ своимъ сыномъ съ Великимъ Княземъ Василюемъ Васильевичемъ, да и съ нами съ своими богомолци, избралъ и благословилъ на тотъ превеликій степень святительства ... на ту святейшую митрополью Русскую, господина и брата нашего старейшаго Феодосія Ростовскаго Архіепископа...»².

Вслед за Феодосием в 1464 г. собором русских иерархов был поставлен митрополитом епископ суздальский Филипп: «Князь же великій Иванъ посла по братью свою и по вся епископы земли своеа, такоже и по архимандриты и игумены честныа. И якоже снидошася князя, братіа великого князя, и вси епископы земли Русьскія и весь освященный соборъ, архимандриты и игумены и протопопы и прочіи священници, изволеніем же великого князя и его братіи и всехъ епископовъ, бывшихъ тогда на избраніи томъ, и всего священнаго собора избраша Суздальскаго епископа Филиппа быти митрополитомъ всеа Русіи»³. Показательно, что в деятельности церковного собора вновь активное участие принимают светские лица

¹ Голубинский Е. История русской Церкви. Т. 2. М., 1900. С. 507.

² Соборная грамота тверскому епископу Геннадию 1461 г. // Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 69. С. 121.

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 116.

(великий князь и другие князья), поскольку избрание главы митрополии является не только внутрицерковным, но и общегосударственным делом. Такой же характер носили и последующие соборы о поставлении митрополитов: в 1473 г. был избран митрополит Геронтий¹, в 1490 г. – митрополит Зосима², в 1495 г. – митрополит Симон³, в 1511 г. – митрополит Варлам⁴, от 1539 г. сохранилось подробное описание поставления митрополита Иоасафа⁵ и др.

Не только митрополиты, но и другие высшие иерархи поставлялись церковными соборами. Например, в 1472 г. новгородским архиепископом был поставлен Феофил⁶, в 1490 г. – коломенский епископ Авраамий⁷, в 1515 г. – смоленский епископ Иосиф⁸, в 1517 г. – суздальский епископ Геннадий⁹ и др.

Ещё одна группа церковных соборов может быть выделена по прямо противоположной цели – собиравшиеся не для поставления высших церковных иерархов, а для осуждения руководителей епархий. Так, в 1169 г. в Киеве собрался собор для осуждения ростовского епископа Феодора, который был подвергнут членовредительскому наказанию, после чего казнён: «Посла же его Андрей митрополиту в Киевъ, митрополитъ же Костянтинъ повеле ему языкъ урезати, яко злодею и еретику, и руку правую утяти, и очи ему выняти, зане хулу измолви на святую Богородицю...»¹⁰.

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 154.

² Там же. С. 223–224.

³ См. подробнее об обстоятельствах его избрания: *Голубинский Е.* История русской Церкви... С. 610–611.

⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью... // Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1904. С. 14.

⁵ Чин поставления митрополита Иоасафа, с присовокуплением избрания его 1539 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 184.

⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 143.

⁷ Там же. С. 227.

⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1904. С. 23–24.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 338.

В 1311 г. состоялся церковный собор в Переяславле Залесском. Поводом для его созыва послужили обвинения, выдвинутые тверским епископом Андреем против митрополита Петра и тайно направленные в Константинополь¹. Собор был созван представителем константинопольского патриарха Афанасия, специально прибывшим для рассмотрения обвинений. По итогам бурной дискуссии митрополита Петра признали невиновным, а собираемую плату за поставление – соответствующей практике православной Церкви. Особенностью собора 1311 г. является его церковно-земский характер: в его работе принимали участие как духовенство (епископы тверской и ростовский, монахи и священники), так и светские лица (тверские князья Дмитрий и Александр Михайловичи, другие князья и бояре)².

В 1390 г. при митрополите Киприане в Твери состоялся церковно-земский собор, имевший целью осуждение тверского епископа Евфимия: «А на четвертый день соборашя архимандриты, и игумены, и презвитеры, и дьякони, и весь священнический и иноческый чинъ къ великому князю; онъ же созва боаре свои и съвокупи обои во едино место, и священный съборъ, и мирскихъ съборъ, и посла къ Киприану митрополиту всеа Руси»³. Евфимий был лишён сана, а на его место позднее был поставлен Арсений.

В 1401 г. состоялся соборный суд во главе с митрополитом Киприаном над новгородским архиепископом Иоанном и епископом Луцким Саввой, в результате чего Иоанн временно покинул кафедру, а Савва лишился своей епископии (помимо них в деятельности собора принимали участие ещё 7 владык): «...бысть съборъ на Москве, месяца Июля, при пресвященнемъ митрополите Киприане Киевскомъ и всеа Руси; въ соборе же было владыкъ 9: архіепископъ Великаго Новагорода Иванъ, архіепископъ Черниговскій Исакій, архіепископъ Ростовскій

¹ Подоплёкой этого церковного конфликта являлось противостояние Московского и Тверского княжений: митрополит Пётр (ум. 1326 г.) поддерживал московского князя Юрия Даниловича в споре за великокняжеское достоинство с тверским князем Михаилом Ярославичем.

² Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. II. М., 1900. С. 106–108.

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897. С. 124.

Григорій, Нафанаиль епископъ Суздальскій, Ефросинъ епископъ Рязанскій, Арсений епископъ Тферскій, Феогнасть епископъ Сарскій и Подонскій, Григорей епископъ Коломенскій, Сава епископъ Лутцкій»¹.

В 1441 г. собранный в Москве из числа епископов, архимандритов и игуменов собор осудил и низложил митрополита Исидора, одного из виновников составления Флорентийской унии. В 1455 г. митрополитом Ионой был созван собор для осуждения ростовского архиепископа Феодосия, чьё распоряжение нарушило установления, касающиеся соблюдения поста. Феодосий сумел сохранить кафедру благодаря раскаянию и обещанию твёрдо придерживаться установленных церковных правил: «И тако сотворися мною грешнымъ таковое новоначалственное въ церкви Божьи злое безчинство. Господинъ же нашъ ... и учитель нашъ Иона Митрополитъ Кіевскій и всеа Руси, по своему святителскому долгу ... собравъ о себе божественный и священный Съборъ, о Святемъ Дуси своихъ сыновъ и сослужебниковъ, Руськіа митропольи Епископовъ... Азь же грешный Феодосіе, пришедъ въ чювьство и поуразумевъ свой злый грехъ и свое преступленіе, и отъ усердьства всею душею со многими слезами покаяхся ... о своемъ сотвореномъ злемъ новоначалстве, и прокляхъ его...»².

В 1478 г. архиепископ ростовский Вассиан потребовал созыва собора, который должен был рассудить его тяжбу с митрополитом Геронтием касательно подведомственности Кириллова Белозерского монастыря: «Архиепископъ же билъ челомъ великому князю Ивану Васильевичу и начя суда просити по правиломъ съ митрополитомъ. ... Князь же великій ... повеле собору быти, всемъ епископомъ и архимандритомъ, на Москве и даде судъ архіепископу на митрополита»³. Любопытно, что это дело, начатое нижестоящим иерархом против главы русской Церкви, было им выиграно и Кириллов монастырь был вновь передан в ведение Ростовской епархии.

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897. С. 185.

² Исповедание Ростовского архиепископа Феодосия 1455 г. // Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 57. С. 105–106.

³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 190.

В тех случаях, когда уход митрополита со своего поста оформлялся в качестве добровольного самостоятельного решения, он обращался к собору за формальным разрешением. Например, от 1539 г. сохранилась отречённая грамота митрополита Даниила, в которой он упоминает о такой просьбе к собору: «Се язъ смиренный бывшій Митрополитъ Даниль всея Руси ... отрекохся митрополіи и всего архіерейскаго деиства отступихъ, и молихъ всего освященнаго събора, Архіепископа Макарія Великаго Новагорода и Пскова и всехъ еже о Христе епископскый съборъ, да простятъ ми и не позазрятъ моему отступленію отъ святительства и молятъ Государя Великаго Князя отпустити мя въ молчалное житіе...»¹.

Соборные суды нередко вершились не только над иерархами, но и над другими известными личностями. К примеру, в 1525 и 1531 г. собирались соборы для разбора дела и осуждения Максима Грека (по обвинению в ереси, политических и уголовных преступлениях)². Таким образом, к решениям соборов, созывавшихся для осуждения кого-либо из высших иерархов Церкви, примыкают соборные приговоры, направленные против еретиков – у них общая цель, но разные объекты.

В конце XV – начале XVI веков высшее духовенство несколько раз собиралось на соборы для противодействия распространению еретических движений. Среди них наиболее известен собор 1490 г.: «Тоя же осени, Октября въ 17, повеленіемъ великаго князя Ивана всея Русіи, пресвященный митрополитъ Зосима всеа Русіи, и архіепископъ Тихонъ Ростовскій, и епископи Ніфонть Суздальскій, Семіонъ Рязанскій, Васіанъ Тферскій, Прохоръ Сарскій, Филофей Пермскій, и архимандрити и игумени, и весь священный соборъ Русскіа митрополіи, соборовали на Захара чернца, и на Новгородцкаго протопопа Гав-

¹ Отреченная грамота митрополита Даниила 1539 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 185. С. 163.

² См. подробнее: Прение Даниила митрополита Московского и всея Руси со иноком Максимом святогорцем // Чтения Общества истории и древностей. 1847. № 7; Отрывок следственного дела о Иване Берсене и Федоре Жареном от 1525 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 172; Голубинский Е. История русской Церкви... С. 712; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971 и др.

рила, и на Дениса попа Архангельского, и на Максима попа Иоановского, и на Василья попа Покровского, и на Макария діака Николско-го, и на Гридю діака Борисоглебского, и на Васюка зятя Денисьева, и на Самуху діака Николского»¹.

От деятельности этого собора сохранился соборный приговор, который неоднозначно оценивается в историко-правовой науке². Приговор открывается предъявлением многочисленных обвинений еретикам (преимущественно белому духовенству – попам и дьякам), при этом указывается, что уже после следствия, проведенного новгородским архиепископом Геннадием обвинённые в ереси лица отказались от своих показаний, сославшись на то, что они были получены под пытками: «И вы паки, приехав на Москву здесе били есте челом государю великому князю на Генадия архиепископа о том, что, рекши, он вас имал и ковал и мучил изо имениа, да грабил животы ваши»³. Преступления, которые инкриминировались обвиняемым, представляют собой широкий круг деяний против Церкви и православной веры: «мнози от вас ругались образу Христову и Пречистые образу, написаным на иконах, ... ругались кресту Христову, ... на многиа святыя иконы хулные речи глаголали, ... святыя иконы щепляли и огнем сжигали, ... крест силолоен зубы искусаи... святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, ... святыя иконы в лоханю метали... А инии от вас на самого господа нашего Иисуса Христа сына божья и на пречистую его богоматерь многиа хулы изрекли, ... господа нашего Иисуса Христа сыном божиим не звали, ... на великих святителей и чудотворцев да и на многих преподобных святых отець хулные речи износили, ... всю седмь собором святых отець

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 224.

² См., например: *Руднев Н.* Рассуждение о ересьях и расколах, бывших в русской Церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М., 1838; *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1999. С. 108–110; *Долгов С. О.* Московский собор 1490 г. против жидовствующих // О ереси жидовствующих. М., 1902; *Казакова Н. А., Лурье И. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л., 1955 и др.

³ Соборный приговор 1490 г. // *Казакова Н. А., Лурье И. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л., 1955.

похулиша, ... во вся говения ели мясо и сыры и яйца и млеко, и меж говения в среду и в пятницу також ели мясо и сыр и яйца и млеко. А вси есте чли субботу паче възкресения Христова. А инии от вас възкресенью Христову и его святому възнесеню не веруют. Ино все то чинили есте по обычаю жидовскому, противясь божественному закону и вере христианстей»¹. Столь обширный перечень вин, очевидно, содержит как действительно имевшие место отклонения вероучения жидовствующих от православной доктрины, так и надуманные обвинения, которые еретики взяли на себя под пытками. Несмотря на то, что обвиняемые отказались на соборе от всех своих показаний и не признали себя виновными, собор осудил их как еретиков, отлучил от Церкви, лишив священнического сана: «...техъ еретиковъ ... по правиломъ святыхъ Апостоль и святыхъ Отець отъ соборныя и Апостольскія церкви отлучиша и изъ сану извергоша и въ заточеніе и въ темницы разослаша, а иныхъ же по монастыремъ»².

Собор 1504 г. продолжил преследование ереси жидовствующих, что стало возможно после удаления от власти еретиков митрополита Зосимы и дьяка Федора Курицына. Собор вынес церковное осуждение еретикам (проклятие), после чего они были подвергнуты наказанию от светских властей (часть была сожжена, остальные – разосланы в заточение и по монастырям): «Тоя же зимы князь великій Иванъ Васильевичъ и сынъ его князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи съ отцемъ своимъ Симономъ митрополитомъ всеа Русіи и со епископы и со всемъ соборомъ обыскаша еретиковъ и повелеша лихихъ смертною казнію казнити. И сожгоша ихъ въ клетке: діака Волка Курицыны да Митю Коноплева да Ивашка Максимова...»³.

Как уже указывалось выше, в 1525 и 1531 гг. церковными соборами был осуждён Максим Грек, в том числе и за ересь. В 1553 г.

¹ Соборный приговор 1490 г. // Казакова Н. А., Лурье И. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л., 1955.

² Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 227.

³ Там же. С. 259.

состоялся собор для обличения ереси Матвея Башкина¹. По решению соборного суда Башкин и его сподвижники братья Борисовы были заточены в Волоколамском монастыре, для исправления: «По душевному исправленію и по твоему исповеданію ... судихомъ пріяти тебя къ святей соборней церкви въ покаяніе и предати тебя отцу духовному ко исправленію душевному...»². В отдельной соборной грамоте, сопровождавшей заключение единомышленника Башкина, бывшего игумена Троицкого монастыря Артемия, содержалось ёмкое раскрытие сущности монастырского заключения, его направленности на исправление преступника: «...и юза ему соборная отъ насъ наложена есть, яко быти ему въ отлученіи и необщениіи совершенно, дондеже обратится отъ своего нечестія и въ конецъ покаются и исправится воистинну, и тогда вся о немъ да совершатся по священнымъ правиломъ. И того ради повелехомъ дати ему единого отъ достоверныхъ православныхъ иноковъ презвитера и да исповедается ему и кается, и той священникъ да смотритъ и испытываетъ о немъ, аще истинно есть покаяніе его, и о томъ о всемъ извещаетъ настоятелю духовному... Подобаеть же съ великимъ разсмотреніемъ и мудрованіемъ испытovati и смотрити житья его, аще истинное есть и нелестно обращение его къ православію...»³.

Наибольший интерес для историка права представляют решения соборов, в которых рассматривалось регулирование широкого круга общественных отношений. Среди них особое место занимают владимирский собор 1273 (1274) г. и московский собор 1551 г.

В 1273 (1274) г. для поставления владимирского епископа Серапиона во Владимире был собран церковный собор в составе митрополита Кирилла, новгородского епископа Далмата, ростовско-

¹ Акты, относящиеся к собору на Матфея Башкина // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 238; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1904. С. 232–233.

² Акты, относящиеся к собору на Матфея Башкина // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 238. С. 244.

³ Соборная грамота в Соловецкий монастырь 1554 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 239. С. 254.

го епископа Игнатия, сарайского епископа Феогноста и полоцкого епископа Симеона. На соборе было принято «Правило Кирилла, митрополита Русского», направленное на исправление ошибок в богослужении, церковном управлении и суде.

Решения собора 1273 (1274) г. могут быть сведены в несколько групп: 1) обличение симонии; 2) определение требований к кандидатам в священники (отсутствие добрых или внебрачных связей, состояние в законном браке, знание грамоты, отсутствие обвинений в таких пороках как пьянство, клятвопреступление, содомский или другие грехи, воровство, лжесвидетельство, смертоубийство, ростовщичество, жестокое обращение с челядью, уклонение от налогов и др.); 3) указание на ошибки, при совершении чина проскомидии, совершаемые при крещении (смешивают миро с маслом, вместо погружения крестят обливанием) и т. п.; 4) указание на недопустимость участия в языческих празднествах (против кулачных боёв, вожения невест к воде и т. п.); 5) постановления против пьянства (уличённых в пьянстве священников лишать духовного сана).

Собор 1273 (1274) г. решительно осудил симонию (продажу церковных должностей), подтвердив назначение наказания в виде лишения сана как для купившего церковную должность, так и для продавшего её¹. Отдельно члены собора подтвердили применимость этой нормы к ним самим: «Аще кто явиться от свягата нашего Сбора, или игоумена въ игоуменьство, емля от него что, свящя на мзде, рекомое посошное, или постризя мирьскаго попъ на мзде въ игоуменьство, или попа поставляеть къ церкви емля оу него что, да боудуть извержени, ходатаиствоующи же да боудоуть прокляти»². Осуждая симонию владимирский собор выступал против чрезмерных поборов, не затрагивая сложившуюся в Византии практику взимания фиксированной платы за поставление в церковную степень. Строго говоря, наличие такой платы уже являлось симонией, однако, учитывая имеющуюся традицию, собор занял двойственную

¹ Правило Кирилла митрополита Русского // Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч. 1. М., 1815. С. 108.

² Там же. С. 109–110.

позицию: осудил симонию и закрепил плату за посвящение в диаконы и священники в размере 7 гривен¹.

По характеру и содержанию своих постановлений собор 1273 (1274) года является предшественником собора 1551 г. – оба соборных приговора стремятся обличить недостатки церковного управления и жизни духовенства, но владимирский собор в этом отношении представляет собой первую и довольно краткую попытку, московский собор выполнил эту задачу с гораздо большим размахом.

Инициаторами созыва собора 1551 г. и идейными вдохновителями большинства постановлений собора считаются митрополит Макарий и царь Иван IV Васильевич. Перед собором была поставлена цель обновить основные сферы церковной жизни, исправить существующие пороки и недостатки, чтобы повысить авторитет Церкви в народных массах. Для решения поставленных задач собор принял целый ряд установлений, касавшихся порядка богослужений, системы церковного управления и суда, правового положения белого и чёрного духовенства, регулирования брачно-семейных отношений, заботы о нравственности прихожан.

Относительно исправления богослужений, Стоглав определил правила устройства церквей и их внутреннего убранства, организации иконописного дела и правильной переписки богослужебных книг, установил время и порядок совершения церковных служб, таинств и обрядов (литургии, венчания, крещения) и др.²

В сфере управления и суда Стоглав определил основные виды церковного суда (соборный суд, святительский суд, суд архиерейских бояр, монастырский суд), порядок и размеры взимаемых сборов (от освящения церквей, вечных пошлин и др.)³. Стоглавом были установлены основные принципы церковного суда, совпадавшие с принципами, зафиксированными в Судебнике 1550 г. (публичность, запрет волокиты и т. п.).

¹ Правило Кирилла митрополита Русского... С. 112.

² Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 279–288, 290–291, 294–296, 316–318 и др.

³ Там же. С. 318–320, 330–339 и др.

Важным нововведением Стоглава является учреждение института поповских старост, которые осуществляли контроль за добросовестным исполнением приходскими священниками их обязанностей и надзор за нравственным состоянием белого духовенства¹. При этом аналогичный контроль за чёрным духовенством не предусматривался.

Стоглав подробно определил требования, которые должны были предъявляться к поставляемым в церковные должности (поповских старост, священников, дьяконов, проскурниц и т. п.)². Значительное внимание в Стоглаве было уделено определению круга правонарушений священнослужителей и мерам церковной ответственности. Несколько глав (49-я, 52-я и др.) были посвящены исправлению пороков, широко распространённых в монастырях³.

В сфере регулирования брачно-семейных отношений Стоглав определил минимальный брачный возраст для юношей и девушек, запретил четвёртый брак и установил особенности вступления во второй и третий брачные союзы, ряд положений Стоглава касался особенностей оформления брака⁴.

Относительно нравственной и бытовой жизни прихожан Стоглав определил круг порицаемых явлений, за которые предполагалось церковное наказание (в частности, пьянство, содомский грех, лжесвидетельствование, пострижение бороды и усов и др.), а также определял общие нормы морали⁵.

В развитие решений Стоглава в мае 1551 г. был принят соборный приговор, согласно которому архиепископам, епископам и монастырям запрещалось приобретать вотчины без доклада (в случае нарушения запрета вотчина изымалась в пользу царя), а захваченные иерархами и монастырями поместные и чёрные земли предписывалось вернуть прежним собственникам⁶. Согласно этому же собор-

¹ Стоглав... С. 292–293, 297–299 и др.

² Там же. С. 284, 290–293 и др.

³ Там же. С. 321–324 и др.

⁴ Там же. С. 287–290 и др.

⁵ Там же. С. 296–297, 299–302 и др.

⁶ Соборный приговор о запрещении духовенству приобретать отчины 1551 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 227. С. 218.

ному приговору уничтожались руги и милостыни, установленные после смерти великого князя Василия Ивановича в пользу Церкви и в нарушение государственного интереса: «А въ которые будетъ монастыри, или къ которымъ церквамъ и нищимъ, въ ругахъ и въ милостыняхъ придача ново, после Великого жъ Князя Василія: и те руги и милостыни новопридачныя сыскавъ отставити...»¹.

Принятый в июне того же 1551 г. по жалобам новгородского белого духовенства соборный приговор предписывал совершать церковный суд в соответствии с принятым уложением, то есть на основании Стоглава (в частности, суд архиепископских бояр и дьяков должен проходить при участии шести соборных священников, недельщикам предписывалось давать священников и дьяконов на поруки перед десятскими священниками, не принуждать священников к судебному поединку или присяге, вершить суд без волокиты и т. п.)².

Развитию положений Стоглава посвящён также «Соборный приговор об учреждении и обязанностях московских поповских старост» (1551 г.), согласно которому в Москве учреждались семь поповских старост по количеству соборов и подробно определялись их функции³.

Другие соборы, также рассматривавшие различные вопросы церковной жизни и суда, не могут быть поставлены рядом с соборами 1274 и 1551 гг. по значению принятых ими решений. Однако их постановления также представляют определённый интерес. В 1503 г. в Москве созван был собор, поставивший на повестку ряд актуальных для Церкви вопросов: «Того же лета бысть архіепископъ Новгородцкой Генадей на Москве, и собороваша съ Симономъ митрополитомъ всеа Русіи и съ епископы, и повелеша вдовымъ попомъ и діаконемъ не пети, ни священству касатися, такоже уложиша и отъ ставленія у поповъ и у діаконъ и отъ мествъ церковныхъ по правиломъ Святыхъ Отець мзды не имати, да на томъ и грамоту утверженую написаша

¹ Соборный приговор о запрещении духовенству приобретать отчины 1551 г. ... С. 218–219.

² Соборный приговор по жалобницам новгородских священников 1551 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 229. С. 221–222.

³ Соборный приговор об учреждении и обязанностях московских поповских старост 1551 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 232. С. 227–230.

и руки свои къ ней приложиша и печати привесиша»¹. На этом соборе было вновь озвучено требование не брать плату за поставление в церковные степени, также вдовым священникам и дьяконам было запрещено проводить богослужение и церковное пение, монахам и монахиням было запрещено проживать в одних и тех же монастырях². Решения собора были закреплены в двух соборных приговорах – один о невзимании платы, другой – о вдовых священниках и о монастырях. В противоположность решениям собора 1274 г. соборный приговор 1503 г. полностью запретил взимание платы за поставление: «...отъ ставленья святителемъ, отъ Архіепискуповъ и Епискуповъ, и отъ архимандритовъ, и отъ игуменовъ, и отъ поповъ, и отъ діаконовъ, и отъ всего священническаго чина, не имати ничего..., но коегождо чина священническаго безъ мзды и безъ всякого дара поставляти и на его место отпущати...»³. В этом же приговоре был определён минимальный возраст для поставления: в поддьяки – с 20 лет, в дьяконы – с 25, в священники – с 30. Нарушивший соборное предписание не брать платы с поставления священников архиепископ новгородский Геннадий уже в 1504 г. был лишён кафедры: «...Генадіе архіепископъ Великого Новагорода и Пскова оставилъ престолъ свой за немощь, неволею, понеже бо пріехавъ съ Москвы на свой престолъ въ Новгородъ въ Великій и начять мзду имати у священниковъ отъ ставленія наипаче перваго, чрезъ свое обещаніе...»⁴. Однако после смерти великого князя Ивана III Васильевича это установление перестало действовать.

В 1547 и 1549 гг. по инициативе митрополита Макария созывались церковные соборы для канонизации святых (собор установил девять новых местных святых, восемь новых общецерковных и двадцать два местных святых были провозглашены общецерков-

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. С. 257.

² Соборное определение о вдовых попах и диаконах 1503 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 383. С. 486.

³ Соборное определение о невзимании со священнослужителей мзды за хиротонию 1503 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 382. С. 484–485.

⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. ... С. 258.

ными)¹. В 1564 г. на церковно-земском соборе был определён чин поставления митрополита².

В 1572 г. царь Иван IV Васильевич обратился к церковному собору с просьбой разрешить ему вступить в четвёртый брак. Церковное право категорически запрещало четвёртый брак, а в истории Византии вступление императора Льва VI в четвёртый брак привело к отлучению его от Церкви и длительному конфликту светской и церковной властей. В соборном определении по этому случаю были подробно изложены причины, могущие оправдать заключение брака (предыдущие жёны были отравлены врагами, третий брак, фактически, не состоялся, так как Марфа Собакина умерла через две недели, «телесная нужда» самого царя и малолетство его детей), разрешение вступить в брак и епитимья, наложенная на царя собором³.

Церковно-земский собор января 1580 г. указал на то, что земли, находящиеся в руках монастырей, запустевают, а стяжательство монастырей усугубляет тяжёлое положение Московского государства: «В сих же и в нас внесена быша некая, яко возложеная богови, села и пожни, или иная угодия земленая, яко же по священным епископиям и по святым монастырем в пустош изнуряютца ради пьянственного и непотребного слабого жития многообразне, многая ж в запустения приидоша. ... И сия убо по монастырем в пустош изнуряхуся паче потребы, а воинственному чину от сего оскудение приходит велие»⁴. В результате наряду с подтверждением принципа неотчуждаемости церковных и монастырских вотчин, соборный приговор конфисковал княженецкие вотчины, переданные монастырям, и запретил церквам и монастырям впредь приобретать земли и давать закладные на вотчины.

¹ См.: Окружная грамота митрополита Макария на Вологду и Белоозеро 1547 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 213. С. 203–204; Голубинский Е. История русской Церкви. Т. 2. М., 1900. С. 772.

² Чин поставления митрополита 1564 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 264. С. 297–300.

³ Соборное определение о четвертом браке царя Иоанна Васильевича 1572 г. // ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 284. С. 329–332.

⁴ Приговор церковно-земского собора 1580 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 27.

Таким образом, решения церковных соборов в системе источников русского церковного права занимают значимое место. Соборные приговоры включают в себя нормы, регулировавшие широкий круг общественных отношений: организации церковного управления, гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений. Сами соборы можно классифицировать по цели из созыва, выделив три основные группы: 1) соборы, собиравшиеся для поставления митрополита или других высших иерархов Церкви; 2) соборные суды для осуждения высших иерархов или еретиков; 3) соборы, созывавшиеся для рассмотрения и решения широкого комплекса вопросов, касавшихся различных сфер церковной жизни.

Для раскрытия сущности этого вида источников приводим Соборную грамоту русских епископов 1458 г.¹ Хотя в грамоте не указаны имена всех принимавших участие в её составлении высших духовных лиц, скорее всего, он совпадал с кругом участников церковного собора 1455 г. в Москве. К их числу относились архиепископ ростовский Феодосий, епископ суздальский Филипп, епископ рязанский Евфросин, епископ коломенский Геронтий. Собрание высших иерархов имело две цели, отразившиеся в грамоте: во-первых, осудить прежнего митрополита Исидора и продемонстрировать единство стоящих за митрополитом Ионой русских иерархов; во-вторых, посвящение участников собора в сан и подтверждение ими верности митрополиту Ионе и его преемникам.

По благодати Господа Вседержителя, и милостию Пречистыя Владычица наша Богородица, и молитвою великаго Петра Митрополита Чюдотворца Русскаго сдохомся въ церковь сворную Пречистыя Владычица наша Богородица, еже есть на Москве, койждо насъ отъ своя епископы, къ своему господину Великому Князю Василию Васильевичу, всеа Русскія земли Самодержцу, и къ своему отцу Ионе Митрополиту всеа Руси.

По избранію же Святаго Духа, въ той же церкви сборной Святыя Богородица и у гроба святаго Петра Митрополита Чюдотворца

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 61. С. 108–110.

Русского, и по велению господина нашего Великого Князя Василия Васильевича всея Руси, прияхомъ рукоположеніе, койждо насъ, отъ своего господина и отца нашего Ионы Митрополита всея Руси, койждо насъ, на своя престолы и епископыи.

Азъ смиренный Архієпископъ Ростовскій и Ярославскій Феодосій прияхъ рукоположеніе, по избранію Святаго Духа и по повеленію господина своего и отца Ионы Митрополита всея Руси; такожь и азъ смиренный Епископъ вогоспасаемаго града; въ той же сворной церкви Святыя Богородица, на Москве, у Петрова гроба Чюдотворца Русскаго, снидохомся о всякомъ благочестье, и на утверженіе правыхъ веленій православныя нашея християнскія веры, и на сохраненіе церковныхъ преданій, еже предано бысть намъ святыми правилами святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець богоносныхъ вселенскихъ учителей, и неразлучно утвердити о Святемъ Дусе миръ и любовь и соединеніе, церковного ради утверженія и тишины, якоже по прежнему изначальству, обща преданія предаша намъ всемъ православнымъ християномъ.

Ныне же видимъ самѣми вещьми явлене, яко грехъ ради нашихъ, по попущенію и по гневѣ Божию и по действию общаго супостата православію и губителя душамъ нашимъ діавола, еще же и еретичества ради отступника православныя християнскія веры, Исидорова ученика Григорія, отвѣрженаго отъ святыя сворной церкви и проклятого (понеже единомысленици и учителя Флорентійскаго Латинскаго Свора), иже именуетъ себе Митрополитомъ Кіевскимъ, и смущенія ихъ ради православію.....; разделеніе бысть святымъ Божиимъ церквамъ, Московской сворной церкви съ Кіевскою церковью, и въ томъ разделеніи православію великое пагубство бысть.

Обещаніе же предъ Богомъ дахомъ, предъ святыми Ангелы, на своемъ поставленіи, своему господину и отцу Ионе Митрополиту всея Руси, что намъ отъ святыя церкви сворной Московскія Святыя Богородица быти неотступнымъ, и отъ нашего господина и отца Ионы Митрополита всея Руси также быти неотступнымъ и повинуватись ему во всемъ.

И кто по его отшествіи къ Богу, иный Митрополитъ поставленъ будетъ, по избранію Святаго Духа и по святымъ правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець, и по повеленію господина нашего Великого Князя Василия Васильевича, Русскаго Самодръжца,

въ той сборной церкви Святыя Богородици, на Москве, на той великій престолъ, у гроба святаго Петра Митрополита Русскаго Чюдотворца: и намъ Архіепископомъ и Епископомъ Русскія митрополїи также быти отъ святыя сборныя церкви Московскія Святыя Богородица неотступнымъ, и отъ того Митрополита также неотступнымъ быти, и споследовати и повиноватися ему во всемъ, во всехъ духовныхъ делахъ въ церковныхъ, и о всякомъ благочестье быти съ нимъ заедино.

А что прежнего оного отступника отъ благочестья православныя нашея веры христїанскія, Исидора прежебывшаго Митрополита Русскаго, и его ученика и единомысленика, ныне же на церковь Божью развратника, прешедшаго отъ Рима Григорія, отлученнаго отъ святыя сборныя церкви, иже именуется себе Митрополитомъ Кїевскимъ: и намъ Архіепископомъ и Епископомъ Русскія митрополїи къ тому Григорью не приступати, ни грамотъ намъ отъ него не прїимати никакихъ, ни совета съ нимъ не имети ни о чемъ же.

А о всемъ последуемъ и повинуемся господину своему и отцу, пресвященному Іоне Митрополиту всея Руси, еже его поставили Митрополитомъ, по избранію благодати Святаго Духа и по вожественнымъ священнымъ правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець, въ сборной церкви Пречистые Богородици, на Москве, у гроба святаго Чюдотворца Петра Митрополита Русскаго, или кто по немъ иной Митрополитъ вѣдетъ на той великій престолъ Русскія митрополїи поставленъ въ сборной церкви Святыя Богородици, на Москве, у гроба святаго Чюдотворца Петра Митрополита Русскаго; и отъ того Митрополита также быти намъ неотступнымъ и повиноватися ему во всемъ.

Соборная грамота тверскому епископу Геннадию (1461 г.)¹. Грамота представляет собой соборное послание высшего духовенства тверскому епископу с сообщением о том, что митрополит Иона перед смертью выразил свою волю, рекомендовав избрать новым митрополитом архиепископа ростовского Феодосия. В заключительной части тверской епископ приглашается прибыть для утверждения нового митрополита.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 69. С. 121.

Благословеніе и миръ и любовь и съединеніе о Христе, во всякомъ благочестіи, и поклоненіе съ любовнымъ порадованіемъ, Филиппа Епископа Буждалскаго, Ефросима Епископа Коломенскаго и иныхъ, на совете, и съ соединеніемъ брата нашего старейшаго Юны Архіепископа Великаго Новагорода и Пъскова, также и съ соединеніемъ брата нашего Юны Епископа Перьскаго, еже о Христе брату нашему Генадью Епископу Тферскому.

О семъ тебе своему брату пишемъ, извещеніе дая, чтожъ господина и отца нашего Юну Митрополита Кіевскаго и всея Рүсін Богъ къ себе позвал; и господинъ нашъ Князь Великій Василій Василіевичъ позналъ отца своего Митрополита немощь, да насъ своихъ богомолцевъ къ себе созвалъ, да и съ своимъ отцемъ съ Митрополитомъ о томъ поговорили, что Господь Богъ позоветъ его къ себе, и онъ бы на свое место кого благословилъ, на тѣ святую Рүсскую митрополью быти Митрополитомъ.

И господинъ нашъ и отецъ Юна Митрополитъ Кіевскій и всея Рүси, разсудивъ по божественнымъ и священнымъ правиломъ, и обговоривъ съ своимъ сыномъ съ Великимъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ, да и съ нами съ своими богомолци, избралъ и благословилъ на тотъ превеликій степень святительства, въ доме Пречистыя Богоматери и къ гробу святаго великаго Чюдотворца Петра Митрополита, на тѣ святейшую митрополью Рүсскую, господина и брата нашего старейшаго Феодосія Ростовскаго Архіепископа, на свое место, да и грамоту свою благословенію, на его имя, въ святей велицей сворной церкви Пречистые Богоматери, за своею подписью и печатью, на престоле положилъ.

И мы съ тое грамоты списокъ къ тебе къ своему брату послали, и о томъ тебе своему брату пишемъ, чтобы то великое Божіе дело Господь Богъ своимъ великимъ милосердіемъ свершилъ, чтобы та святая сворная церковь безъ болшего Святителя, безъ пастыря не была, ни вдовствовала.

И ты бы, нашъ братъ, къ тому великому Божію делу былъ въ домъ Пречистые Богоматери и святаго Чюдотворца Петра, въ отчину господина нашего Великаго Князя Василія Василіевича, на Москву, на поставленіе господина и брата нашего старейшаго Архіепископа Феодосія на тотъ превеликій степень святительства, Митрополитомъ на всю Рүсь.

§3. Настольные и отречённые грамоты

В непосредственной связи с решениями церковных соборов находятся настольные и отречённые грамоты – акты, оформлявшие возведение на архиерейскую кафедру и смещение с неё. В рамках данного параграфа сводятся воедино сведения о многих известных грамотах этого типа, выделяются общие для этих грамот элементы, свидетельствующие о стоявших за ними юридических процедурах.

Настольные грамоты давались новопоставленным высшим церковным иерархам: митрополитам, архиепископам, епископам. Возведение на стол, или настолование, – древний церковный обряд, осуществлявшийся после рукоположения кандидата в сан епископа. Для этого обряда назначался особый день, когда во время литургии после прочтения Апостола и Евангелия новопоставленного епископа торжественно возводили на кафедру среди церкви. Возведение осуществляли иерархи, посвятившие его перед этим в сан.

Одной из ранних сохранившихся грамот этого вида является настольная грамота митрополита Киприана новгородскому архиепископу Иоанну (1391–1397 гг.)¹. Митрополит Киприан ссылается на авторитетные источники церковного права, с древности установившие сферу компетенции церковных иерархов и недопустимость вмешательства в неё светских людей. Вслед за тем Киприан определяет

¹ Настольная грамота митрополита Киприана новгородскому архиепископу Иоанну // Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 7. С. 16–17.

подвластность новопоставленному архиепископу новгородскому всего чёрного и белого духовенства епархии, а также подтверждает его право владеть всем церковным имуществом на территории Новгородской земли. Отличия от более ранних греческих образцов очевидно уже в этой грамоте¹. Помимо других отличий, следует выделить особое внимание, которое митрополит Киприан уделяет защите церковного имущества от посягательства мирян: «А никто бы не смел вступатися въ церковныи пошлыны, ни въ земли ни въ воду, блюлся бы казни святыхъ правилъ; а кто будетъ вступился, а тотъ бы престалъ отъ сего часа»².

Несмотря на значительную роль митрополита, избрание нового епископа или архиепископа осуществлялось церковным собором, состав которого обычно раскрывался в самой грамоте: «... съ сущими боголюбивыми архіепископомъ и епископы, и самобывшихъ на томъ святомъ избраніи и поставленіи, архіепископа и епископовъ: Юны архіепископа Великого Новагорода и Пскова, Феодосіа архіепископа ростовскаго и ярославьскаго, его поволною грамотою, Еуфимія епископа суждальскаго и торусскаго, Давида епископа рязаньскаго и муромскаго, Геронтія епископа коломенскаго, Васіана епископа сарьскаго и подонскаго, и по избранію же благодати Святаго Духа, избрахомъ въ святейшую епископію богоспасаемаго града Тфери священноинока Генадія, и поставихомъ епископомъ»³. Здесь следует также отметить, что, вопреки правилам вселенских соборов, светские власти активно вмешивались в процесс подбора кандидатов и выбора новых епископов: кандидатуры подбирались князьями или городской общиной (в Новгороде). При этом кандидатура

¹ Настольная грамота патриарха Филофея владимирскому епископу Алексию на митрополию киевскую и всея Руси // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. Приложения. № 9. Ст. 41–52.

² Настольная грамота митрополита Киприана новгородскому архиепископу Иоанну... С. 17.

³ Настольная грамота тверскому епископу Геннадию 1461 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. № 91. Ст. 679.

подбиралась таким образом, чтобы авторитет нового главы епархии был очевиден и признавался всей землёй¹.

О том, что кандидатура готовилась заранее и в этом процессе участвовали различные силы, свидетельствует одна из древнейших настоятельных грамот – настоятельная грамота патриарха Филофея владимирскому епископу Алексию на митрополию киевскую и всяя Руси. В этой грамоте патриарх отмечает, что назначение Алексия противоречит установившемуся порядку замещения митрополичьей кафедры, однако уже при жизни предыдущего митрополита Феогноста Алексию была доверена часть функций как преемнику, а его личные качества и авторитет служат дополнительными аргументами в его пользу².

В начальной части настоятельной грамоты митрополита Фотия (1414 г.) указывается на прекращение внутренней распри в православной церкви и восстановление нормального течения её жизни³. Митрополит Фотий подчёркивает, что именно в соответствии с заведённым порядком была определена кандидатура нового епископа для Владимира-Волынского.

При поставлении в должность новому епископу формулируется общий круг его функций: «Сего же ради, долженъ есть боголюбивый Епископъ, о Святемъ Духе возлюбленный сынъ и сослужебникъ нашего смиренія Герасимъ пріяти порученную ему церковь и творити въ ней елика достоить своимъ Епископомъ: четци знаменати, и поддѣяконы и дѣяконы и презвитеры ставити, еще же и игуменовъ во обителихъ уставляти; учити же люди православные еуангелскимъ заповедемъ и закону христїанскому, и заблуждшихъ наставляти ко истинному пути»⁴.

¹ Голубинский Е. История русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1901. С. 362.

² Настоятельная грамота патриарха Филофея владимирскому епископу Алексию на митрополию киевскую и всяя Руси // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. Приложения. № 9. Ст. 43.

³ Настоятельная грамота митрополита Фотия, Герасиму епископу владимирскому на Волыне // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 18. С. 27.

⁴ Там же.

Определение функций нового святителя в настольных грамотах определяется по-разному. Если в грамоте митрополита Фотия это определение носит пространственный и детальный характер, то в грамоте новгородского архиепископа Феофила о назначении наместника в Псков определение функций лаконично и сводится к указанию основных направлений деятельности наместника: «А оставляю вамъ, сынове, въ свое место, на свой святительский судъ, и на свой подъездъ, и на все свои пошлыны, наместника своего...»¹. Фактически, здесь указывается только на право осуществления святительского суда и право собирать положенные владычному наместнику пошлыны.

При том, что перечень функций поставляемого святителя определяется по-разному, в большинстве грамот указывается на основные направления его деятельности: 1) соблюдение канонических правил; 2) освящение церквей; 3) поставление в священники, дьяконы, чтецы и т. п. Отношения церковного иерарха и паствы основывались на взаимных обязанностях, поэтому в настольные грамоты нередко включалось специальное напоминание мирянам и духовенству епархии о необходимости подчиняться власти святителя в рамках сферы его компетенции².

Некоторые грамоты внутреннего церковного управления не оформлялись как настольные, хотя, по своему содержанию, также являются актами, вводящими высших иерархов в соответствующую церковную должность. Примером может являться грамота новгородского архиепископа Феофила 1477 г. о назначении в Псков своего наместника. В тексте грамоты устанавливается, что во время отсутствия архиепископа его наместник уполномочен осуществлять церковный суд и собирать пошлыны в пользу архиепископа.

В противоположность настольным отречённые грамоты оформляли процедуру оставления высших церковных должностей уровня святителя – епископа, архиепископа, митрополита.

¹ Грамота новгородского архиепископа Феофила псковичам 1477 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 284. С. 520.

² Настольная грамота тверскому епископу Геннадию 1461 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб., 1880. № 91. Ст. 680–681.

В качестве примера может быть рассмотрена отреченная грамота суздальского епископа Феодора (1485 г.). Суздальский епископ Феодор перед церковным собором заявляет о своём желании оставить святительскую должность и уйти простым монахом в монастырь: «Се язъ Епископъ Феодоръ града Суждаля сіе написахъ о томъ, что есми добиль челомъ своему господину Геронтію Митрополиту всея Руси, предъ Архіепископы и Епископы ... [здесь следует перечисление членов собора – Ю. О.]»¹. Далее он объясняет, что не в состоянии справляться с руководством епархией («и того съдержати и управляти не возмогохъ, да своя ради немощи оставилъ есми свою епископью»), в связи с чем оставляет епископию и уходит в монастырь, обещаясь в дальнейшем не именоваться епископом и не вмешиваться в дела святительского управления. Текст этой грамоты является достаточно типичным, другие сохранившиеся отречённые грамоты повторяют общую структуру, отличаясь в некоторых деталях.

Новгородский архиепископ Феофил в своей отреченной грамоте ссылается на то, что не соответствует высоким требованиям, предъявляемым к лицу, занимающему место святителя («и въ сихъ всехъ познаваю убожество своего ума и великое смятеніе своего неразумія»), в связи с чем просит митрополита и собрание высших иерархов освободить его от этого груза («еже пріимаю отъ него благословеніе и прощеніе о своемъ дерзновеніи и о своей грубости и о недостаточстве своего ума, чтожь Христова стада словесныхъ овецъ пасти и воздержати не возмогохъ, и того ради оставляю свою архіепископію Великого Новаграда и Пскова и степень своего святительства»)². Физическая и умственная немощь, неспособность управляться со святительскими функциями является традиционным обоснованием отречения святителя. В отреченной грамоте новгородского архиепископа Геннадия 1504 г. кратко формулируется именно это основание: «Своя ради, господине, немощи оставилъ есми свою архіепископію и сте-

¹ Отреченная грамота суздальского епископа Феодора // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 94. С. 139.

² Отреченная грамота новгородского архиепископа Феофила 1481–1483 гг. // РИБ. Т. VI. СПб., 1880. № 110. Ст. 746–747.

пень своего святительства Великого Новаграда и Пскова...»¹. В отличие от других грамот здесь не расписывается подробно «грубость и недостаточность» ума отрекающегося, просто указана «немошь».

В отреченной грамоте 1539 г. митрополит Даниил указывает, что он не в состоянии решать стоящими перед митрополитом задачи («разсмотрихъ разуменіа своа немощна къ таковому делу и мысль свою погрешителну, и недостаточна себя разумехъ въ такихъ святительскихъ начинаніихъ, отрекохся митрополіи и всего архіерейскаго деиства отступихъ»)².

Сходным образом выражена причина ухода новгородского архиепископа Сергия: «и наиде на мя великая немощь (и о семъ сведетельствующе Святому Духу), еяже ради ничтоже могу святительская действовати; и того ради оставихъ той великій степень святительства, архіепископію Великого Новагорода и Пскова, и изидохъ въ смиренный въ иноческій образъ; и отныне ничтоже могу святительская действовати, ниже архіепископъ нарицатися»³.

В большинстве грамот отрекающийся архиепископ даёт обещание не пытаться в дальнейшем вернуться на архиепископскую кафедру, не именоваться архиепископом и не вмешиваться иным образом в дела высших иерархов Церкви («а къ сему оже Богъ повелит ми впредь еще живу быти, и азъ къ тому ничтожъ могу святительскихъ преданей действовати, ниже паки вспять возвратитись на прежняя ми святительская дела, ниже Архіепископомъ именоватись, зане бо изволихъ пріяти уже яремъ Христа моего и во смиреннейшихъ пребывати и до последняго ми издыханія»)⁴. Приведённый отрывок из грамоты новгородского архиепископа Феофила особен-

¹ Отреченная грамота новгородского архиепископа Геннадия 1504 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 384. С. 488.

² Отреченная грамота митрополита Даниила 1539 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 185. С. 163.

³ Отреченная грамота новгородского архиепископа Сергия 1484 г. // РИБ. Т. VI. СПб., 1880. № 112. Ст. 750–751.

⁴ Отреченная грамота новгородского архиепископа Феофила 1481–1483 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. № 110. Ст. 747–748.

но показателен, поскольку в его отстранении был напрямую заинтересован московский великий князь, а само смещение с архиепископской кафедры носило принудительный характер: «В лето 6988, генваря въ 19, поималъ князь великій владыку Новгородского Феофила в Новегороди в Великомъ, и посла его [в Москву] с Ыльею с Васильевичемъ, того же месяца генваря 24, и посади его у Чюда в монастыри, и седилъ пол-3 лета, ту и преставися, и положень бысть [тутоже]»¹.

В отреченной грамоте Сергия эта часть грамоты гораздо лучше сформулирована и предстаёт уже в качестве стабильного элемента формуляра: «аще ли ми и продолжитъ Богъ животь, и мне никакожь святительская действовати, ни архіепискупомъ нарицатися, а пребывати ми въ смиреномъ въ иноческомъ житіи»². При этом в новгородской летописи причина отстранения Сергия, на первый взгляд, никак не связана с политическими мотивами: летописец пишет, что на него нашло помрачение рассудка («приде на него изумление»). Однако предыстория, излагаемая летописью, может указывать на то, что новый архиепископ не был воспринят в Новгороде в качестве своего и его уход был также недобровольным³. Упомянутый выше митрополит Даниил, указывавший в своей грамоте в качестве причины ухода несоответствие занимаемой должности, также был смещён с митрополичьей кафедры внешней силой, одним из братьев Шуйских⁴. В грамоте 1504 г. архиепископ новгородский Геннадий тоже подчёркивал, что никоим образом не собирается вмешиваться в святительские дела, поскольку теперь ему надлежит не «учити, но учиму быти»: «зане бо уже несмь Архіепископъ, вся бо дела святительская оставихъ и симъ своимъ писаніемъ отрекохся всего, а изво-

¹ Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 139.

² Отреченная грамота новгородского архиепископа Сергия 1484 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. № 112. Ст. 751.

³ Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 140.

⁴ Голубинский Е. История русской Церкви. Т. II. Период второй, Московский. Первая половина тома. М., 1900. С. 736.

лихъ себе жити въ монастыре въ чернеческомъ житіи, пребывая въ покореніи и во всемъ въ повиновеніи и до послѣдняго издыханія»¹.

Таким образом, этот элемент имеет политическую обусловленность и был введён в формуляр отречённых грамот именно в связи с необходимостью юридического закрепления невозможности возвращения смещённого иерарха.

Сохранившиеся настольные грамоты показывают, что устойчивого формуляра этой группы актов не сложилось, несмотря на наличие греческих образцов, исходивших непосредственно от константинопольского патриарха. Тем не менее, некоторые элементы обязательно присутствуют почти во всех сохранившихся настольных грамотах, что позволяет говорить о некоторых общих чертах если не формальной, то содержательной структуры. Среди них наибольший интерес вызывают определение обстоятельств назначения нового главы епархии и определение круга его функций. Напротив, отреченные грамоты демонстрируют довольно устойчивую структуру, в составе которой можно выделить следующие значимые элементы: 1) просьба к митрополиту и собору разрешить автору грамоты оставить епархию и удалиться в монастырь; 2) ссылка на неспособность выполнять функции святителя, которая является официальной причиной его ухода; 3) обещание не именоваться впредь святителем и не вмешиваться в дела святительского управления.

В качестве примера здесь приводится Настольная грамота митрополита Киприана Новгородскому архиепископу Иоанну (1391–1397 гг.)². Митрополит Киприан ссылается на авторитетные источники церковного права, с древности установившие сферу компетенции церковных иерархов и недопустимость вмешательства в неё светских людей. Вслед за тем Киприан определяет подвластность новопоставленному архиепископу новгородскому всего чёрного и белого духовенства епархии, а также подтверждает его право владеть всем церковным имуществом на территории Новгородской республики.

¹ Отреченная грамота новгородского архиепископа Геннадия 1504 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 384. С. 488.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 7. С. 16–17.

Се язъ Кипріянь, Митрополитъ Кіевскій и всея Рүси, по преданью святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець уставу, еже то уставили пределы церквамъ Божиимъ, митрополямъ и епископамъ, да еже что потягло къ которой митрополю или къ епископу монастыреве, игүмены съ чернцы, попы, дьяконы и всякъ церковный человекъ, то вси подъ властью, въ послушаньи Святителю: никтоже да не смеетъ ни единъ крестьянинъ, ни малъ ни великъ, въступатися въ тая дела.

Аще ли который отъ техъ игүмень, или попъ, или чернецъ иметь отыматися мїрскими властелины отъ Святителя, таковаго божественая правила извергаютъ и отлучаютъ; а кто по нихъ иметь въступатися, того не благословляютъ.

А что погосты и села и земли и воды и пошины, что потягло къ церкви Божьи, или купли, или кто далъ по дүши памяти деля, а въ то ни единъ христїанинъ не въступается; а кто въступится, того не благословляютъ божественая правила.

Сего ради, и язъ Кипріянь, Митрополитъ всея Рүси, по темъ божественымъ правиламъ, далъ есмь сію свою грамоту въ епископию въ Новгородскую, въ Святую Софью, и сыну своему, Владыце Архіепископу Великаго Новгорода Ивану: да елико есть монастыревъ, игүмены да бѹдуть у него въ покореньи и въ послушаніи и весь чинъ священнический; такоже и погосты и села и земля и воды, со всеми пошиннами, что потягло при первыхъ Владыкахъ къ той епископу, къ Софьи Святой, какъ при первыхъ Владыкахъ тамо что ни было, тако и нынеча потянетъ къ Святей Софьи и ко Владыце Ивану.

А никто бы не смелъ въступатися въ церковныи пошины, ни въ земли ни въ воду, бялся бы казни святыхъ правилъ; а кто бѹдетъ въступился, а тотъ бы престалъ отъ сего часа.

А кто послушаетъ святыхъ Апостолъ правилъ и святыхъ Сборовъ преданье и мое поученіе, на томъ милость Божія и Пречистыя его Матери и мое благословенье; а кто не послушаетъ моего благословенія и покушается обидети церковь Божью, а на томъ не бѹди милости Божіи и Пречистыя его Матери, ни моего благословенія. А дана грамота на Москве, месяца Августа въ 29 день.

В качестве примера отреченных грамот приводится грамота суздальского епископа Феодора (1485 г.)¹.

Се язъ Епископъ Феодоръ града Сүждаля сіе написахъ о томъ, что есми довилъ челомъ своему господину Геронтію Митрополиту всея Рүси, предъ Архієпископы и Епископы, предъ Асафомъ Архієпископомъ Ростовскимъ и Ярославльскимъ, предъ Семіономъ Епископомъ Рязанскимъ, и предъ Герасимомъ Епископомъ Коломенскимъ, и предъ Барьскимъ Епископомъ Прохоромъ, и предо всеми соборы великія митропольи всея Рүси,

и по своему человитю пріяхъ отъ него благословеніе и прощеніе о своемъ дерзновеніи, еже хотехъ пасти Христова стадо словесныхъ овецъ, и того съдержати и управлять не возмогохъ, да своея ради немощи оставилъ есми свою епископью и степень своего святительства Сүждаальскаго и Торүскаго.

А по сихъ, яже ми еще Богъ повелитъ живу быти, и язъ ктому ничто жене хощу святительскихъ преданій дейсовати, ни вѣстүпатись некоторыми делы, ни именоватись Епископомъ, ни учити, но учиму быти, заньже ни есмь Епископъ, вся дела святительская оставихъ и симъ своимъ писаніемъ отрекохся всего;

а изволихъ себе жити въ монастыре, во иноческомъ жити, пребывая въ покореніи и во всемъ повиновеніи, и до последняго ми вздохновенія, берегүчи своея дүши отъ сетей непріязненныхъ дүховъ лүкавствія, по реченному слову Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ: никтоже бо, рече, возложъ рүки на орало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи небеснемъ, яко того есть слава и держава въ веки, аминь.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссіею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. № 94. С. 139–140.

§4. КаноНИЧЕСКИЕ ОТВЕТЫ

Важную группу источников церковного права составляют исходившие от церковных иерархов и авторитетных духовных лиц послания, поучения, наставления, ответы на вопросы. Среди этой группы источников наибольший авторитет имели канонические правила, принятые на вселенских и на поместных соборах, а также часто древнерусские авторы ссылались на правила св. Василия Великого. Но при этом гораздо больший интерес и гносеологический потенциал при изучении системы источников русского права представляют правила и ответы, данные местными церковными авторитетами, целью которых было разъяснение действующих норм церковного права по поводу недоразумений, встречающихся на практике или же указание на их обязательное неукоснительное исполнение. Эта группа источников ориентирована не на создание новых правил, а на проведение в жизнь православного общества уже существующих. Среди этих источников следует назвать ответы митрополита Иоанна II (1080–1089) на вопросы Якова черноризца¹, ответы Нифонта, епископа Новгородского, на вопросы Кирика, Саввы и Илии (используется и другое название – «Вопрошанье Кирика»)², правило митрополита Максима³ и др. Поучения и наставле-

¹ Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. VI. № 1. Ст. 1–20.

² Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. VI. № 2. Ст. 21–62.

³ Правило митрополита Максима // Русская историческая библиотека. Т. VI. № 13. Ст. 139–142.

ния издавались высшими церковными иерархами для разъяснения определённых вопросов церковного устройства, управления и суда, особенностей исполнения церковных служб и т. п.

В качестве примера ниже приводится Поучение митрополита Киприана духовенству 1395 г.¹ Уже начало этой грамоты указывает на родство поучений и ответов на вопросы – Киприан строит своё поучение как разъяснение по поводу заданных ему вопросов. Вопросы касаются самых разных сторон церковной жизни – порядка осуществления служб, возможности причащения убийц и воров, соотношения функций священника и дьякона, количества духовных родителей и др.

Кипріянь, милостью Божією Митрополитъ Кіевський и всея Р҃си. Что мя есте въпросили о службахъ Великаго Василіа, бѹди же вамъ ведомо: служба Великаго Василіа починается вторыя недели поста; а въ неделю сыропустную Златаѹстова служба, такоже и въ неделю сворованіа, занеже на своръ синодикъ чтется, того деа Златоѹстова служба; а отъ вторыя недели поста, въ великій постъ, на всякую неделю, Великаго Василья служба служити; а на верьбеницу Златоѹстова служба; и на канонъ Рожества Христова, и на канонъ водокрещенія Василья же Великаго служба. Мнози же чти деа Великаго Василіа, и на его праздникъ службою служатъ. А въ среду масленыя недели и въ пятницу нетъ никакоя службы, но толко часы съ вечернею; такоже и въ великую пятницу потомужъ.

А татемъ и дѹшегѹбцемъ при смерти дати причастіе, но аже что каются, вся своя согрешенія чисто поведають; а некающемѹсъ какъ емѹ причастіе дать?

А церкви несть второго священія никаковаго, кроме аже престолъ святыи попортится, тогда и священіе надобе, тогда и всякаа порядня изнова надобна.

А въ великую сѹботѹ, вечеръ, мефимона несть никакожъ.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 11. С. 19–20.

А что мя есте въпросили: аже коли діаконъ не пригодитъ, а на добе многимъ попомъ пети вместе, чтовы отъ поповъ которому молодшему діаконovati? Нестъ въ поповьстве ни младости ни старости, того дея неслично тому быти; а колико бы то было, чтовы попу діаконovati, ино потомъ вѣдетъ ни попъ ни діаконъ, того дея не лзе тому такъ быти: попъ есть попъ, а діаконъ дьяконъ; а коли не пригодитъ дьякона, и попъ служитъ одинъ.

А что въпрошаете, пети ли Святый Боже въ олтари: ино гды бывають сборныя церкви, а сѣть попы крилошане съ діаконы везъ перемены на выходъ, въ олтари: и певци поють Святый Боже, и Слава, поють и ныне, и попы поють въ во олтари одну толко последнюю Святый Боже.

А на Въздвиженіе честнаго Креста въ всякой церкви, по всей земли, где христіяне живутъ, Крестъ въздвизаютъ, хотя бы одинъ попъ былъ, на славу честнаго и животворящаго Креста.

А которого человека отецъ дѣшевный не благословитъ за его непослушаніе, а онъ живетъ лета, а не знаетъ, ни кается, а придетъ къ смерти да такъ и не кается, недостонитъ ему дати святаго причастья; а почнетъ каатись предъ смертію и плакати, исповедаа своя вины, ино пріяти его въ покааніе и причастіе дати ему, да оже смерть ся ему пригодитъ, тогда въ томъ паки волно вѣдетъ, въ чемъ его поставитъ; а толко востанетъ отъ тое волести и здравъ вѣдетъ, ино ему опитемья подняти за предніи своя дела.

Про кумовьство, что дѣтя крестити куму съ кумою, несть того: неслично двема крестити, ни мужю съ чужею женою, ни съ своею женою, но одному годитъ крестити, или отъ мужьскаго полу, или отъ женьскаго.

А что ми въпрошаете про ростриги, и язъ дивлюся сему: всякій христіянинъ ведаеться, аже который христіянинъ, а отвержетъ Христа, съ темъ негодитъ ни ясти ни пити, ни целоватись съ нимъ, ни стретитись бы съ нимъ, такъ отъ него бегати; такожь паки кто посмеетъ ангельскому образу, а съ себе свержетъ, и тотъ таковой тому подобенъ, и божественаа правила такъ повелевають, съ таковыми ни ести ни пити, ни обчины никакой не держати; а иже

такъ и не кается, не возметъ на себе опять ангельскаго образа, проклинаятъ его божественнаа правила.

А къ поповъству и діяконъству аже кому ставитись, надобе чисту быти, какъ отъ чрева матерья родитися, не было бы зарока тому сгоже ставитися.

А случитя паки какова напастъ въ поповъстве или въ дяконстве, по навоенью дѣволскому, ино ему въ тотъ часъ престати отъ службы; несть ему никакой опитѣмьи, но толко не пити и до смерти.

Сіе вамъ поученіе отъ мене. А милость Божія на васъ. А данъ списокъ въ Новеграде, въ лето 6903.

Нередко поучения, наставления, рекомендации не обозначались соответствующим термином, но из содержания грамоты очевидна её функциональная принадлежность. Примером таких грамот является грамота митрополита Киприана псковичам «О несуждении попов без святительского суда и неприсвоении сел и земель церковных» (12 мая 1395 г.). Приводится по изданию: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 9. С. 18.

Се язъ Кипріянь Митрополитъ Кіевскій и всея Руси.

Что есмь слышалъ, ажь въ Пскове міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещехъ, ино то естъ кроме хрестьянскаго закона: негодится міряномъ попа ни судити ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто ихъ ставитъ Святитель, ино тотъ ихъ и судитъ и казнитъ и учитъ. А вы вы есте, дети мон, Псковичи, отъ велика и до мала, чтобы есте не судили поповъ, ни казнили ихъ, грѣха бы есте на свою дѣшу не имали, ни зарока бы есте на всь Псковъ не чинили.

Слышалъ есмь и то, что попы некоторые молодыи да овдовели, а ни поповъство оставили да поженилися; и того вамъ такъже негодится судитъ, чтобы есте ихъ не занимали ничимъ: ведаетъ то Святитель, кто ихъ ставитъ, тотъ и поставитъ и извержетъ, и судитъ

и казнить и учить; а вамъ негодится въ та дела вѣстѹпатися. А кого церковь Божья и Святитель огласитъ, и вамъ по томѹ оглашенію годится такъ же держати его.

А что земли церковныи или села, кѹпили ли бѹдѹтъ, или кто бѹдетъ далъ, ѹмирая, которой церкви; а въ те бы есте земли не встѹпалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божья не изовижена была, занеже въ томъ великъ грехъ отъ Бога.

Сего ради и азъ, по санѹ и по области, юже ми далъ Богъ, ѹчю васъ своихъ детей, а вы моего слова слѹшайте; а кто сея грамоты не послѹшаетъ, не бѹди Божья милости на немъ, ни моего благословленья; или кто послѹшаетъ, а милость Божья на васъ.

А дана грамота въ Великомъ Новегороде, мѣсяца Маія въ 12 день, индикта 3, въ лето 6903.

§5. КНЯЖЕСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ УСТАВЫ

Именно эта группа источников церковного права занимала главенствующее положение в иерархии источников церковного права, находя применение в деятельности церковных судов. Эти источники – подобно первым светским законодательным источникам права – испытали сильное влияние обычного права. Их своеобразие заключалось в том, что они издавались светской властью, но при этом определяли сферу компетенции церковного суда, основания его деятельности и даже регулировали конкретные случаи, подлежащие ведению церковных судей. Эти особенности определяют и значительное место, которое занимают уставы в историографии древнерусского права¹.

В качестве примера здесь приводится Устав князя Владимира Святославича, в рамках которого фиксируется принцип невмешательства светской власти в дела церковного суда, намечены два пути

1 См.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. I. М., 1901; *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Т. I. СПб., 1868; *Неволин К. А.* О пространстве церковного суда в России до Петра Великого // Полное собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1859; *Павлов А. С.* Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883; *Суворов Н. С.* Следы западно-католического права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972; *Гайденко П. И.* Церковный устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 80–85 и др.

определения сферы компетенции церковного суда: 1) по кругу деяний (ст. 9); 2) по кругу лиц (ст. 16–17). (Текст и разбивка на статьи приводятся по изданию: Устав князя Владимира Святославича. Синодальная редакция // Российское законодательство X–XX вв. Т. I. М., 1984. С. 148–150).

Устав святого князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судех (текст и разбивка на статьи приводятся по изданию: Устав князя Владимира Святославича. Синодальная редакция // Российское законодательство X–XX вв. Т. I. М., 1984. С. 148–150).

Во имя отца, и сына, и святого дѹха.

Се яз, князь Василии, нарицаемы Володими, сын Святославль, внук Игорев, блаженныя княгини Ольги, възсприал есмь святое крещенне от грецьскаго царя и от Фотия патриарха царегородьскаго, взях първаго митрополита Леона Киевѹ, иже кърсти всю землю Рѹсьскѹю святым крещеньемъ.

По томъ же летом многимъ минушемъ создахъ церковь святыя Богородица Десятиннѹю и дахъ енъ десятину по всей земли Рѹсьстен ис княжения в сборнѹю церковь от всего княжа сѹда десятию векушю, а ис торгѹ десятию неделю, а из домов на всяко лето от всякаго стада и от всякаго жита чюдному Спасѹ и чюднен его матери.

По томъ разверзъше грецьскыи номоканон и обретоша в немъ, оже не подоваеть сихъ сѹдов и тяжь князю сѹдити, ни бояромъ его, ни сѹдьямъ.

И яз, съгадав с своею княгинею с Ѧнною и с своими детьми, дал есмь ты сѹды церквам, митрополитѹ и всемъ пискупиямъ по Рѹсьсконъ земли.

Ѧ по сѹмъ не надобе възстѹпатисяни детямъ моимъ, ни внучатомъ, ни всемѹ родѹ моемѹ до века, ни в люди церковные, ни во все сѹды ихъ.

То все дал есмь по всемъ городомъ и по погостомъ и по слободамъ, гдѣ нѣ сѹть християне.

И своимъ тиѹномъ приказываю церковнаго сѹда, не обидети ни сѹдити безъ владычня наместника.

Ѧ се церковнии сѹди: роспѹст, смилное, заставање, пошиванье, ѹмычка, промежи мѹжемъ и женою о животѣ, в племени или в свать-

стве помѣтъся, ведѣство, зелениничество, потвори, чародеяния, волхвованія, ѱреканія три: бляднею и зельи, еретичѣство, зѳвоежа, или сын отца бѣеть, или мать, или дчи, или снѣха свекровь, братья или дети тяжются о задницю, церковная татва, мертвеци сволочатъ, крест посекутъ или на стенах режють, скот или псы, или поткы без великы нѳжи въведет, или ино что неподовно церкви подеетъ, или два дрѳга иметася бити, единого жена иметъ за лоно дрѳгаго и раздавить, или кого застанѳтъ с четвароножиною, или кто молитъся под овином, или в рощени, или ѳ воды, или девка детя повѳржетъ.

Те все сѳды церкви даны сѳтъ. Князю и бояром и сѳдьям их в ты сѳды нельзе въстѳпатися.

То все дал есмьпо пѳрвых царев ѳряженью и по вселеньскихъ святыхъ семи зборов великихъ святитель.

Аже кто преобидить нашъ ѳстав, таковым непрощеным быти от закона божия и горе себе наследѳють.

А своим тиѳном приказываю сѳда церковнаго не обидети и с сѳда давати 9 частии князю, а 10-я святѳен церкви.

А кто пообидить сѳд церковныи, платити емѳ собою, а перед богомъ томѳ же отвечати на страшнем сѳде предъ тмами ангел, иде же кождо дела не скрываются благая или злая, иде же не поможетъ никто же комѳ, но токмо правда избавить от вторыхъ смерти, от вечныхъ мѳкы, от огня негасимаго. Господь рече: в день мести въдамъ сдержажим неправдѳ в разѳме, техъ огонь не ѳгаснетъ и червь ихъ не ѳмреть, створшим же благая а в жизнь и в радость и неизреченнѳю. А створшим злая в въскрешенье сѳда, им же рече, неизмолим сѳд обрести.

Еже искони ѳставлено есть и порѳчено святымъ писаньямъ городьские и торговые всякая мерила и спѳды весы, ставила, от бога тако искони ѳставлено пѳскупѳ нести бес пакости, ни ѳмалити, ни ѳмножити, за все то дати емѳ слово в день сѳда великаго, яко же и о дѳшахъ человѣскахъ.

А се церковные люди: игѳмен, поп, дьякон, дети ихъ, попадия и кто в клиросе, игѳменья, чернець, черница, проскурница, паломник, лечецъ, прощеник, задѳшьнынъ человек, сторонник, слепецъ, хромецъ. Манастиреве, болници, гостинници, странноприимнице.

То люди церковные, богаделные. Митрополит или пискүп веда-ет межн или сүд, или обнда или котора, или вражда, или задница.

Аже бұдеть иному человеку с тымь человекомь речь, то об-чий сүд.

Кто престүпить си правила, яко же есмы ұправили по святых отець правилом и пьрвых царев ұправленью, кто иметь престүпати правила си, или дети мои, или правнүчата, или в котором городе на-местник, или тиүн, или сүдья, а пообидять сүд церковнын, или кто нын, да бұдуть прокляты в син век и в бұдүщии семню зборов святых отець вселеньских.

§6. Правосудье Митрополичье

тносительно редко исследователи обращаются к материалам такого источника, как Правосудье Митрополичье. Правосудье Митрополичье сохранилось в составе сборника, получившего название «Цветник». Последний представляет собой особое произведение, составленное с целью собрать различного рода статьи, связанные с «праведными судами». Первые исследователи Правосудья Митрополичья отделяли его от других статей сборника и рассматривали преимущественно в связи с нормами Русской Правды¹. В дальнейшем М. Н. Тихомиров обратил внимание, что все элементы «Цветника» необходимо рассматривать в комплексе, как единое целое². В основном в состав «Цветника» входят мелкие статьи церковного содержания, среди которых значимое место занимают статьи церковно-юридического характера, при этом наибольшее влияние на него оказал, видимо, устав князя Ярослава. М. Н. Тихомиров убедительно доказал, что терминология, используемая в Правосудьи Митрополичьем, позволяет связать его происхождение с русским севером XIV–XV веков³. Близость отдельных статей Правосудья к Русской Правде объясняется, по его мнению, «особенно длительным бытованием старых терминов и судебных порядков на севере Руси».

¹ См., например: *Юшков С. В.* Правосудье митрополичье // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы.* Вып. XXXV. Л., 1929. С. 115–120.

² Тихомиров М. Н. Правосудье Митрополичье // *Археографический ежегодник за 1963 год.* М., 1964. С. 32–55.

³ Там же. С. 43.

Результаты исследования М. Н. Тихомирова позволяют рассматривать Правосудье Митрополичье как церковный судебник XV века, возникший в северорусском регионе, тесно связанном с землями Северо-Западной Руси.

Правосудье Митрополичье (приводится по изданию «Русская правда», под ред. С. В. Юшкова, стр. 176–178, деление на статьи дано по С. В. Юшкову).

А се есть правосудье митрополичье

1. Князю великому за безсечье главу снять, а меньшему князю, ли сельскому, ли тысячникомъ, ли околичникомъ, ли боярину, ли слуге, ли игумену, ли попу, ли дьякону, по житью, по слоужбе безсечье соудятъ.

2. Тивуну князю безсечье гривна злата, такъ и наместнику.

3. Аще ли кому соудятъ злато за бесечье противу того соудьи несть злата за злато, но деляться соудья присудомъ.

4. А се вина мужа с женоу различити: 1-я вина – застанетъ мужъ женоу свою с чюжимъ мужемъ, а учинитъ исправу на нее, различити их; 2 – вина – аще подумаетъ жена на мужа злеемъ; 3 – опричь мужа своего спати; 4 – с чюжими людьми ходит на пиръ; 5 – ходитъ на игрище опричь мужа своего; 6 – велит мужа своего красти; 7 – иметъ кто мыслити на мужа ея, а она ведаетъ а не скажетъ, того ради различитъ ихъ по исправе.

5. За голубь 9 коунъ, за утку 30 коунъ, за гусь 30 кунъ, за лебедь 30 коунъ, за жеравь 30 кунъ, за кошкю 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу 60 кунъ, за волъ 3 гривны, за корову 40 кунъ, за третьак 30 кунъ, за лонщину полгривны, за теля 5 кунъ, за боранъ ногата, за поросю ногота, за овцу 5 кунъ, за жеребца гривна, за жеребя 6 ноготъ.

6. Передни идетъ, а задни что найдетъ, не делиться с передним, а передни делиться з заднимъ.

7. Аще кто насилитъ девку ли оумучитъ, а боудетъ дщи боярская, ли жена, за срамъ еи 5 гривенъ злата; а меньшихъ боярь дчи, гривна злата, а добрыхъ 30 гривенъ сребра, а нарочитыхъ 3 рубли, а оумытцехъ епископу гривна, а князь казнит.

8. Аще ли на тѣн боудеть лихъ недужь, ли слѣпа, ли дльгая болѣзнь, про то отпусти ти ея, также и моужа.

9. Аще кто кому пострижетъ браду, ли главу, 12 гривенъ, а князь казнить.

10. Ты же, соудья, соуди слова, а не сердца: то естъ соудъ, что идетъ оу человека изъ оустъ.

11. Око човекоу соудитъся за полвека – 40 гривны.

12. А душегоубца велити казнить градскимъ закономъ: оссечи его да продати, какъ стечетъ, а домъ его на грабеж.

13. А татя безъ поличного на вязати, ни казнить, ни повесити.

14. Въ корьчме человека оубьютъ, за безчестее ногата, наезд да 100 гривенъ, а самосуда 2 рубли.

15. А вины властелину противоу поличного, а исцю тако ж.

16. А будеть послухъ прирочень, а скажетъ свои прирокъ, соуд и послухъ естъ.

17. А грамот татъ на себя держати, а людемъ на аворон не довати.

18. А соудьи стати за епископомъ своимъ самому, а скуду списка не слати.

19. А холопа своего, ли татя, с поличнымъ изнимавъ в чюжьи отчине, вести его ко своему судьи да судити.

20. А что ся деялъ за 3 годы того не искати судомъ, ли что деялся при иномъ князи ли властелине, того не искати.

21. На монастырское строение чернецъ игумену послухъ, а но иное не послухъ.

22. Аще кто собаку оубьетъ ли кошку, вины гривна, а собаку в собаки место, а кошка в кошки место.

23. Аще ли кто на кого хвалитъся, тѹ его и утягати, то емѹ естъ судъ.

24. А татъ оу пристава убежитъ, а не осужень, приставу в томъ несть вины, а осужень, вина, оубежитъ, приставу вина, а исцева дати.

25. Дети отцю не послуси, а на отца послуси.

26. Поп, игумень, дьяконъ никому не послоу си, развее на духовное дело, а своему братѹ игумену, попу, дьякону.

27. А се стоитъ в соуде челядинъ наинмитъ, не похочетъ быти, а осподарь, несть емоу вины, но дати ему въдвое задаток; а побезитъ от сподаря выдати его осподарю в полницю.

28. Аще ли оубьетъ осподарь челядина полнаго, несть емоу душегоубства, но вина есть емоу от бога.

29. А закоупнаго ли наинмита, – то есть душегоубство.

30. Тати ли во прирочнемъ человеце сүтяжаи есть, а послухъ нетъ.

31. Аще ли моужь ожениться иною, а старою не распоустився, моужь в винѣ, а младюю жену в домъ взяти, а старою жити.

32. Аще ли кто злоудитъ скотиною 12 гривенъ; а свекоръ снохою 100 гривенъ; а деверь съ ятровью 30 гривны; а сестрею 30 гривенъ; а с мачехою 40 гривенъ, а два врата съ единою женкою 100 гривенъ; а женка в домъ, а опитѣмь по закону.

33. Аще ли кто две жены держитъ, 40 гривенъ, а которая подлегла, та в домъ церковныя, с первою жити по закону, а вудетъ лихъ до нея, того достонтъ казнити.

34. Аще ли жена мужа бьетъ, 3 гривны, а две жены бьются, на виновантон гривна.

35. Аще ли чернецъ ли черница растрижется, епископъ ихъ въ что обрядитъ.

36. Что ся деетъ в монастырехъ ли в монастырскихъ людехъ, да не вступается князь ли властелинъ: то ведаетъ и епископъ.

Учебное издание

Оспенников Юрий Владимирович

**ИСТОЧНИКИ РУССКОГО ПРАВА
X–XVI ВВ.**

Учебное пособие

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Н. А. Ткачевой*

Дизайн обложки *А. В. Андреевой*

Подписано в печать 10.07.2020.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Гарнитура Cambria, **SkazkaForSerge**, Iz'bisla, Century Gothic.
Усл. печ. л. 10,99. Тираж 100 экз. Заказ 5956.

ООО «Научно-технический центр»
член Ассоциации книгоиздателей России
443096, Самара, ул. Мичурина, 58
тел. (846) 336-27-52
E-mail: iopad@mail.ru